

АКАДЕМИЯ МАГИИ

ЭЛЯ РИН

ПОХИТИТЕЛЬ
РАЗБИТЫХ СЕРДЕЦ

Annotation

Тоскливой октябрьской ночью я загадала желание: пусть разбитое сердце больше не болит! И желание исполнилось: ко мне явился незнакомец с прекрасным лицом и жестокой улыбкой. Он предложил забрать мое сердце и показать путь на темную сторону города, туда, где из обиды варят яд, а из ненависти сплетают проклятия. Хочу ли я пойти за ним и научиться этим чарам? Да, теперь я тоже хочу стать темным алхимиком. Да, я готова поступить в академию «Черный иней». Да, я знаю, что большая часть студентов не доживет до выпуска. Где подписать договор?

- [Эля Рин](#)
  -
  - [Пролог](#)
  - [Глава 1. Мерзавцы и мотоциклы](#)
  - [Глава 2. Зеркала и занозы](#)
  - [Глава 3. Фиалки и филармония](#)
  - [Глава 4. Кабинеты и каланхоэ](#)
  - [Глава 5. Палатки и пирожки](#)
  - [Глава 6. Веревки и время](#)
  - [Глава 7. Сны и созвездия](#)
  - [Глава 8. Тайны и танцы](#)
  - [Глава 9. Признания и проклятия](#)
  - [Глава 10. Буквы и безысходность](#)
  - [Глава 11. Любовь и ловушки](#)
  - [Эпилог. Часть 1. Валера](#)
  - [Эпилог. Часть 2. Яна](#)
  - [Эпилог. Часть 3. Дорога к декабрю](#)
  - [Эпилог. Часть 4. Сид](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)

- 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
-

Эля Рин

Похититель разбитых сердец

© Рин Э., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Пролог

В этот вечер судьба дважды подошла ко мне на расстояние вытянутой руки, но я еще не знала об этом.

Последний самолет из Москвы прилетел по расписанию. Последний на сегодня. При взгляде на табло меня уже начинало тошнить, в глазах плыло, но я мысленно отвесила себе пощечину – хватит изображать слабачку! – и с удвоенным вниманием принялась вглядываться в лица выходящих из зала прилета.

Справа от меня переминался с ноги на ногу одышливый таксист, справа – парень с модной прической с табличкой в руках. Таксист поглядывал злобно: полтора часа назад он едва не поймал в свои лживые сети – «довезу быстро и дешево, всего за полторы тысячи, в ваш район транспорт не ходит!» – милую девочку с каре и огромным чемоданом, но я от нечего делать спасла ее, показав дорогу к маршрутке. За пятьдесят один рубль. В смысле, за проезд, а не за мои услуги. Бесценные в свете вечной битвы измученных пассажиров с наглыми таксистами.

Парень с табличкой поймал мой взгляд и улыбнулся. Мы уже зацепились языками, и я знала, что беднягу отправили встречать гостя научной конференции, а номер рейса перепутали. Поэтому он грустил в аэропорту уже четыре часа.

На два часа меньше меня.

Еще и жаловался. Слабак.

Я достала из кармана телефон и нервно пролистнула список сообщений.

Не доставлено.

Не доставлено.

Не доставлено.

Я вздохнула и снова принялась вглядываться в проходящих мимо людей. Так внимательно, как будто это могло помочь. Загадывала: вот сейчас еще трое мужчин и три женщины, а следующим будет... Нет.

Ничего не работало.

Поток пассажиров наконец иссяк, я качнулась с пяток на носки, потом обратно... Надо не быть дурочкой и ехать домой. Всё. Он не

прилетит сегодня, хотя и обещал. Что-то случилось. Или не случилось. Опоздал на самолет – первый, второй, третий самолет, не было билетов, телефон разрядился, будильник отключился, трамвай сломался...

Сзади раздался смешок. Краем глаза я успела заметить фиолетовую вспышку и высокую темную фигуру, быстро обернулась... Никого.

Измаявшийся парень с табличкой наконец обрел свое счастье в лице старичка наиученейшей наружности, а таксист поймал за хвост удачу в виде грузной женщины с выводком пищащих детей и ошарашенно молчащей в переноске кошкой. Пора было и мне отправляться домой, к бутылке вина и сырной тарелке. Станет ли утешением тот факт, что все это достанется мне одной? Черта с два.

Последнее место в маршрутке заняли за секунду до того, как я подбежала к ней, следующая к остановке подъезжать не спешила, я стояла, обхватив себя руками, дрожала и думала: кто ж такой умный поехал в аэропорт в чулках под тонкую юбку, забыв куртку, да еще и на каблуках? Тот, у кого сейчас последовательно отвалятся жопа и ноги. Первая – от холода, вторые – от шести часов стоя. Можно было, конечно, проклинать собственную дурость, но гораздо приятнее возмущаться погодой и отсутствием мозгов у тех, кто не поставил достаточно кресел в зале ожидания.

«Обвинять внешние обстоятельства – это так по-нашему», – сказал кто-то слева, будто прочитав мои мысли. Я открыла было рот, чтобы возразить, но осеклась на полуслове. Оказалось, это подростки начали смотреть какую-то видюшку на телефоне, не прикрутив звук. Хороша бы я была, начав с ней спорить. Как будто совсем свихнулась.

«Ты все это время ждала его? Совсем с ума сошла?» – спросил меня телефон, когда я наконец забила в маршрутку на последнее сиденье и облегченно вытянула ноги в проход. Я в ответ фыркнула и уставилась в окно, глядя, как уплывает назад громада аэропорта. Как же я его сейчас ненавидела. Каждый квадратный сантиметр этого чертова зала ожидания.

А еще людей, которые дождались.

В отличие от меня.

«Надеюсь, ты едешь домой?» – еще одно сообщение.

Какие все заботливые и, главное, знают, как и что следует делать другим людям. Ну и пусть разговаривают сами с собой.

Я сунула телефон обратно в карман и прищурилась. Фонари за стеклом расплылись радужными пятнами, и у меня на мгновение получилось представить, как будто это я уезжаю, убегаю, улетаю, никого не жду, и на всех мне наплевать. Это ощущение было настолько... непривычным в контексте последних двух лет, что я даже растерялась. Как будто с ног сняли неудобные туфли, а вместе с ними две гири по пять килограммов. А что, так можно было?

Нет, нельзя.

Телефон характерно пискнул, раз, другой, завибрировал, я судорожно вытащила его и поднесла к глазам.

Доставлено.

Доставлено.

Доставлено.

«Котик, – пришло через минуту. – Прости, телефон разрядился. Ты что, ждала меня?»

Глава 1. Мерзавцы и мотоциклы

Подруга Соня потянулась ко мне и серьезно так, сосредоточенно погладила по кончику уха.

– Эй, ты что делаешь?

– Проверяю, – с убийственной трагичностью произнесла она. – Какой вид лапши в этот раз навешали тебе на уши. Рисовую? Яичную? Гречневую?

– Опять ты...

– Но, знаешь, даже издали видно, что лапша первого сорта! – Соня демонстративно сложила руки на груди и так сильно откинулась на спинку стула, что чуть его не опрокинула. А что, смешно было бы. Апогей милой женской ссоры в кафе. Бог наказывает ту, что решила рассорить влюбленных.

– Он действительно никак не мог приехать.

– И тебе тоже никак не мог позвонить, угу.

– Да там просто была авария, а потом...

– Яна! Ты сейчас говоришь, как эта... Героиня реалити-шоу! Которая застукала мужа с любовницей, но тут же заявляет, что все не так, как кажется. Мужа подставили, любовницу подложили, злодеи хотят разрушить вечную любовь.

– Рада, что ты сама признаешься в злодействе.

– Яночка, ну, ты чего, ну, – Соня наклонилась ко мне и пощелкала пальцами перед самым носом. – Давай рассуждать как взрослые люди. Валера спешит к тебе, стремится в Москву изо всех сил, чтобы не опоздать на самолет, с ним в машине за компанию едет друг, а еще впереди их знакомая девушка на мотоцикле... Так?

– Ну.

– Девушку заносит на повороте, она падает с мотоцикла, ломает ногу. Валера с другом везут ее в больницу, далеко везут, в самую Москву, чтоб клиника нормальная, долго-долго оформляют бумаги. Так?

Вместо ответа я молча возвела глаза к потолку. С потолка на меня смотрела тыква. Что характерно, грустная. Круглый оранжевый плафон с кривой неискренней ухмылкой явно намекал, что уже День

Всех Святых придет и надает всем пендаля, не разбирая, кто конфетку отдал, а кто в кулачке зажал. Trick or treat как оно есть, черт его побери.

– Потом Валера спохватывается, пишет тебе, извиняется и говорит, что прилетит на следующих выходных. Я ничего не упустила?

– Ничего.

– А теперь вопросы. Почему его телефон был так долго выключен?

– Разрядился.

– В машине не было зарядки? В больнице не было розетки? У друга телефон попросить нельзя было? Почему он так долго торчал в больнице? Кто ему эта девица? Почему он не прилетел на следующий же день? Особенно учитывая, что у вас были планы...

– Хватит, – было, видимо, в моем голосе нечто такое, что заставило Соню заткнуться. – Я пошла. Пока.

– Не хочешь говорить, да?

– Не хочу. Нет.

– Хорошо. Но знай, когда захочешь, приходи в любое время дня и ночи...

Я не стала дослушивать, подхватила рюкзак и вылетела из кафе. Потому что очень, очень хотелось плакать. И никаких сил не было делать это на глазах у подруги. Если бы она начала утешать, я бы не выдержала. Хотелось разбить что-нибудь. Выплеснуть наружу все эти слезы и злость, которые я старательно, с маниакальным усердием запихивала внутрь себя. На пределе сил.

Иногда – как сегодня – мне казалось, что от взрыва инферно меня отделяет тончайшая оболочка, и она вот-вот треснет, порвется, разлетится на куски... Всего один лишний неудобный вопрос.

Почему его телефон был так долго выключен?

На улице уже стемнело. В воздухе плясала мелкая морось, по мокрому асфальту расплывались пятна света – отражения фонарей. Машины намертво стояли в пробке, переругиваясь гудками меж собой: впереди на перекрестке два одиночества встретились, поцеловались и перегородили дорогу всему транспорту. На остановке было не протолкнуться. Люди тоскливо смотрели на набитые маршрутки, которые еще и двигались в час по чайной ложке. Самые отчаянные

пассажиры брали зонты на изготовку и готовились к штурму. Вечером, да еще таким эталонно осенним, всем хотелось лишь одного – побыстрее уехать после работы к ужину и горячему чаю.

Я перекинула рюкзак через плечо, поглубже засунула ладони в карманы куртки и пошла домой пешком, медленно и сосредоточенно обходя лужи. Спешить было решительно некуда. Планов на вечер у меня... не осталось. С тех пор как Валера не прилетел. Эту последнюю неделю октября мы собирались провести у меня дома, с теплыми пледами, чипсами и сериалами. Еще ходить на набережную, вместе пить кофе, держаться за руки... Делать, короче, все то, что доступно обычным влюбленным парам. А не раз в пару месяцев, как нам. Угораздило же меня влипнуть в отношения на расстоянии.

– Отношения на расстоянии, статус «все сложно», – ехидно протянула я с Сониной интонацией.

Глупо было отрицать, что она во многом права.

Обычно такие мысли я давила в зародыше – потому что нечего расстраиваться! рефлексировать только те, кому заняться нечем! – но сейчас у меня впереди было три километра до дома и весомый повод для размышлений.

Наверно, последние два года я была лягушкой. Но не той, которую поцеловали, и она сразу – хоп! – и принцесса. А той, которую посадили в кастрюльку с едва теплой водой, а потом постепенно нагревали. До состояния кипятка. Когда терпеть уже невозможно, но ты так долго убеждала себя в том, что происходящее нормально, что отказываешься выбираться наружу. Лучше свариться заживо.

Но, черт, неужели эта самая кастрюля с кипятком настолько мне дорога?

Мы встретились на чемпионате России по MTG^[1]. Кастрюлька, то есть Валера, пришел туда поболеть за друга, а я первый раз приехала на такие крупные соревнования. Просто как-то сложилось: выиграла сначала на нашем местечковом турнире, потом на региональном уровне, и вот уже я в Москве. На улице плюс пятнадцать, а кто-то в одной футболке приехал из своего южного Таганрога с его +35, на радостях забыв, что в средней полосе даже летом бывает прохладно. Поэтому, когда в перерыв почти все участники соревнований отправились обедать, я категорически отказалась выходить на улицу. Хотя есть ужасно хотелось.

Никто из моих давних знакомых и приятелей не заподозрил неладное, зато Валера как-то сразу все понял, подошел, позвал за компанию до соседнего супермаркета и предложил куртку. За пять минут дороги туда, а потом обратно мы нашли кучу общих тем для разговоров, и я пропала.

Всегда думала, что любовь с первого взгляда – глупость.
И сама влюбилась взгляда эдак с тридцатого... наверно.

Ровно в тот момент, когда я ностальгически вспоминала нашу первую встречу с Валерой, выглядывая из-под зонтика, чтобы посмотреть в романтическое осеннее небо с кружащимися листьями, с дерева упал каштан и стукнул меня по переносице. Вернул, так сказать, в мир жестокой действительности. Напомнил, что романтика романтикой, но реальность иногда преобильно щелкает по носу. И задорно ускакал прочь, поблескивая глянцевыми коричневыми боками.

Меня, кстати, всегда занимал вопрос, зачем реальность так делает. Сначала заманивает, щедро отсыпая чудес и радостей, а потом, когда жертва попалась и доверчиво продолжает ждать подарков от судьбы, ставит подножку. Вот как это так? Закон всемирного равновесия в действии? Где-то прибыло, значит, потом где-то убудет? Закон полосатой зебры? Что, если весь наш мир на самом деле это гигантская зебра, которой ужасно скучно ходить в монохроме? Вот она маниакально и отмеривает полосы: белая-черная, белая-черная, белая-черная... А можно мне какую-нибудь необычную, а? Желтенькую? Серо-буро-малиновую? Фиолетовую в крапинку?

Короче, сначала все было хорошо. Ну или мне так казалось.

«Прилетай ко мне, пожалуйста, хотя бы на один день, я куплю билеты».

Нежность, объятия, касаться друг друга, засыпать в обнимку.

Волшебные закаты и рассветы.

Километры переписки: «я скучаю» – «я тоже».

Делиться настроением, делиться впечатлениями, чувствовать, что расстояния становятся совсем короткими, ничтожными, не важными.

Разговоры, разговоры, разговоры.

«Я тебя люблю».

Не я, кстати, первая это сказала. Не я. «И я тебя тоже», – вот это была моя реплика в нашем спектакле, который как-то незаметно из

романтического ванильного жанра скатился в мелодраму.

Когда точно это произошло? Я потеряла висок, пытаюсь вспомнить. Память упорно сопротивлялась, затирала прошлое, прятала улики. Откуда-то сзади завопила пожарная сирена, я вздрогнула, но не оглянулась. Нет уж. Раз я начала – то есть осмелилась наконец – вспоминать, значит, ничего меня не отвлечет, даже если небо рухнет на землю.

Над головой тут же прокатился гром.

– Спасибо, что поддерживаешь разговор, – буркнула я в ответ вселенной и наконец ухватила за хвост воспоминание.

Одно. Остальные потянулись следом, как булавки за магнитом.

Это был сентябрь. В ворохе одежды, сваленном на кресле в квартире Валеры, я нашла... женские колготки. Это было как-то настолько нелепо, словно из фильмов про измену, что я даже сначала не поняла, что произошло. А потом как поняла! И тут же спросила, что это и откуда. Валера пожал плечами и сказал, что у него часто ночуют друзья и подруги, и – надо же! – эти самые друзья и подруги порой могут что-то забыть. «Спасибо, что нашла. Эй, ты же не думаешь, что это что-то значит?»

И оказалось, что легче не думать. Не мог же он меня обманывать, если говорил «люблю»? Если делился мечтами и планами, если обнимал так, что дух захватывало, если прижимал к сердцу, держа крепко и нежно... К тому же я знала, что у него и вправду часто останавливаются друзья из других городов.

Это был октябрь. Он ушел в пещеры с друзьями-спелеологами и пропал. В тот день, когда они должны были вылезти на поверхность и включить телефоны, ничего не произошло. Мои сообщения оставались не доставленными. Я волновалась и места себе не находила. Думала, что-то случилось. Переживала. Он вышел на связь спустя полтора дня. «Слушай, так бывает, в процессе чуть изменили маршрут. Ты и вправду волновалась? Перестань, я взрослый мальчик, а ты не моя мама».

И ведь правда же.

Это был ноябрь. Мы поехали праздновать его день рождения в Питер. Бродили по Невскому, ели в ресторане тушеную оленину с брусничным соусом, смотрели на Неву, прятались под одним зонтом от дождя. Стояли в длиннющей очереди в кунсткамеру... Тут он сказал:

«Мне надо позвонить». И ушел на полчаса. Я мерзла, переминаясь с ноги на ногу, и смеялась сама над собой, ибо вернулся тот самый эталонный кошмар из детства. Когда мама поставила тебя в очередь в магазине, а сама пошла еще куда-то... И ты в ужасе. Касса приближается, денег в кармане нет, и что делать-то? Вопрос «успеет ли она вернуться» становится главным вопросом вселенной. И ответ на него вовсе не 42^[2].

Валера вернуться успел, подгадав момент, когда я была уже на пороге музея. Как ни в чем не бывало. «Ловко ты отмазался от ожидания, – сказала я. – Кому звонил?» И он вдруг заорал в ответ: «Не твое дело! Что я, позвонить не могу уже?» А я стояла и смотрела круглыми глазами, не понимая, что случилось.

Потом был все еще ноябрь, или уже декабрь, недомолвки, недоговоренности, «абонент вне зоны действия сети», «прости, я забыл тебе позвонить, просто очень много работал». Я вздохнула. Эталонная картина, если смотреть со стороны. А если ты внутри, и воду нагревают постепенно...

Под Новый год я чуть не ушла от него.

Может, так и надо было сделать?

«Нет! – истерически завопил внутренний голос. Вот он всегда был на стороне Валеры. Наверно, тот его подкупил чем-то. – Ты же его любишь? Он же тебе дорог?»

Дорррог, дорррог, дорррог – над головой раздалось карканье, с дерева сорвалась стая ворон и полетела в сторону приморского парка, тяжело взмахивая крыльями.

И кто я, чтобы с ними спорить?

До дома оставалось еще десять минут ходьбы. Как раз достаточно, чтобы вспомнить тот дурацкий конец декабря, а потом убедить себя в том, что нечего беречь душу и поминать прошлое. Вон, настоящее тоже неплохо. Ветер. Листопад. Дождь. Половина фонарей в парке не горит. Левый ботинок промок. Пальцы замерзли. Мир прекрасен и удивителен.

Тогда я впервые разозлилась на Валеру. Если раньше получалось списывать его слова и странное поведение на «помехи» в понимании на расстоянии, на притирку и то, что взрослые самодостаточные люди не обязаны отчитываться друг другу обо всех телодвижениях, то тут...

В ответ на логичный и невинный вопрос: «Как будем встречать праздники?» – он натурально завопил: «Достали вы все меня с этими праздниками! Все! Достали! Как хотите, так и встречайте, я тут при чем?» В ответ я заявила, что, во-первых, я – это не «все», а если у него проблемы со «всеми», то пусть на них голос и повышает. Во-вторых, я его девушка, а не посторонняя дурочка с переулочка, и мне надо планировать выходные, так что пусть возьмет себя в руки и таки поделится мыслями про тридцать первое декабря.

– В лес поеду. Один. У меня там есть любимая елка.

– То есть под елкой будешь встречать?

– Да. Или в пещерах.

– Богатые планы.

– Или в Чернобыле. У меня друзья были недавно. Нелегально, конечно, там есть чуваки, которые устраивают экскурсии...

– Понятно.

На этом месте я осознала, что разговор пора сворачивать. И тем же вечером договорилась с друзьями из Вологды, что приеду к ним в гости. Там ожидалась елка – не та, которая в одиноком лесу, а наряженная, еще катание на санках, игры в настолки, глинтвейн, соревнования по выпечке пирогов и три кота, которые от присутствия посторонних людей в доме становились бесконечно дурными и устраивали дикие шалости. С учетом того, что гостей ожидалось больше десяти, можно было заранее предвкушать долю веселого безумия.

С Валерой этот вопрос я больше не поднимала, решив, что поеду к друзьям через Москву, там как раз встречусь с любителем елок, пещер и радиации и расставлю все точки над «i». Ну, потому что переписываться – это одно, говорить по телефону – другое, а в глаза смотреть живьем – то самое третье, незаменимое.

Я прилетела поздним вечером двадцать седьмого.

Валера ждал у выхода из зала прилета, явно недовольный: рейс задержали почти на полтора часа. Подходя к нему, я еще успела подумать, что всего пару месяцев назад меня встречали с цветами, а теперь с кислым выражением на лице. Мелькнула шальная мысль: можно ведь сразу, с полуоборота поругаться. Устроить шоу для окружающих, расстаться красиво и драматично, переночевать в зале ожидания, погулять по Москве, а вечером двадцать восьмого уехать в

Вологду... Но я ее тут же прогнала. Всегда считала, что если есть что обсудить в отношениях, то не стоит делать это на публике. Доедем до дома, попьем чай и поговорим. Или вообще завтра с утра.

– Привет. – Валера крепко обнял меня, потом отстранился и посмотрел... чуть подозрительно. – Что-то не так?

– Все так, – я пожала плечами. – Привет. Поехали.

Садясь в машину, я мимолетно подумала, что если мы сегодня... или завтра расстанемся, то мне очень будет не хватать совместных поездок. В самые дальние и интересные уголки Подмосковья, с кофе и бутербродами, с разговорами обо всем, ни о чем и самом сокровенном... Валера водил очень быстро, хорошо и с изрядной долей осторожности. Как по мне, редкое и очень приятное сочетание.

Я устроилась поудобнее, разгладила на коленях новую юбку и потянулась к ремню безопасности.

– Можешь пока не пристегиваться, – Валера наклонился через меня к бардачку, что-то там нашарил, потом повернулся и уткнулся мне носом в шею. Жарко задышал, щекоча бородой, и я почувствовала, как таю. – Сейчас заедем на заправку, там такие слойки пекут! Недавно разведал. А потом уже домой. Хорошо?

– Хорошо, – я кивнула и отвернулась к окну. Слойки. Домой. Рыжая колючая борода, такая уже родная и... Я сжала кулаки. Так. Мы еще не поговорили. Ничего не решено. Так что не плачь, Яна. Не смей.

Машина медленно поползла к выезду с территории аэропорта. Валера бормотал что-то по поводу проклятых задерживающихся рейсов и цен на парковку, а я упорно смотрела в окно, не поворачиваясь к нему. Звук мотора, и слова, и шелест проезжающих мимо автомобилей, и гул взлетающих самолетов сплетались в какой-то тревожный, дико раздражающий белый шум. Мне хотелось распахнуть дверь и выскочить из машины, и гори оно все огнем. Странное, нелогичное, дурацкое желание. Я закусила губу и перевела взгляд вперед, на шлагбаум, который задрожал и поднялся перед нами.

По дороге вилась поземка, с неба начинала сыпать белая крупа. Валера выжал газ, набирая скорость, я машинально улыбнулась, снова повернулась к окну, подышала на стекло и нарисовала снежинку. Веселую снежинку без забот, хлопот и отношений на расстоянии. Сбоку промелькнули два фургона – они осторожно крались по

заснеженному асфальту, а мы всех обгоняли, и я успела подумать, что на дороге, наверно, очень скользко, и все-таки пристегнулась.

А через несколько секунд мы вошли в поворот, и я успела подумать, что бок газели на соседней полосе как-то подозрительно близко. Слишком близко.

Наша машина пошла юзом, казалось, что асфальт под колесами вмиг превратился в лед. Валера крутанул руль, кузов газели пролетел в нескольких сантиметрах от моего окна, перед глазами замелькали метель, грузовик, метель, легковушка, отбойник, столб... Меня повело в сторону и треснуло виском о боковую стойку, в глазах начало двоиться, и тут раздался удар – бах! Меня швырнуло вперед, дыхание перехватило, грудь пронзила боль – ремень безопасности сработал идеально, удержав на месте.

Но тут картинка в глазах окончательно раздвоилась.

И я, как будто со стороны, увидела, как не пристегнувшаяся «я» выбиваю головой лобовое стекло, перелетаю через капот и качусь по обочине, освещенной фарами. Потом останавливаюсь и лежу. Неподвижно.

Я поняла, что от ужаса забыла, как дышать, потянулась рукой к боку и нащупала свою сумку. Ту самую сумку, которую распоролось осколком стекла, и она лежала там, на асфальте, рядом... и раскатившиеся из нее тушь, помада и карандаш для глаз. И пачка бумажных платков. С совами. Оптика взгляда сломалась, совсем сломалась, я одновременно смотрела с пассажирского сиденья и будто подошла поближе, присела и разглядывала все в подробностях.

Две дорожки крови из носа, изрезанные пальцы рук, багрово-фиолетовый синяк на подбородке, изорванную, мокрую, грязную одежду... И улыбку. Свою, знакомую улыбку из детства. Из тех времен, когда не было никаких проблем, когда я была смелая, светлая, отчаянно бесшабашная, радостная и уверенная в том, что все всегда будет хорошо. И со мной, и с любимыми людьми, и с миром вокруг нас.

Границы мира сузились до островка света, на котором лежала та, другая «я», снежинки падали и падали, и мне на секунду показалось, что все это дурной сон, приснившийся в самолете за минуту до того, как пилот попросит пристегнуть ремни и скажет, что мы приземлимся во Внуково через двадцать минут. Еще совсем немного, я проснусь,

быстро пройду через зал прилета, выскажу Валере все, что думаю, и ни за что, ни за какие коврижки не сяду к нему в машину. Поеду на маршрутке. На автобусе. На чем угодно. Лишь бы избежать этого кошмара, когда кажется, что вот эту сломанную куклу с твоим улыбающимся лицом заключили в снежный шар, трясут и трясут его, снег падает и падает, и кажется, что это будет продолжаться целую вечность.

Тут раздался хруст гравия.

Я подняла глаза и увидела, что ко мне – к другой, изломанной «мне» – по обочине подходит Валера. Причем выглядел он не таким, как в действительности, а таким, как я представляла его себе в мечтах. Чуть выше, чем на самом деле, с чуть более правильными чертами лица, в черной косухе и кожаных байкерских штанах – я обожала его в мотоэкипировке! – с золотыми прядями в рыжих волосах. Он закусил губу, посмотрел сверху вниз и присел рядом. Деловито достал из кармана большой хрустальный флакон, открутил крышку и поднес его к губам той «меня».

И тут из ее рта и глаз во флакон полетели маленькие серебристые искорки. Одна за другой, все больше и больше, они наполняли хрусталь мерцающим лунным светом, а Валера смотрел на это и... улыбался. Хищно, надменно, жестоко, как будто ему было совсем «меня» не жаль. Как будто он... Тут я похолодела. Специально все подстроил. Тут из-под «моей» головы вынырнул большой серебристый светлячок и заметался, забился, дергаясь туда-сюда, как будто ни за что не хотел попадать в хрустальный флакон.

Валера хмыкнул, потянул к нему руку, и тут я не выдержала.

– Эй! – я хотела крикнуть, но получился какой-то хрип. Шепот.

Зрение мигом пришло в норму, и оказалось, что я снова смотрю с пассажирского сиденья – туда, вперед, на дорогу.

Валера вздрогнул и обернулся ко мне:

– Ты что, меня видишь? – прошелестело в голове, я моргнула и почувствовала на щеке холодную руку. – Ты меня слышишь? – Валера смотрел на меня с водительского места.

Я медленно перевела взгляд.

Лобовое стекло было целым.

Асфальт впереди, освещенный фарами, пустым.

Никто не лежал в луже собственной крови.

Ни у кого не пытались украсть... что? Что он пытался забрать у...
Я застонала. Прикоснулась к виску.

В голове пульсировала и ширилась боль. Мешала думать, мешала смотреть, стирала все, что я только что увидела, заставляла думать, что это бред. Показалось. Пригрезилось. А в груди и солнечном сплетении поселилось отчаянное, сосущее ощущение пустоты. Как будто часть меня исчезла. Испугалась и сбежала. Умерла. И пустоту эту требовалось срочно заполнить, чтобы не сойти с ума.

Я расплакалась, потянулась к Валере и уткнулась в его плечо.

– Сильно ударились? – пробормотал он.

– Да... Болит, очень.

Про галлюцинации я говорить не стала. Я уже толком их и не помнила. Совсем не...

– Черт! – я наступила в глубокую лужу, почти по щиколотку, и холодная вода плеснула через край ботинка. – Черт-черт-черт!

Реальность выдернула меня из воспоминаний, и я поняла, что осталось совсем недалеко до дома. Пройти полквартиры, свернуть во двор, и... Стоп. Я сглотнула. Те самые галлюцинации. Сейчас я помнила все настолько ярко и четко, что сложно было представить, будто в течение двух лет считала их бредом.

Бессмысленным видением.

Иллюзией, порожденной сотрясением мозга.

Может, из-за них я не позволяла себе рефлексировать, анализировать и вспоминать прошлое?

Может, потому что это было слишком больно... и странно?

Я подняла лицо к небу и посмотрела на растущую луну, перечеркнутую черными ветвями деревьев. Тридцать первого будет полнолуние. Идеальный День Всех Святых, день призраков и колдовства. Я рассмеялась, сама не понимая чему, вытерла капли дождя с лица и зашагала дальше.

Оставшиеся воспоминания были похожи на ту самую воду из лужи, которая теперь хлюпала у меня в ботинке. Холодные, неприятные, и никак не избавишься, пока не разуешься и не переоденешь носки.

А если носков с собой нет?

А если я не удержусь на одной ноге в процессе выливания воды из ботинка и плюхнусь на мокрый асфальт? Будет больно. И еще более мерзко.

Какие неприятные «если».

Лучше, наверно, обойтись без них.

Лучше не думать и продолжать идти вперед, делая вид, что не обращаешь внимания на хлюп-хлюп.

Мой принцип в отношениях в последние два года. Лучше не думать, а то вдруг хуже станет?

Ночью после той аварии мы с Валерой лежали в постели, я обнимала его изо всех сил, прижималась к плечу и думала: какая же я дура. Я думала, что лучше расстаться? Что за бред! Мне остро не хватало его, меня тянуло к нему, как будто тонкие ниточки пришили меня навсегда к его лицу, и насмешливому взгляду, и нежным ладоням. Я обреченно и необычайно остро понимала, что не могу без него.

Как будто из души вынули какую-то деталь, и пустое место жизненно необходимо было заполнить. Заполнить тем, кто сейчас рядом. Кто меня спас, мастерски вырвав на скользкой дороге.

Кажется, у меня было сотрясение мозга... в легкой форме. Мысли текли медленно и казались неповоротливыми, как медузы, выброшенные на морской берег. Когда мы дождались эвакуатора, Валера предложил не ехать в больницу – «что там? ушиб? ты действительно хочешь провести полночи в травмпункте? поехали лучше домой!» – и я почему-то согласилась. Думать и решать не хотелось. Хотелось в тепло и на ручки. Валера обнимал меня, и укачивал, и шептал, что все будет хорошо. Легонько покусывал за ухо и целовал пальцы, один за другим. Это спасало от головной боли лучше, чем любой анальгетик.

Но вечером следующего дня он проводил меня на вокзал и посадил в поезд, уходящий в Вологду.

Оставил без своего тепла, хотя я думала... я надеялась, что авария изменит его решение встречать Новый год одному. Что он захочет быть со мной. Я до последнего ждала, что Валера попросит: «Останься». До того самого момента, когда за окном поплыл перрон и столбы и меня с головой захлестнула мутная, темная обида.

Не помню, как встретила тот год. У меня болела голова, настроение было на нуле, и большую часть времени я сидела,

подобрав ноги, в кресле под теплым пледом и гипнотизировала экран телефона. Ждала сообщений от Валеры.

Кто-то из друзей спросил:

– Он вообще нормальный? Отправить свою девушку с сотрясением мозга в другой город, блин.

– И что такого? – рассеянно ответила я.

– И ты не рассталась с ним?

– Нет!

Я дернула плечом, выбралась из кресла и ушла на крыльцо дома. Охладиться. Снег падал большими мохнатыми хлопьями, где-то в соседних дворах взрывались петарды, наряженная во дворе елка переливалась разноцветными огоньками, а я страшно злилась. Чужие слова царапали и будили внутри что-то такое, что ни за что нельзя было будить. Что-то неприятное. Колючее. То, чего я не хотела чувствовать. Расстаться? Что за глупости.

Зачем расставаться с человеком, если я его люблю.

Дальше как-то так и повелось. Друзья то и дело ужасались, возмущались, негодовали и пытались убедить меня, что Валера ведет себя не слишком хорошо и перспектив в отношениях у нас не слишком много.

А мне с каждым днем все жальче и жальче было думать даже не о расставании – просто о самой возможности расставания! – потому что чем дальше, тем больше я вкладывала души и сил в то, что было между нами.

Когда же становилось слишком грустно – например, после очередной раз выключенного телефона, на несколько дней, без предупреждения, – Валера прилетал и начинал изо всех сил доказывать, что «все в порядке». Дарил украшения и дорогие гаджеты, был горяч и страстен в сексе, придумывал приятные сюрпризы и интересные поездки. «Натягивал поводок», – так сказала бы Соня.

Однако жить вместе не предлагал.

Не звал меня к себе.

Не говоря уже о предложении руки и сердца.

Пусть я и заводила этот разговор... а потом сама ужасно об этом жалела, потому что Валера начинал злиться и бурчать, что я пилю ему мозг на пустом месте. Ключю. Выедаю десертной ложечкой.

Если бы подруга с такими отношениями «все сложно» пришла ко мне за советом, то я однозначно посоветовала ей расстаться.

Но когда я сама пыталась отстраниться и взглянуть на свою жизнь «снаружи»... Ужасно начинала болеть голова, начиналась тахикардия, настроение портилось так, что хотелось лечь и лежать, повернувшись лицом к стене. Мир выцветал до пепельного цвета, и жизненная сила будто утекала из меня... Вытекала из дыры где-то там, в районе раненого сердца с застрявшей стрелой проклятого Купидона. Или кто там меня подстрелил.

Нет, были у этого и положительные стороны.

Однозначно, были.

От душевной боли можно страдать, а можно сублимировать ее в искусстве.

Два года назад мои рисунки были хобби в чистом виде, увлечением, которое занимало от силы пару часов в неделю.

Сейчас мои работы собирали сотни восторженных комментов на сайтах deviantart и behance. А на вопрос «Как ты ЭТО придумываешь вообще?», я честно отвечала «Во сне». Города с изломанными улицами и пугающей геометрией, милые феечки с зубами острыми, будто рыболовные крючки, химеры, собранные из десятков видов животных, бесконечные зеркальные лабиринты в стиле Эшера... Когда мне хотелось орать от боли, я рисовала. Когда не было сил жить в этом мире, я уходила в другой, созданный собственными руками. И он оживал, обретал форму, все больше людей смотрели на него и любили его, и временами я отстраненно думала, что, если бы не Валера, все эти образы никогда не родились бы. Хотя бы за это стоило сказать ему «спасибо».

Может, я бы вообще никогда не узнала, на что способна моя фантазия.

Как не знает лошадь, способна ли взять высокое препятствие, пока ее не пришпорят.

Громко хлопнув дверью подъезда, я запретила себе рефлексировать дальше.

Хватит.

Зарекалась же.

Снова будет болеть голова.

Снова мне будет плохо.

Надо просто перетерпеть... переждать. Еще пять дней, и он прилетит. А когда мы были вместе, все сомнения исчезали, испарялись под светом его улыбки. И, главное, боли не было. Пусть отпуск получится вдвое короче, чем ожидалось, мы все равно проведем его хорошо. Встретим Хеллоуин, вырежем зловещую рожицу на тыкве, будем пить кофе с корицей и...

Выйдя из лифта, я замерла, и все мысли об ущербной личной жизни тут же вылетели из головы.

Дверь в мою квартиру была приоткрыта.

Если бы это было романтическое кино, то по законам жанра через мгновение на пороге должен был нарисоваться Валера с букетом роз наперевес, рухнуть передо мной на одно колено и протянуть кольцо с неприлично огромным бриллиантом. «Любимая, выходи за меня замуж! – проговорил бы он. – Я тогда не смог прилететь, весь извелся и вдруг понял, что ты – моя жизнь. Поэтому я все бросил, прилетел в Ростов, примчался в Таганрог, вломился в твою квартиру и устроил такой вот сюрприз. Ты рада?»

Если бы это была комедия, то по законам жанра я должна была осторожно заглянуть в прихожую, а оттуда мне навстречу выпрыгнуть как минимум пятеро друзей с криком: «Яна-а-а-а! Мы подумали, что в последнее время ты слишком грустная и тебя нужно развеселить! Мы дарим тебе редкую морскую свинку курчавой породы, будем тебя развлекать всю ближайшую неделю, давай же ржать и делать глупости!»

Если бы это был фильм ужасов, то по законам жанра я бы, конечно, зашла в темную прихожую, попробовала нащарить выключатель, не нашла его на стене, сняла куртку и наощупь начала пробираться дальше в комнату. Если бы это была середина фильма, то в лицо мне, как пить дать, вылетела бы стайка летучих мышей или ворон с криком «невермор!», раздался зловещий скрип или звон разбитого стекла. А если бы дело двигалось к финалу, то, возможно, из шкафа бы вывалилось само древнее зло или голодный вампир.

Однако – к сожалению или счастью – жизнь не похожа на жанровое кино, поэтому я осторожно, одним глазком заглянула в прихожую, включила свет, быстро осмотрела дверь – она была целой,

никаких следов взлома – и позвонила единственному человеку, обладающему ключами от квартиры, ну, кроме меня.

– Юрий Иванович, – сказала я, присев рядом с дверью и разглядывая язычок замка. – Простите, что поздно звоню. Вы сегодня, случайно, не приходили?

– Нет, – удивился Юрий Иванович, хозяин квартиры и милейший мужчина, который появлялся не чаще раза в месяц, никогда не ел мозг, сам вызывал сантехников и электриков и лишь просил периодически, чтобы если кто спросит, то я его родственница, а вовсе не снимаю тут. – Что-то случилось?

– Да я тут пришла домой, а дверь открыта. Причем я ее закрывала, когда уходила. Точно-точно. Может, замок чудит?

– Вряд ли, – судя по голосу, Юрий Иванович забеспокоился. – Ничего там не пропало?

– Не знаю еще. Сразу вам позвонила. Но дверь не взломана, так что...

– Яночка, ты, это, проверь, как там внутри... Если плохо все, то звони, буду полицию звать. А если на первый взгляд в порядке... То закрой дверь и езжай, ночуй, наверно, к друзьям или еще куда, если есть такая возможность, ладно? А я завтра сам приеду и замок поменяю.

– Ладно. – Я прикрыла глаза, вспоминая, как расположены выключатели. Не хотелось бы ходить по темноте, даже плюс-минус один метр, даже не в фильме ужасов. – Я вам перезвоню. Или напишу.

– Договорились. Буду на связи.

Я положила трубку, молча кивнула телефону и зашла в прихожую, на всякий случай оставив дверь открытой настежь. И даже подперла ее снизу тапочкой, чтобы пути к отступлению были открыты.

– Эй! Есть здесь кто-нибудь?

Молчание было мне ответом.

Сердце забилось часто-часто, но я выдохнула, взяла в руки себя и трекинговую палку наперевес, и отправилась исследовать квартиру.

Однако через десять минут увлекательнейшего аттракциона «почувствуй себя детективом, осматривающим предполагаемое место преступления» пришлось признать, что палку можно было оставить в прихожей. В шкафу не открылся ход в Нарнию и оттуда ко мне не ломились фавны с зонтиками, из сливов в ванной и на кухне не

торчали щупальца воинствующих гигантских кальмаров, хаос на рабочем столе остался нетронутым, все вещи были на своих местах. Ни одного повода заподозрить неладное во всей гигантской студии двадцати семи метров общей площадью. Тогда я написала Юрию Ивановичу: «Тут все нормально, сейчас уеду, напишите, во сколько завтра встречаемся», – и вздохнула.

Мечты о горячем чае и запланированных на ужин варениках с вишней растаяли как дым. Придется переодевать мокрые носки, брать пижаму и ноутбук, тащиться вместо отдыха через полгорода к родителям – потому что давно обещала заехать, вот и повод совместить неприятное с полезным – и выслушивать от мамы нравоучения по поводу неправильной жизни.

Неправильной работы.

Неправильного хобби.

Неправильной учебы.

Неправильного Валеры.

Работа была удаленной, хобби «каким-то пугающим», учеба в магистратуре не слишком прилежной, а Валера вообще диавол во плоти. Именно так, через «и», с интонациями какого-нибудь «страдающего Средневековья»^[3].

Собрав вещи в рюкзак и переодевшись, я еще раз осмотрела комнату, не нашла ничего необычного и ушла обратно в прихожую. Посмотрела на себя в зеркало... и нахмурилась. Протянула руку к стеклу и потрогала его, пытаюсь вспомнить – была здесь трещина или нет? Из-под рамы в левом верхнем углу выползала тоненькая полоска, переливающаяся радужными бликами, если смотреть на нее под углом. Я наклонила голову в одну сторону, потом в другую. Трещинка то совсем исчезала, то вновь появлялась. И как я ее раньше не замечала?

Надо завтра у Ивановича спросить... Или не надо. А то решит еще, что я тут его зеркало побила. Заставит новое покупать. Я с досадой потерла переносицу. Терпеть не могу такие мелкие бытовые штуки. Вроде ничего серьезного, а засядут в мозгу как занозы и всплывают при каждом удобном случае.

Вот и теперь.

Сначала во время поездки на маршрутке: «Передавайте за проезд» (Яна, у тебя там на зеркале трещина).

Потом у родителей: «Яна, что ты сидишь с отсутствующим видом? Совсем уже в мир фантазий отъехала!» (Помнишь? у тебя там на зеркале трещина.)

И даже во время переписки с Валерой перед сном: «Сладких снов, котенок!» (Кстати, у тебя на зеркале трещина!)

ТЬфу ты!

Мысли эти достали настолько, что на следующий день я неслась в квартиру с ключами наперевес и решением выкинуть это зеркало к чертям и купить новое. Даже за свои, а не в счет арендной платы. Однако, когда я просочилась в прихожую одновременно с Юрием Ивановичем и открыла было рот, чтобы озвучить эти планы, мир снова решил меня удивить.

Вчерашней трещины на зеркале не было.

* * *

Если тебе кажется, что твоя крыша тихонько и тайком пытается уехать в несанкционированном направлении, есть несколько вариантов действий.

А. Решить, что тебе кажется, и продолжать спокойно жить.

Этот вариант манил своей простотой, но я все же решила смотреть правде в глаза.

Бэ. Решить, что тебе не кажется, ужаснуться и в панике бегать кругами, смешно размахивая руками.

Сделав три круга по ковру и споткнувшись о провод удлинителя, я решила, что этого достаточно и можно переходить к следующим пунктам списка.

Вэ. Решить, что тебе не кажется, и приобщиться к народной мудрости.

Гэ. Решить, что тебе не кажется, и обратиться к психологу.

Несмотря на то что в современном дискурсе поощряется вариант «г», я все же сначала сходила на пикабу и написала там пост от своего виртуала, готически-депрессивного художника Джоша. «Случалось ли вам, – вопрошал Джош, – именно вам самим, а не третьим лицам типа сына маминой подруги, сталкиваться со странным в этой жизни? Видели ли вы некробиотические поля, теряли ли вещи безвозвратно

там, где потерять их невозможно, натыкались ли на полтергейст, видали ли тени в зеркалах при гадании?»

А потом в течение нескольких часов наслаждалась. Пост двигался в топ, количество комментариев перевалило за пару сотен, а внутри их царил крипота. Помимо очевидных городских сумасшедших, слова которых явно не стоило принимать близко к сердцу, своими странными историями делились люди, мнению которых я доверяла. Причем никаких откровений типа прорывов инферно или явлений призраков. Друзья, знакомые и незнакомые писали о мелочах, которые со стороны казались совсем не важными... А вот если задуматься о них серьезно, то начинали царапать мозг, как та самая трещина, чтоб ей пусто было. Мелкие нестыковки. Случайности. Детали обстановки.

Дом, который ты однажды точно видел, но потом никак не можешь найти к нему дорогу.

Вещи, которые точно клал на место, а потом они обнаружались на другом конце квартиры.

Глупые гадания, которые сбывались.

Вещие сны.

Необъяснимые звуки и странные голоса в ночи.

Ладно. Вариант «Вэ» намекал, что даже если я сошла с ума, то в неплохой и не самой маленькой компании. Однако пришло время для последнего рывка, и я написала психологу.

Деяние, сравнимое по героичности со взятием Трои или прыжком в пасть Змею Горынычу. Ибо я ненавижу психологов. Как-то не складывалось у меня с ними. Исторически.

Первая женщина, к которой я пришла по рекомендации других довольных клиентов, оказалась знакомой моей тети. И вместо того, чтобы в рамках профессиональной этики прекратить консультации, я долго и со вкусом обсуждала с ней мою неуверенность в себе и неправильный выбор специальности в универе. Когда все вскрылось, мне просто хотелось сквозь землю провалиться. Зато тетя спросила: «А что такого? Ирочка хотела как лучше!»

Второй психолог, к которому меня привело желание решить проблемы в отношениях с бойфрендом, сначала долго уговаривал меня: «Зачем вам вообще мужчина? Кажется, вам он не нужен!» Потом сообщил, что для терапии пары нужно присутствие обоих. И начал

убеждать моего друга, что я тому не подхожу. Делал это при мне, кстати. Чудесная работа с запросом клиента.

Через пару дней бойфренд сообщил, что нам надо расстаться, ибо он многое понял.

И вот теперь у меня был третий заход. Я упорно не говорила во время терапии ни про Валеру, ни про личную жизнь. Только про плохие сны и проблемы в творческой самореализации. Дело не особо двигалось, зато можно было убеждать себя, что я действую в современном модном дискурсе. У психолога пока нашлось ровно три плюса. Он консультировал удаленно. На него можно было ссылаться в разговорах с мамой (видишь, видишь? я работаю над собой!). А еще его звали Викентий. Почему-то это имя изрядно и необоснованно меня веселило.

А еще ему можно было рассказать про зеркало, не боясь, что он тебя пошлет или покрутит пальцем у виска.

– Это вытеснение, – глубокомысленно изрек Викентий, выслушав сагу об исчезающих и пропадающих трещинах. – Ваш мозг, Яна, устал обрабатывать проблемы, которые вас реально волнуют, и ищет, к чему прицепиться и переключить внимание. Мелочи. Если же их нет, то придумывает воображаемые поводы поволноваться.

– То есть я реально схожу с ума?

– То есть вы реально не видите в комнате слона, а вместо этого пытаетесь охотиться на муравьев. – Викентий на той стороне экрана стянул с носа очки, протер их салфеткой и водрузил обратно. – Неужели вы думаете, что это незаметно?

– Что именно незаметно?

– То, что вы приходите ко мне с запросами, которые на самом деле не имеют отношения к реальности. То есть имеют, но зачем вы мне их приносите? Есть что-то другое, из-за чего вы себя не любите. Пытаетесь казаться тем, кем не являетесь. Мучаетесь и расстраиваетесь.

– А вот это уже не ваше дело! – вспыхнула я, забыв на мгновение, что дело-то как раз его. И я за дело это, между прочим, еще и денег плачу.

– Это как с мотоциклом в прошлом месяце, Яна, – мягко сказал Викентий. – Вы говорите мне: «Как полюбить на нем кататься, если я

боюсь?» Но не говорите, из-за чего боитесь. Как я могу помочь вам, если не знаю предыстории?

Ну не буду же я рассказывать психологу о том, что Валера вечно уезжает на покатушки с друзьями, пропадает там неизвестно насколько, пару раз падал – не сильно, но страшно; то есть не ему страшно, а мне за него! – и все подначивает меня: «Давай подарю моц, будем вместе ездить!» А мне страшно. Тогда, зимой, на дороге, я еще видела...

– Яна, вы тут? – обеспокоенно спросил Викентий. – Или...

– Плохо себя чувствую, простите. Давайте закончим пораньше. Деньги сейчас переведу. – Я даже не стала выключать зум, просто захлопнула ноут и невидящими глазами посмотрела в окно. Там падали листья и снова шел дождь. Вот ведь гадство. Говорят, что обычно с ума сходят по весне. Что ж у меня по осени-то крыша едет?

Стиснула зубы, пробормотала «соберись, тряпка!» и пошла печь булочки с корицей. Лучшее лекарство от душевных мук, между прочим, лучше любых психологов. Наверно.

Глава 2. Зеркала и занозы

Неизвестно, что сработало.

То ли булочки с корицей, которые получились сумасшедше вкусными, пахли на весь дом, приманили на вечерний чай подруг и закончились подло и совсем неожиданно. Нет, абсолютно не верилось, что мы могли так быстро съесть целый противень! Наверняка, пока мы отвлекались на разговоры, половина булочек задумала побег и успешно осуществила его, спустившись со стола по проводу от ноутбука.

То ли вырубившийся в полночь свет. Спору нет, принимать ванну при свечах – это бесконечно романтично. Но если сначала я подпрыгнула от ужаса, когда взорвалась лампочка и отключилось электричество, чудом не упала, поскользнувшись на кафельном полу и долго, с чувством ругалась, а потом спешно мыла голову, вздрагивая от каждого подозрительного звука, доносящегося из темноты... Так себе романтика получилась, короче. Самое веселое, что включили свет ровно в ту секунду, когда я драматически, дрожащими руками завернулась в полотенце и строго-настрого запретила себе вспоминать сцену из фильма «Психо»^[4].

То ли странные, очень предметные сны, которые не отпускали до самого утра и не давали привычно проснуться несколько раз за ночь, прийти босиком на кухню и шуриться, глядя в холодное окно и поджимая замерзающие пальцы на ногах. Мне снилась какая-то археологическая экспедиция, древние каменные лабиринты с осыпающимися стенами. Я бродила с факелом, восторженно оглядываясь по сторонам, и почему-то совсем не боялась. Наверно, потому, что ровно в тот момент, когда мне захотелось выбраться, по стене поползла трещина, из которой вырвались лучи серебристо-сиреневого цвета. Там, снаружи, меня ждало что-то ужасно радостное, я смотрела на раздвигающиеся камни и подпрыгивала от нетерпеливого предвкушения. Потом протянула руку, шагнула вперед и...

Дзынь. Турум-пум-пум.

Звонок телефона выдернул меня из сна, я вскочила, запуталась в одеяле, попыталась навскидку понять, который час, не преуспела в этом, шепотом выругалась и зашарила под подушкой, пытаясь найти пиликающий сотовый.

Пуру-у-у-ум...

Я наконец нащупала его, не глядя поднесла к уху и злобно сказала:

– Алло, – искренне надеясь на то, что сейчас мне предложат заказать билеты в театр по уникальной цене или потребуют срочно сообщить номера своих карточек с пин-кодами, и вот тут-то я и оторвусь. Живые позавидуют мертвым, а те, кто решил звонить мне голосом с утра – в мире наступившего торжества текстовых мессенджеров – достоин участи быть словесно оплеванным.

– Что-то ты нерадостная, – мило прокомментировал Валера. – А я меж тем скучал.

– Что? – удивленно спросила я. Гневный задор мигом пропал, а на смену ему пришло легкое, подобное удару молнии, изумление. Да просто он сто лет как не звонил по телефону. Есть же «Телеграм» и зум. Тыщу лет не звонил просто так, потому что соскучился. Миллион лет не...

– Котенок! – тут раздался еще один звонок. На этот раз не телефона. – Ну открывай же. Я тут уже пылью покрылся и паутиной зарос, целую минуту жду у тебя под дверью!

– Ты приехал? – осторожно спросила я, ожидая, что это окажется дурацкой шуткой, или сном, или... – Правда?

– Да правда же, – Валера засопел в трубку. – И негодую. Открывай уже.

– Ура! – завопила я, откинула одеяло в одну сторону, телефон – в другую и понеслась в прихожую. Сон как рукой сняло.

Как будто его и не было.

* * *

Мы стояли на набережной и смотрели, как солнце прячется за горизонтом. Дул сильный ветер, золотистые блики на воде будто

пританцовывали, а набегающая на мокрый песок пена была абсолютно нереального, рыже-перламутрового цвета.

– Котенок. – Валера обнял меня сзади, уткнулся в шею и подул на затылок. Меня будто током ударило, по позвоночнику пробежал разряд электричества, а кожу на плечах закололо. Пальцы Валеры нырнули ко мне под воротник, нащупали круглый кулон и стали перекачивать его по краю ямки на шее. Это сочетание касаний теплого металла и холодных пальцев было абсолютно неправильным, нелогичным, притягательным и... гипнотизирующим. Мне хотелось застыть в этом мгновении, замереть в янтарном свете умирающего солнца, навсегда остаться на этом берегу. Малодушно не хотелось никакого будущего, проблем, сложных разговоров, обид, недоговоренностей. Потому что сейчас мне было абсолютно хорошо. Ощущение сродни спокойствию в оке бури, промежутку между вдохами во время приступа межреберной невралгии. Тебе было больно, и ты знаешь, что боль вернется, но в моменте ее нет.

– Ммм? – я наклонила голову и прижалась губами к его запястью.

– Кажется, так продолжаться больше не может, – ответил Валера. Край солнечного диска вдруг мигнул ослепительно-зеленым, а я почувствовала, как мое сердце останавливается и боится биться дальше.

– Как... так?

– Переезжай-ка в Москву, – продолжал он, будто не заметив, как испуганно, ломко, шершаво прозвучал мой голос. – Снимем квартиру вместе. Надоело уже все это. Перелеты, и твое расстройство, и отношения эти на расстоянии...

Валера говорил ровно те слова, о которых я мечтала все это время. Правильные, нужные.

Но они звучали... не могу объяснить. Как фразы актера на сцене. Правильные, очень подходящие к красоте декораций, логичные. Но я почему-то не верила в них ни на грош.

И тут же возненавидела себя за это.

Яна, ты же именно этого хотела. Нет? Что не так-то? Что не так?

– Думаю, это хорошая идея, – надо было что-то ответить, и я ответила. И почувствовала, как ледяная хватка дурного предчувствия отпускает. Через мгновение я даже толком не понимала, почему в первые секунды почувствовала что-то не то.

Все было волшебным.

Просто обалденно.

– Ура! – я обернулась лицом к Валере и поцеловала его в нос. – Я правда очень рада. Только ты так неожиданно сказал, что...

– Да я просто подумал, что тянуть? – улыбнулся он в ответ и обнял меня изо всех сил. – Много тебе надо времени, чтобы собраться? Квартиру там освободить, все такое?

– А ты... хочешь, чтобы я переехала прямо сейчас?

– А тебя тут что-то держит? – Валера заправил прядь волос мне за ухо и погладил по щеке. – Смотри, у меня дела нарисовались на работе. Улечу немного раньше, чем собирался. А ты тогда следом. Числа тридцать первого, нормально? Чтобы уже за следующий месяц не платить за квартиру...

– Хорошо, – прошептала я и подумала, как была не права всего минуту назад. Будущее оказалось лучше, гораздо лучше того закатного мгновения.

Следующие два дня меня не отпускало волшебное возбуждение-предвкушение, как будто в крови поселились пузырьки шампанского, которые танцевали, сталкивались друг с другом и лопались, рождая внутри беспричинный смех. Я составляла списки дел, которые надо закончить, списки росли и ширились, успеть все это до конца месяца было решительно невозможно, и я начинала делать то, чего раньше никогда за собой не замечала – просто вычеркивать те пункты, которые были не жизненно важными. Оказалось, что да, так можно было. Я говорила «подумаю об этом потом», или «вернусь к решению через пару месяцев», или «в конце концов, не на другую же планету я улетаю?!». И небо не падало на землю, молния не убивала меня на месте как позорного необязательного отрицательного героя, мир не разваливался на части. Что удивительно.

Возможно, в этом была заслуга Валеры, который при каждом удобном случае ловил меня буквально в охапку, тискал и целовал, зарывался носом в волосы на макушке, сопел туда, как большой бородатый рыжий ежик, и шептал что-то нежное. Успокаивал. Вдохновлял. С ним все казалось проще простого. Я засыпала рядом с ним, просыпалась и не могла поверить в собственное счастье. Наверно, именно ради этого стоило перетерпеть два года... которые

были не слишком хороши, надо все же признаться. Может, это так судьба проверяла меня, прежде чем выдать большой приз?

А что. Кому-то по потребностям, кому-то по обязанностям, а у меня вот душевные страдания оказались не напрасны.

«Сам, он сам предложил жить вместе!» – напевал мой внутренний голос, и я пританцовывала в такт его словам, улыбалась, решала десятки вопросов одновременно и чувствовала, как реальность послушно стелется под ноги. Потому что все складывалось как нельзя лучше. Любимые ученики согласились на формат удаленных занятий, а те, что не согласились... все и так шло к тому, что мы скоро расстанемся. Юрий Иванович возликовал по поводу моего отъезда и сообщил, что как раз подумывал сделать ремонт и продать квартиру и собирался мне говорить об этом через пару недель. Родители внезапно не возмутились в своей излюбленной манере «ну, и куда тебя понесло? что там, в Москве этой, медом намазано?», а обрадовались и сказали, что поддержат меня в любом решении.

Немного грустно было расставаться с подругами и друзьями, но, в конце концов, мы оставались друг у друга в соцсетях и мессенджерах... А Москва, повторюсь, вовсе не край света и уж тем более не другая звездная система.

Так что все было отлично... За исключением одного момента. Странного. Совсем чуть-чуть. Однажды я проснулась ночью и, приоткрыв глаза, увидела, что Валера не спит. Он опирался на локоть и настороженно смотрел куда-то в темноту. И, главное, дышал медленно-медленно и сосредоточенно, как... Как охотник, лежащий в засаде, вот что подумалось первым. Не хватало только ружья. Я несколько минут наблюдала за ним из-под опущенных ресниц, потом на всякий случай – чтобы не спугнуть охотника! – сделала вид, что только проснулась, потянулась и пробормотала:

– Ты чего не спишь?

– Просто так, – прошептал он и поцеловал меня в висок. – Не спится.

А потом добавил:

– Слушай... Ты ничего необычного не замечала в последние дни?

– Нет. – Так и хотелось добавить «кроме того, что ты внезапно превратился в бойфренда мечты, а ведь ничто не предвещало», но я прикусила язык.

Про блуждающую трещину на зеркале я вспомнила уже наутро, но повода продолжить ночной разговор не нашлось... К тому же, наверно, прав был психотерапевт Викентий, и дело тогда было в ментальном вытеснении. В чем же еще?

Раньше, когда Валера улетал, я буквально чувствовала, как отмирает кусочек души. Потому что впереди снова были одинокие вечера, его молчащий телефон, недовольство, мои обиды, которые я старательно прятала как можно глубже и замалчивала, и они гнили где-то там, в глубине сердца, отравляя и разъедая его. Теперь же я просто сказала: «Пока!» – потом посмотрела вслед отъезжающему такси и улыбнулась. Даже в аэропорт не поехала провожать! Вот что с влюбленным человеком перспективы светлого будущего делают, а? Буквально все шаблоны ломают. Особенно когда тем же вечером Валера прислал мне несколько ссылок на сдающиеся квартиры и предложил обсудить, какая нам – нам! – больше нравится.

Правда, ломались не только шаблоны.

Вся привычная жизнь потихоньку разваливалась на куски и отправлялась на умозрительную полку «придется отказаться».

Внезапно оказалось, что некоторые места, вещи, привычки вросли в меня намертво, а теперь приходилось отрывать их с кровью. Никогда не думала, что уезжать будет так радостно и одновременно тяжело. Что есть так много мелочей, на которых строился мой жизненный алгоритм.

Круассаны с абрикосовым джемом из маленькой несетевой пекарни в соседнем доме.

Летние прогулки по узким улочкам Богудонии, которые переносят тебя сразу на сто лет назад, и никакой машины времени не нужно.

Каменная лестница с солнечными часами.

Платаны в сквере рядом с памятником Ленина. Сам этот памятник, рядом с которым мы собирались с друзьями, когда были еще в старшей школе, и задумывали страшные интриги и великие геройства, и пили «отвертку» тайком, и чувствовали себя ужасно крутыми и взрослыми.

Любимый клуб настольных игр и МТГ. Помещение, в котором мы сами делали ремонт, и собственноручно покрашенный мной стол, и смешная стенгазета с фотками наших побед и дней рождения клуба.

Но главное – море. В какой-то момент я и вправду осознала, что теперь придется жить без моря, бросила все дела, сбежала на набережную и несколько часов просто молча сидела на скамейке. Слишком расточительно с учетом того, что времени на сборы было в обрез, но я просто не могла не. Не попрощаться с ним как положено. Шепот волн, запах водорослей, громады кораблей в грузовом порту, лед, по которому можно гулять зимой. Край между миром человека и миром воды, куда всегда можно прибежать, прийти в любое время дня и ночи – именно для этого я сняла квартиру в центре! – и постоять на этом самом краю, отпуская печали, задавая вопросы и пропитываясь нездешним духом.

Не знаю.

Может, я сама себе придумала это ощущение.

Может, никогда море со мной и не говорило. И все это сказки...

Зато я говорила с ним.

А теперь этих разговоров не будет.

Вряд ли у меня получится заменить их разговорами с какими-нибудь... поездами на МЦК, автомобилями на Третьем транспортном кольце, прогулочными корабликами на Москве-реке. Не то. Все это будет не то.

– Эй, ты только не расстраивайся! – сказала Соня, когда мы сидели у меня дома вечером перед отъездом и пили чай с имбирем и вишней. Друзья приходили один за другим с теплом и добрыми пожеланиями, а уходили с моими книгами, блокнотами, настольными играми... и кофеваркой. Все это отчаянно не помещалось в чемодан, и я решила раздать как можно больше вещей, чтобы не грустить о них лишний раз. Ведь если отвезти их к родителям, то я постоянно буду думать, что вещь далеко, не со мной, и скучать. А если сразу оторвать от сердца... то, наоборот, радоваться. Что у нее теперь новый хозяин, и всем отлично. Тра-ля-ля.

– И даже если не «тра-ля-ля», то ничего страшного, – наставительно заметила Соня и протянула мне бумажный платок.

– Никогда не думала, – шмыгнула я носом, – что живет во мне такое вот мещанство. Как сказали бы эзотерики, вещный мир победил! Позорище!

– Ничего не позорище, – Соня заварила свежий чай и пододвинула ко мне поближе блюдце с печеньем. – Ты вот Валеру сколько знаешь?

Два с половиной года?

– Ну... да.

– А из этих чашек мы с тобой кукол чаем поили лет десять назад. Если бы ты их родителям не отвозила завтра, то я бы их сама забрала. Мужчины мужчинами, а получить люлей от взрослых за налитый в чайник люголь – такое не забывается!

На следующий день я отвезла вещи родителям, договорилась с Юрием Ивановичем, что оставлю ключи в почтовом ящике, а потом, как королева, загрузила чемодан в багажник такси. Обычно раньше, чтобы улететь в Москву, я ехала до автовокзала, потом на маршрутке – до Ростова, а потом еще на одной маршрутке – до аэропорта. Всего-то полдня, если правильно рассчитать время. Однако сегодня на горизонте маячила новая жизнь, а в чемодане было около тридцати килограммов, так что я решила шикануть.

«Уже едешь?» – спросил Валера.

«Ага. Только что села в такси».

«Напишешь, когда пройдешь регистрацию?»

«Конечно».

«Поеду тебя встречать. Кстати, чемоданы в багажник поместились? Или вызывать грузовое такси с бригадой?»

«Да все ок, там только один».

«Ну, вдруг бы ты решила взять с собой полжизни. Или все в единственный чемодан уместилось? Да ты гений упаковки!»

«Да, я такая:)»

А потом прижалась лбом к стеклу и смотрела, как убегают назад приморские села, поля и заросшие камышом поймы рек, потом Танаис и Чалтырь, а потом... Мир казался выцветшей, затертой кинолентой, я десятки, сотни раз проезжала здесь и видела одни и те же дома, и привыкла к этой дороге, как к зубной щетке, а вот поди ж ты – она тоже открутится сегодня, щелкнет... и кто знает, когда я увижу эти кадры в следующий раз.

Я вздохнула. Надо будет побыстрее устраивать жизнь в Москве, и квартиру снимать не самую дорогую, и быстрее искать новых учеников, чтобы деньги были. А то сюда не налетаешься. Романтика романтикой, но ведь бытовые штуки никто не отменял, да? Не собираюсь же я висеть у Валеры на шее, как провинциалка, приехавшая покорять столицу за чужой счет.

Получив посадочный, я поднялась на эскалаторе в зону вылета, нашла в зале ожидания свободное кресло с видом на поле, выдохнула и написала Валере: «Через час вылетаю. К тебе».

«Выезжаю! – ответил он. – Тоже к тебе».

Я подняла глаза от телефона и увидела, как к аэропорту подруливает мой самолет ярко-зеленого цвета.

Еще час, и начнется посадка.

А потом еще два...

Я засмеялась и почти физически почувствовала, как в моей истории переворачивается новая страница. Ю-хуу!

При заходе на посадку самолет болтало и раскачивало, женщина на соседнем кресле истерически крестилась, мужчина через проход в голос ругал пилотов, которые «летать не умеют», а откуда-то сзади тоскливо выла собака. Больше всего в этой ситуации я сочувствовала именно ей, потому что для животного и так стресс все эти переноски, переезды, ветеринарные контроли и перелеты, а тут еще и трясет. С другой стороны, ей хоть повить можно, а мне, например, нельзя. Ибо мало ли что люди подумают.

Зато, когда шасси наконец коснулись посадочной полосы и нас перестало мотать из стороны в сторону, в салоне раздались аплодисменты такой мощи, словно мы тут все только что «Лебединое озеро» в Большом театре отсмотрели. Я, правда, к общему веселью присоединяться не спешила, а дождалась, пока мы подрулили к зданию аэропорта. А тогда уже хлопать было как-то поздно и глупо.

Стоило, в конце концов, заняться более насущными вещами.

Например, включить телефон и отправить три одинаковых «Прилетела!» Валере, маме и Соне.

«Отлично, береги себя», – ответила через минуту мама.

«Ура и жги там, я за тебя за тебя!» – написала через пять минут Соня.

А сообщение Валере до сих пор оставалось непрочитанным.

К тому моменту я уже успела дойти до зала выдачи багажа, прочитать, что в мире произошло, пока я была в небе и не имела доступа к соцсетям и свежим мемасикам, и сжевать пряник, оставшийся от самолетной кормежки.

Потом из багажных аэропортовых глубин величественно выплыл мой тридцатикилограммовый монстр, и мы слились с ним в тесном объятии. Отвратительно тесном. Оказалось, что во время погрузки в самолет ему повредили телескопическую ручку и колесико, теперь оно заедало, чемодан вело в сторону, он то и дело пытался упасть (и упал! четыре раза!), в итоге в зал прилета я буквально выползла на дрожащих, подгибающихся ногах, красная, растрепанная и в размышлениях о том, что вовсе я не гений упаковки. Потому что надо было вдвое ужиматься, ааа! Пятнадцать кило – вот идеальный вес. Наверно.

Я подняла взгляд в надежде увидеть спасительный образ рыцаря, который сейчас спасет меня от...

И нахмурилась.

Валеры не было.

Я достала телефон из кармана. Открыла «Телеграм».

Сообщение все еще было не прочитано.

Сердце будто перекувыркнулось в груди и забилось в два раза чаще.

«Спокойно», – прошептала я ему сквозь зубы и последовательно пооткрывала все соцсети.

В последний раз Валера был онлайн три часа назад. Тогда, когда написал, что едет меня встречать.

Так. Я потеряла переносицу и растерянно оглянулась по сторонам.

Может, у него сел телефон, а зарядник из машины... ну, куда-то делся? Это бывало уже не раз и не два, так что самым разумным казалось подождать здесь. Даже с учетом вечерних пробок он должен добраться в течение получаса. Я оттащила чемодан в сторону от людского потока, уселась на него сверху, пристроила рядом рюкзак с ноутбуком и документами и приготовилась ждать.

В конце концов, всего каких-то полчаса.

Час.

Два.

Три.

Через три часа пришлось признаться самой себе, что а) я ужасно волнуюсь, б) у меня трясутся руки, и это точно очко в пользу борзому чемодану, который надо будет куда-то еще тащить, в) главный вопрос – куда?

Нет, мне не привыкать было к безжалостному голосу: «Абонент находится вне зоны действия сети». Но в этот-то раз ничего не предвещало! К тому же погода за окном была откровенно плохая, мело дождем пополам со снегом, «Яндекс. Пробки» на экране телефона расцветали десятками и сотнями аварий, в последние полгода Валера поменял очки для вождения, вечно на них злился и водил очень нервно, так что от моего самообладания остались уже просто рваные клочки.

Ладно.

Предположим, что с Валерой что-то случилось. Или телефон самоуничтожился и погиб во цвете лет. Можно сколько угодно переживать и бояться, но лучше бы делать это в более приятном месте, чем аэропорт. Дежавю в образе недавнего ожидания в другом зале прилета догнало меня и настолько крепко приложило, что я даже застонала сквозь стиснутые зубы. Тут же заболела голова. И захотелось наплевать на мнение окружающих и все-таки завывать, как та собака.

«С-с-собака», – прошипела я.

Надо было срочно решать, куда ехать, учитывая время. Было уже около одиннадцати вечера.

Хостел?

Гостиница?

Друзья? А у меня вообще есть здесь настолько близкие друзья, к которым можно ввалиться без приглашения на ночь глядя?

Видимо, все-таки хостел...

Я зажмурилась, потерла глаза рукой и попыталась сосредоточиться. Так. Яна, посмотри-ка внимательно в телефон и сделай тык-тык пальцем. Надо найти, куда ехать.

Но сосредоточиться не получалось, меня трясло, сердце никак не желало успокаиваться, да еще и зубы стучали – как будто мне было холодно.

Просто холодно, а вовсе не страшно. За Валеру.

Вместо того чтобы гуглить хостел, я в тысячный раз полезла в «Телеграм».

Сообщение не прочитано.

Пролистнула список чатов вниз... и замерла. Вчера мы переписывались со старым знакомым Сашей, я как раз хвасталась, что

еду в Москву, а он звал заходить при случае в гости.

Жил он на Домодедовской.

Как раз там, куда приходит автобус, и...

Я закусила губу и мотнула головой. Вот еще, напрашиваться к знакомым, пусть даже хорошим знакомым, переночевать! Сейчас возьму себя в руки...

«Привет! – написал он вдруг, как будто услышал мои мысли. – Прилетела уже?»

«Привет, – ответила я. – Да».

«Погода – говно!:)») – радостно продолжил Саша. – Я вышел на балкон, а по соседней прям крыше молния долбанула. Как будто начало мая, а не конец октября. И чот подумал, как ты там».

Ладно. Если это не знак судьбы, то я даже не знаю, какой он должен быть.

Наверно, в любом другом состоянии я бы не решилась напрашиваться, но...

«Слушай, – написала я быстро, чтобы не передумать. – Ты говорил, что, если что, к тебе можно приехать».

«Конечно, можно».

«Если я приеду сейчас, то это очень нагло?»

«Лови адрес», – ответил он, и я с облегчением поняла, что хотя бы пункт «в» исчез из сегодняшней повестки.

Теперь в ней оставались только чемодан и Валера.

Или наоборот.

В процессе путешествия сначала до автобусной остановки, а потом до Домодедовской чемодан из обычного превратился в тот самый хрестоматийный, «без ручки». И нормально взаимодействовать с ним невозможно, и выкинуть жалко.

– Фигли ты его сама везла от остановки? Ты что, Халк? – пропыхтел Сашка, переваливая чемодан через порог квартиры.

– А... да ничего... не такой уж он и...

– Написать сложно было? Я бы встретил.

– Еще и этим тебя напрягать.

– Чай будешь?

– Да!

Тут по коридору прошествовала суровая старуха и одарила меня таким взглядом, что я чуть не подавилась еще не выпитым чаем.

– Это соседка, – невозмутимо заявил Саша, таща чемодан следом за ней по коридору. – У меня здесь две свои комнаты. В одной сам живу, вторую сдаю знакомому студенту, а в третьей вот она с мужем. И я тебе на кухне покажу, какой холодильник мой. Оттуда что угодно можешь брать. Кроме еды, которой там нет.

– Хо... хорошо, – сказала я, осторожно переступая порог комнаты. Огляделась по сторонам. Комп с двумя огромными мониторами, плоский телевизор на стене и две приставки рядом с ним, новый шкаф с фантастикой и фэнтези... А еще древнейший диван, одежда на спинках стульев, деревянные оконные рамы, крашенные, судя по всему, еще в прошлом веке, и одна потрепанная жизнью занавеска. Роскошь и нищета быта, два в одном. Сразу видно, что хозяин комнаты за источниками пищи духовной следит, а на остальное махнул рукой.

– У меня есть древняя раскладушка, – выдохнул Сашка, «добив» наконец чемодан и водворив его в единственный свободный угол комнаты. – И водяной матрас. Но он чуть-чуть протекает. Так что выбирай раскладушку.

– Хо... хорошо.

– Так. Чай я уже поставил, с ним все ок. Друганы из Китая недавно привезли, так что есть что выбрать. С едой почти никак, только яблоки. Норм?

– Норм... Да вообще, спасибо тебе огромное! Даже просто чая достато...

– Полотенце я тебе дам. Дорогу в ванную покажу. У нас там табличка «занято-свободно», ну, разберешься. Да, только осторожно, если стекла на полу или в душе найдешь, то просто выкинь.

– Эээ. Хорошо, – я присела на край стула, отодвинув в сторону джинсово-флисовый комок одежды. – А... зачем там стекла?

– А это зеркало, – ответил Сашка, плюхнувшись на диван. – Мы тут с чуваками вчера, то бишь уже сегодня до утра засиделись в LoL^[5]. Так что я перед работой не ложился, а к семи дополз до дома и сразу завалился спать. Думал, уже до завтра. Просыпаюсь от грохота. Думал, опять соседи подрались, а это зеркало в ванной грохнулось. Пришлось просыпаться, убирать, но, может, там что осталось.

– Ммм... – я зависла, пытаюсь подобрать нужную реакцию. Она почему-то никак не подбиралась.

– А потом вышел на балкон, увидел молнию и написал тебе. – Сашка похлопал чемодан по оттопыренному боку и самодовольно кивнул. – Кстати, совсем забыл, есть еще два финика. Прошлогодних.

– Отлично, – я невольно улыбнулась. – Вообще-то я собиралась в хостел, но там фиников точно не было бы.

– В хостел она собиралась... – буркнул Саша и покрутил пальцем у виска.

– А если бы ты не написал?

– А позвонить нельзя было?

– Может, чемодан хотел более долгой прогулки, – я кивнула на пункт «б», который наконец не надо было куда-то тащить. – К сердцу Родины влек он меня. На Театральную, например.

– В тот хостел, откуда нас погнали, когда мы три года назад после чемпионата пили? Ну да, он вроде ничо.

И я вдруг вспомнила, что несколько лет назад в моей жизни было гораздо больше спонтанного веселья, турниров, дружеских посиделок. Жить тогда было смешнее. Теплее. Легче. Интересно, это я с тех пор повзрослела или...

Разрыдалась я после того, как почти допила чашку с прекрасным, без дураков прекрасным, чаем Тягуанинь.

– Расспрашивать? – поинтересовался Сашка.

– Завтра, – всхлипнула я.

Посмотрела в последний раз на до сих пор не прочитанное сообщение и запретила себе делать это до утра.

Ну, ок. Я проснулась всего раз семь или восемь.

Не прочитано.

Не прочитано.

Не прочитано.

В семь утра, несмотря на выходной, поднялся Сашка и с показательно героическим видом отправился за горячими булочками и кофе: «Должен же я познакомить свежепонаехавшего зародыша москвича с местными специалитетами?» И вернулся с круглыми глазами, выдал мне пакет с горячим хлебушком и заявил:

– Круто, что ты в хостел не поехала.

– Это ты уже говорил.

– Он сгорел, прикинь?

– Что-о-о? – я полезла в ленту новостей. И точно. Тот хостел на Театральной, куда у меня было больше всего шансов таки поехать, как раз сегодня утром загорелся. «Пострадавших нет, но все вещи гостей сгорели. Людей эвакуировали в тапочках и пижамах...»

Я нервно хихикнула и посмотрела на чемодан.

– Благодарю Александра, что ты не погиб во цвете лет в объятиях пламени.

– Ладно. – Саша протянул мне стакан кофе. – Что там у тебя пошло не так?

И я рассказала. Вкратце. Без эмоций. Ну почти.

– Чем тебе помочь? – спросил по итогам рассказа добрый Саша. – Могу погуглить телефоны моргов.

– Мо... моргов?

– И больниц, – припечатал он. – Нет, ну ты можешь сидеть, волноваться и ничего не делать. А можешь создать имитацию бурной деятельности. Тогда хотя бы не будешь себя виноватить за ничегонеделанье. А там, глядишь, что-нибудь и разрешится.

И я успела позвонить в три больницы и два морга.

За примерно четыре часа.

А потом «что-нибудь» разрешилось. На странице одного из наших общих друзей, который написал: «Прощай, Валера, ты был хорошим другом». Наверно, надо было заплакать, но у меня не получилось. Потому что внутри было пусто. Совсем. Я просто начала бездумно щелкать по именам и ссылкам. Через полчаса нашла еще одну похожую запись. Потом еще одну. «Мир твоему праху, мне будет тебя не хватать». И поняла, что воздух в комнате неожиданно закончился.

В себя меня привел звонок телефона.

Я, не глядя, поднесла его к уху.

– Алло? – сказала одна из моих учениц. Они с подругой приносили мне почти половину дохода за уроки. – Яна?

– Да? – ответила я и удивилась, что голос прозвучал ровно. Что он, в принципе, хоть как-то прозвучал.

– Простите, что я с такими новостями... У нас изменились обстоятельства, и мы больше не будем у вас заниматься.

– Понятно, – ответила я, подняла глаза и уставилась в окно. То есть в занавеску. Та была зеленая в полоску.

– Еще раз извините и хорошего дня! – бодро сказала ученица и отключилась.

А я еще минут пять держала телефон у уха и смотрела на... На что, кстати? Не помню.

– Ян? – в какой-то момент Саша оторвался от своего компьютера, заметил, что со мной что-то не так, подошел и потыкал пальцем в плечо. – Ты в порядке?

– Нет.

– Что случилось?

Надо было ответить «Он умер» – но я не могла, просто не могла, потому что казалось, что в этот момент я сама умру. Поэтому я просто заплакала. Без слез.

– Ты пока здесь хочешь остаться или домой поедешь? – спросил Саша, накормив меня ужином. Бутерброд на вкус был как бумага, и чай был как бумага, и весь мир вокруг был как резаная бумага.

– Не знаю.

– Тебе ж, наверно... это... попрощаться с ним хочется?

– Не знаю... Да. Да, конечно.

Эта мысль выглядела как хоть какая-то точка опоры.

Куда и зачем мне возвращаться, если я только что отказалась от прошлой жизни?

Зачем мне оставаться в Москве, если она отобрала у меня призрак жизни будущей?

А тут... Хоть что-то осмысленное. Правильное. Не заставляющее занозу в сердце колоть все сильнее и сильнее.

– У тебя есть телефоны его родственников?

– Нет... Хотя да. Наверное, да.

Я лихорадочно принялась прокручивать историю звонков. Когда Валера был у меня – всего неделю, неделю назад! он был, то есть жил! – он звонил с моего телефона матери, а значит, надо найти городской с подмосковным номером, и...

– Я боюсь. Не знаю, что ей сказать.

– Для начала скажи «соболезную». Спроси, не нужна ли помощь. А дальше разберемся.

– Да?

– Да, – серьезно кивнул Саша. – Я могу суфлировать.

Страшно представить, чтобы я сейчас делала, если бы не оказалась рядом с ним. С кем-то, кто сочувствовал, помогал и понимал меня.

– Хорошо.

Я приложила телефон к уху и закрыла глаза.

– Алло, – сказал мне женский голос.

– Здравствуйте... – я поняла, что, даже несмотря на суфлера, не понимаю, как и что говорить. – Простите. Я по поводу Валеры. Он...

– Снова отключил телефон? – деловито спросила женщина. – Ира, это ты?

– Да, – зачем-то ответила я. Не знаю зачем. Наверно, потому что быть Яной сейчас было слишком больно. А неизвестной Ирой – нормально. Почти нормально.

– Он в Москве, наверно. Полтора часа назад ко мне заехал и говорил, что к девушке своей собирается. Она сейчас в больнице.

– А... понятно.

– Передать ему что-нибудь?

– Н-нет. Я перезвоню, спасибо.

Полтора часа назад. К девушке. Я подняла лицо к потолку и почувствовала, как слезинки щекочат виски, сползая из уголков глаз. Меж тем посты в соцсетях появились гораздо раньше. Что это такое. Что это такое вообще? Я в параллельном мире? Это шутка такая дурацкая? Или что?

«Ты там совсем охренел?» – написала я в мессенджере.

Не прочитано.

Не прочитано.

«Что за поминки вконтакте?»

Не прочитано.

«И что за девушка у тебя?»

Не прочитано.

Прочитано.

«Не знал, как сказать тебе, но рад, что все наконец открылось. Давай расстанемся, котенок. Так всем будет лучше».

И смайлик.

Смайлик, мать его так, смайлик!!!

С первого раза телефон не разбился. Только с третьего.

- Куда? – спросила женщина в окошке кассы.
- Куда угодно, – сказала я. – Какой рейс ближайший?
- В Красноярск, – ответила она.
- Давайте.

Боялась, что она скажет «Владивосток». И денег на билет не хватит.

Чемодан временно остался жить у Сашки. Когда я уходила от него, то точно не знала, далеко ли направляюсь. То ли в бар, то ли до ближайшего небоскреба с открытой крышей. Но пока спускалась, посмотрела на себя в маленькое мутное зеркало на стене лифта и внезапно страшно разозлилась. А еще поняла, что отправиться куда глаза глядят – это тоже в каком-то смысле оставить прежнюю жизнь.

Как там писал Павич? Если хочешь поменять судьбу, то измени место, где живешь, и язык, на котором говоришь.

С языком все не так просто, зато автобус до аэропорта стоял на остановке и призывно подмигивал фарами.

В Красноярске у меня не было ни одного знакомого.

Идеальный чистый лист.

Никто не узнает, как я буду судорожно искать работу, отчаянно выживать и, например, селиться в самом дешевом хостеле. В надежде, что тот – ха-ха – хотя бы не сгорит.

На регистрацию я успела последняя и получила место в последнем ряду возле туалета. Что в целом неплохо, учитывая, что через два часа полета у меня началась запоздалая истерика и затошнило так, что согнуло пополам.

На подламывающихся ногах я заползла в кабинку, плеснула воду в лицо и уставилась в зеркало.

Яны там не было.

Там никого не было.

И ничего.

Ни стены за моей спиной.

Ни таблички на ней «Если капитан воздушного судна включил знак «пристегните ремни», то пройдите в салон»...

Только клубящаяся фиолетовая мгла.

Самолет тряхнуло так сильно, что я врезалась в дверь, упала на колени и с трудом встала, цепляясь за кран.

Чтобы увидеть, как зеркало, будто сюрреалистический, диковинный цветок, треснуло и распустилось вихрем осколков, и навстречу мне, из фиолетовой глубины, шагнула тень с горящими глазами.

– Привет, – сказала тень, превращаясь в потрясающего красивого то ли эльфа, то ли демона с заостренными ушами и перламутровыми крыльями за спиной, и я поняла, что забыла еще об одном способе покончить с прошлой жизнью.

Успешно сойти с ума.

Глава 3. Фиалки и филармония

Раньше я думала, что в туалетах в самолете мало места.

Теперь же я решила, что его не просто мало, а преступно, невообразимо, исчезающе мало.

Мои спина и затылок упирались в стенку. Так сильно упирались, что, казалось, если попытаться сдвинуться еще хоть на миллиметр, то перегородка просто не выдержит и сломается.

А запястья, и бедра, и грудь были в плену. В плену у красавчика с фиолетовыми глазами, который разом взломал все границы, похозяйски прижался всем телом, навалился, держал и смотрел, не отпуская. Тем самым взглядом, от которого невозможно отвернуться. Даже глаза отвести – и то немыслимо.

Дыхание его пахло фиалками, горячей степью и мокрым асфальтом после дождя. Я же вовсе разучилась дышать. Но тут за его спиной раздался мелодичный звон, эльф обернулся и медленно отстранился, возвращая мне свободу.

– С этой турбулентностью, – светски заметил он, – никогда не знаешь, куда угодит последний осколок.

– Да? – растерянно спросила я. Ну просто чтобы поддержать разговор. А еще чтобы понять, как далеко расходятся круги от брошенного камня. То есть каковы границы моей галлюцинации. То, что она обонятельная, и осязательная, и слуховая, – это мы уже выяснили. Теперь осталось осознать, насколько глубокомысленный разговор она может поддерживать. Важное, кстати, знание в свете того, что, возможно, мне придется сосуществовать с ней довольно долго. Пока не заработаю на хорошего психиатра.

– Если бы не я, – эльф осторожно повернулся и продемонстрировал узкие осколки, воткнувшиеся в плащ из крыльев, – то один из них вполне мог угодить тебе в глаз.

– Если бы не ты, – устало заметила я, – этих осколков в принципе не было бы.

– Резонно, – кивнул эльф. – Я Сид. А ты Яна. Теперь, когда с зеркалом покончено и с реверансами – тоже, давай перейдем к делу.

– Обязательно. – Я заправила волосы за ухо и потерла висок привычным движением. Странно. Голова, которая минуту назад просто раскалывалась, сейчас болеть перестала. Наверно, от удивления. – Только не мог бы ты подождать меня снаружи?

Спросила я без особой надежды, но фиолетовоглазый неожиданно послушно кивнул и вышел. А я осталась стоять, беспомощно оглядываясь по сторонам. Осколки покрывали ровным слоем все поверхности. Казалось, пошевелишься, и все это блестящее крошево взмоет в воздух и кинется на тебя, как рой насекомых. Бррр. Поэтому я долго не решалась пошевелиться.

Однако, постояв на одном месте минут десять и прокрутив в голове все возможные объяснения происходящему, я вернулась к изначальной мысли про безумие и успокоилась. Может, у меня вообще инсульт там или инфаркт. Лежу себе в проходе между креслами, вокруг стюардессы суетятся, пассажиры причитают и всплескивают руками... Идиллия. Сейчас это казалось самым реальным. Укладываемымся в нормальную человеческую логику, а не логику сна.

Медленно выдохнув, я потянулась к двери и выскользнула наружу.

Парень из зеркала как ни в чем не бывало стоял и ждал меня, прихлебывая воду из пластикового стаканчика. Крыльев у него уже не было, а вместо старомодного жакета плечи обтягивал свитер крупной вязки.

– Поговорим? – улыбнулся он и, не дожидаясь ответа, пошел по проходу.

Я бросила взгляд на свое пустое кресло. И вместо того, чтобы сесть и сделать вид, что ничего не происходит, зачем-то зашагала следом за собственной галлюцинацией.

Дойдя до шторки, отделяющей эконом-класс от бизнеса, галлюцинация отодвинула ее в сторону и как ни в чем не бывало прошествовала дальше, мимо застывшей стюардессы со стеклянным взглядом. Я помотала головой, пытаюсь стряхнуть наваждение. Ладно, мало ли чего там кажется, но когда в поле моего безумия попадают другие люди, это...

– Эй, ты идешь? – эльф обернулся и призывно махнул рукой.

Я осторожно протиснулась мимо стюардессы, ожидая каждую секунду, что сейчас раздастся окрик: «Пассажирам эконома сюда нельзя!» – и иллюзия развеется. Но все, что мне досталось, это искусственная пластиковая улыбка. Как будто все было в порядке.

Тем временем фиолетовоглазый уселся на кресло в свободном ряду и похлопал по сиденью рядом с собой:

– Устраивайся поудобнее. Что будешь пить? Можно попросить белое вино, или красное, или сэки...

Выглядел он при этом как граф или герцог, приветствующий гостей на балу в собственном имении и перечисляющий закуски вроде зефира из птичьего молока и язычков соловьев.

– Рисуешься? – ядовито поинтересовалась я, все же усаживаясь рядом.

Вместо того чтобы обидеться, эльф рассмеялся:

– Рисуюсь изо всех сил.

– А зачем?

– Мне это нравится, – пожал он плечами. – Что может быть приятнее, чем щегольнуть самомнением? Мое, кстати, так велико, что не поместилось в самолет. Так что это так, робкие отголоски.

Он помахал рукой, призывая стюардессу:

– Нам красное вино и вишневый сок, пожалуйста.

– А почему они не удивляются? – Я проводила взглядом стюардессу и потеряла переносицу. Голова все еще не болела, и внутри ее была чистая, звенящая, яркая пустота. Предметы вокруг виделись необычайно четко, как будто кто-то выкрутил мне зрение на сто сорок шесть процентов. Спрашивать, откуда галлюцинация знает, что вишневый – это мой любимый сок, я не стала. В конце концов, это же мое собственное видение. Значит, должно быть знакомо с моими предпочтениями.

– Потому что думают, будто мы сидели тут с самого начала полета, – эльф зевнул. – Ничего сложного, если знать, как правильно манипулировать вниманием.

– Ладно. – Я взяла принесенный стюардессой стакан, прищурила один глаз и посмотрела на эльфа сквозь сок. В алом свете он выглядел, на удивление, более реальным. Наверно, потому что эпично-зловещий цвет соответствовал его нездешнему облику. – О каком деле ты хотел поговорить?

– О том, не хочешь ли ты отдать свое разбитое сердце, – спокойным, очень будничным тоном сказал он. – В тебе сейчас так много печали, и злости, и сожалений о потерянном времени, и... – он прищурился, вглядываясь в мое лицо. – И желания отомстить. И тебе от этого коктейля больно и плохо.

– Еще залетных психологов мне тут не хватало, – зло сказала я, отставила стакан и попыталась подняться и уйти. Но он схватил меня за запястье и удержал.

– Это не психология. Я их тоже, кстати, не люблю.

– Также? Откуда тебе знать, кого я люблю, а кого нет?

– Я мог бы воспользоваться твоей логикой и сказать, что все это тебе кажется. А раз я твой глюк, то должен все о тебе знать. Убаюкать твою подозрительность. Чтобы ты потом думала, будто это тебе во время полета сон приснился. Но...

– Что «но»?

– Есть в тебе что-то эдакое... – он щелкнул длинными пальцами, будто подбирая слово. – Ладно. Рисоваться так рисоваться. Сначала долетим спокойно, а потом приглашу тебя в филармонию. Тебе понравится, вот увидишь.

Вместо того чтобы закидывать эльфа вопросами «что за филармония?» и «почему она мне должна понравиться?», а также «может, хотя бы намекнешь про это самое эдакое?», я молча цедила сок и смотрела в спинку впереди стоящего кресла. Самомнение, говорите? У меня тоже есть самомнение. Которое подсказывало, что нечего изображать из себя восторженную избранную, если не до конца уверена, что предложенная тебе таблетка освобождает из матрицы, а не просто отправляет в наркотический трип.

«Кстати, а где было твое самомнение последние пару лет?» – ехидно поинтересовался внутренний голос, и стало так противно и больно, что, казалось, еще немного, и меня просто вывернет наизнанку.

Да еще и галлюцинация с соседнего кресла смотрела таким взглядом, как будто я была лабораторной мышью под скальпелем вивисектора. Казалось, фиолетовоглазому было просто и искренне интересно, что я буду сейчас делать. Выть? Плакать кровавыми слезами? Бить стаканы? Кусать костяшки пальцев? Бессильно

всхлипывать? Горящая боль в глубине души становилась все сильнее, как будто я начала оттаивать. И если проснувшееся наконец самомнение и здравый смысл радовали, то осознание потерянного, уничтоженного, бесцельно проведенного времени просто ужасало.

Ради чего все это было?

Как я могла вообще терпеть подобное отношение к себе?

В тот момент, когда я уходила из Сашиной квартиры и решала, куда двигаться дальше, мне было просто больно. Когда любимый человек обманул тебя, это как удар по голове. Дезориентирует, оглушает и притупляет все остальные чувства.

Теперь же, когда головная боль прошла и в физическом, и в метафизическом смысле, я наконец осознала масштаб проблемы и ужаснулась. Потому что сейчас в моем теле была не я, а жалкий эрзац. Перекроенное, удобное, привыкшее сублимировать эмоции в творчество создание. Привыкшее не повышать голос, когда хочется кричать, не интересоваться планами, когда это нужно сделать, не возмущаться, когда об него вытирают ноги.

Черт, что Валера сделал со мной?

Или нет.

Что я сама с собой сделала?!

– Шаг назад, – сказал вдруг эльф. – Не ты это начала. Еще самобичевания тебе не хватало.

– Ты читаешь мои мысли? – прошептала я.

– Нет. Я просто хорошо представляю, о чем ты примерно сейчас думаешь.

– Ты уж определись, хорошо или примерно?

– Ты далеко не первая.

– Что?

Он вздохнул.

– У человека с разбитым сердцем примерно один и тот же набор переживаний. Они даже разворачиваются в определенном порядке.

– А говорил, что не психолог.

– Если я хочу забрать у тебя эти чувства, значит, мне надо знать о них все. Уметь с ними работать, понимаешь? – Эльф положил пустой стакан боком на столик и покатал его туда-сюда. – Если их взять просто голыми руками... можно обжечься. Так понятнее?

– Не совсем, – призналась я. – Далекое нам еще лететь?

– Минут сорок.

– Тогда пойду на свое место. Посмотрю, как там мой рюкзак и все такое. Насчет филармонии я помню, но...

– Боишься? – фиолетовоглазый прищурился. – Или до сих пор думаешь, что это бред?

Я пожалала плечами и молча ушла.

Села на свое место, пристегнулась и зажмурилась изо всех сил.

Но за время, оставшееся до приземления, так и не сумела определиться, чего мне больше хочется. Чтобы это все оказалось сном... или правдой. Самолет снова дико мотало и швыряло при посадке, одна из багажных полок раскрылась, и рюкзаки с сумками посыпались на пол, кто-то завизжал, я еле увернулась от какого-то пакета канареечно-желтого цвета, который прицельно бросился вниз и сказал уже на полу сочное «дзонн!», стюардессы надрывались, призывая всех сохранять спокойствие.

И все-таки. Сон или правда?

На выходе из самолета никто меня не ждал.

«А жаль», – шепнул внутренний голос.

Вот такая я нелепая. Вечно решаю слишком поздно, когда уже ничего не исправить.

За окнами аэропорта было уже светло – сказывалась разница во времени. Ночь потерялась где-то там, между вылетом из Москвы и жесткой посадкой в Красноярске. Я медленно шла, закинув на одно плечо рюкзак с ноутбуком и двумя сменами одежды. Состояние было как перед экзаменом: всю ночь зубрил, ноги ватные, глаза закрываются, в ушах тихонечко звенит и страшно хочется спать. Но спать нельзя, сначала надо сдать, хотя бы на тройку. В моем случае – добраться до города и найти, где поселиться.

К остановке автобусов я вышла в 6:02, посмотрела на расписание и медленно выдохнула. Предыдущий ушел ровно две минуты назад, а следующий ожидался почти через два часа. Идеальный тайминг. Я закусила губу и задумалась. Наверно, стоило вернуться в здание аэропорта, в тепло – сибирская осень даже не намекала о том, что она не особо ласковая, а кричала об этом во весь голос. Даже теплая толстовка не особенно спасала. Надо было, конечно, лучше собираться. Распаковать, например, большой чемодан и взять из него

что-то более осмысленное... но почему-то вчера мне об этом не думалось.

Я посмотрела на стеклянные двери, вздохнула и поморщилась, как перед прыжком в ледяную воду.

Эти неизбежные досмотры на входе в здания аэропортов всегда меня бесили. А уж сейчас, когда нервы ни к черту, – особенно.

Достаньте все из карманов. Снимите ремень. Вытащите телефон. Включите телефон. У вас есть компьютер или планшет? Давайте его сюда. Включите ноутбук. Выключите ноутбук.

Ааа! Зачем все это? Почему почти ни в одной другой стране мира подобного нет и всегда можно спокойно зайти-выйти? При этом с авиабезопасностью там все ок... Я вздохнула, поправила рюкзак и пошла было от остановки обратно, как сзади раздался оклик:

– Эй!

Сначала я даже не поняла, что это мне.

Потому что кому меня звать в незнакомом аэропорту незнакомо города в шесть утра? Правильно, никому.

Но тут снова крикнули:

– Эй, Яна! Ты куда?

Я оглянулась.

Возле остановки стояло такси с гостеприимно распахнутой задней дверью. Из салона выглядывал давешний эльф и призывно махал рукой.

– Запрыгивай!

Я зажмурилась и помотала головой. Снова открыла глаза. Картина не изменилась. Значит, все-таки правда?

– Сейчас, – сказала я и пошла к машине. Хотя с каждым шагом казалось, что ноги становятся все тяжелее, потому что кто-то готовился совершить невообразимую, здоровенную, жирную глупость. Сесть. В машину. С незнакомцем. Пфф! Отловив эту мысль, я расхохоталась во весь голос, закинула рюкзак в такси и быстро плюхнулась следом. Нет, все же это невероятно смешно. Потратить несколько лет жизни на долбоящера-изменника – это нормально, а отдаться на волю галлюцинации – страшный грех? Что за инертность мышления!

– У тебя уже есть гостиница на примете? – спросил эльф, когда мы тронулись. – Или ты квартиру собиралась снимать?

«Вот! Вот он момент истины! – вновь завопило инертное мышление. – Сейчас он тебя заманит... куда-нибудь!»

– Нет, – я пожалала плечами. – Не было времени выбрать.

– Тогда не меняем адрес, все так же на проспект Мира, – сказал фиолетовоглазый таксисту, потом снова посмотрел на меня. – Не против тогда позавтракать? Там в центре есть несколько кафе, которые открыты уже с семи.

– Не против. Только если не очень дорого, – я виновато улыбнулась. – С деньгами у меня сейчас... пока... не очень.

– То есть я похож на мужчину, который не готов угостить прекрасную даму круассаном и чашечкой кофе? – показательно оскорбился эльф. – Это ты меня считаешь таким жмотом или таким негодяем?

– Просто не привыкла навязываться... – Я посмотрела в окно, постучала по стеклу кончиками пальцев и добавила тоном, который, надеюсь, получился безразличным: – Раз уж мы собираемся завтракать вместе... как там тебя зовут? А то знакомство было слишком... ммм, ярким. Не до имен.

Пришло время признать, что галлюцинация либо слишком правдоподобна, либо реальна. И тот, и другой случай требовал называть вещи – и незнакомцев из зеркал – своими именами.

Сид ловко подцепил с круглой деревяшки кусок пиццы и отправил мне на тарелку. Я же медленно тянула через трубочку морковный фреш со сливками и делала вид, что это для меня обычное утро. С пиццей на завтрак. В компании с красавцем-незнакомцем. В незнакомом городе. В Сибири. В полностью разобранных чувствах.

Идеальное комбо.

Девочку Элли закрутил вихрь и приземлил в Волшебной стране. В качестве Тотошки – ноутбук в рюкзаке, великий и ужасный Гудвин восседает напротив за столом и жует кусок пиццы «четыре сыра», впереди, судя по всему, опасности и приключения... Лишь одного не хватает, как сказал бы Страшила.

Немножечко ума.

Потому что, будь у меня ум, я бы никогда...

– По поводу сегодняшнего вечера, – эльф отхлебнул капучино и улыбнулся мне из-за чашки. Улыбка у него, кстати, была на редкость

самодовольная. – Тебе удобно будет встретиться возле филармонии в семь?

– Даже не знаю, – я отвела глаза и посмотрела в окно за спиной Сиды. Там уже ездили машины, куда-то шли редкие прохожие, город просыпался и оживал. Красноярск казался живым и настоящим, а не просто декорацией к моему неудачливому бегству. Так... странно. Казалось, будто я несколько лет не дышала, а тут вдруг научилась. И следом за мной весь мир вокруг стал наполняться яркими красками. – Как-то так сложилось, что у меня с собой нет ни вечернего платья, ни выходного костюма. Думаешь, меня пустят в оперу?

– Если я захочу, пустят, – Сид приподнял бровь, и я почему-то сразу и безоговорочно поверила: а ведь действительно пустят. Так же, как с бизнес-классом. Даже если я приду в футболке и джинсах, то все равно с поклоном проводят в ложу, выдадут крошечный позолоченный бинокль и программку. И ни на секунду не задумаются о том, что кто-то недостойно выглядит. – Но если ты действительно хочешь послушать, что там поют на сцене, выбери другой вечер.

– В смысле?

– Я сказал, что нам нужно в филармонию, а не на спектакль, – он притворно вздохнул. – Вы, люди, так привыкли соединять в сознании содержание и форму, что приходится все свои намерения прояснять по десять раз.

– Так и запишем, – отозвалась я, рисуя зубчиком вилки на поверхности сыра трехногого осьминога. – Ненавистник метонимий.

– Любительница языковых средств выразительности.

– Перед ЕГЭ вызубрила, – я пожала плечами. – Никогда не думала, кстати, что это знание мне когда-нибудь в жизни еще раз понадобится. А вот поди ж ты.

– Хорошая механическая память... – протянул Сид и прищурился, глядя на меня. Потом резко тряхнул головой. – Нет.

– Не веришь?

– Верю.

– Тогда почему «нет»?

– Это я о своем. Тебя не касается.

– Да? А что тогда меня касается?

– Сегодня в семь встречаемся, я тебя провожу к директору, и она все расскажет.

– Глядя на тебя, – я выпила последнюю каплю фреша и с сожалением уставилась в стакан, – никогда бы не подумала, что тебе нужны авторитеты. Чтобы что-то доказать или объяснить.

– А кто сказал, что они нужны мне? – Сид потянулся и зевнул. – Это тебе они нужны.

Но мысль развивать не стал, а вместо этого достал из кармана пустую визитку – ни имени, ни контактов – и быстро написал на ней несколько телефонов. Потом протянул мне:

– Если хочешь снять квартиру, то вот несколько номеров. Точно не знаю, какие сейчас свободны, но ты позвони на всякий случай.

– Спасибо. – Я не выдержала и тоже зевнула в ответ. – А они... проверенные?

– Да. – Сид поднялся, достал из кармана несколько купюр и положил на стол. – Проверенные и вполне надежные. Там обычно живут наши преподаватели.

– Надо же, – удивилась я. – Ты работаешь в школе? Или в университете?

– Почти, – ответил он. – То зеркала в самолетах бью, то лекции читаю. Скучная в целом жизнь. Так что до встречи вечером!

Шутливо поклонился мне и ушел.

И, клянусь, я даже услышала, как звякнули все стекла в кафе, когда гигантское самомнение Сида встрепенулось и распустило невидимый хвост.

Пока я смотрела вслед этому самодовольному то ли эльфу, то ли демону, официант принес мой десерт – эклеры с лимонно-лавандовым кремом – и еще одну чашку кофе. Я отхлебнула горько-пряной черноты и почувствовала себя так, будто время остановилось. В этот час, эту минуту, эту секунду, за столиком, на котором застыло пятно утреннего солнца, я необычайно четко это осознала.

Кончилась.

Моя прошлая жизнь кончилась.

Вне зависимости от того, надолго ли я здесь.

Даже если встреча в филармонии окажется банальной и бессмысленной.

Так, как было раньше, не будет никогда.

И в это самое раньше заглядывать было... страшно.

Как будто сейчас я сидела на условно «светлой» стороне, там, где не могло случиться ничего плохого. А обернуться назад... Это значило бы посмотреть в глаза темноте и чудовищам, которые обитали не только вокруг меня, но и внутри собственной души.

Нет.

Не хочу.

Я медленно откусила кусочек пирожного, прожевала его, прикрыв глаза, наслаждаясь каждым мгновением, и сдула с кончиков пальцев сахарную пудру.

Не хочу.

И не буду.

Сейчас допью кофе, попрошу счет и, наверно, даже осмелюсь позвонить по тем самым контактам, которые оставил Сид.

Я подхватила со стола визитку, крутанула ее между пальцами... и громко расхохоталась как сумасшедшая.

Да уж. Как раньше, точно не будет. Потому что вот уже больше десяти часов я провела без смартфона, и ни разу, ни единого разочка не задумалась об этом и не ощутила ни малейшего неудобства. Вот это «вау». Вот это настоящий цифровой детокс. Живые эмоции: шок, горе, удивление оказались такими сильными, что вытеснили желание следить за чужой жизнью и чужими событиями. Вдребезги разбитый телефон так и остался лежать там, в мусорном ведре, в квартире у Саши. Хотя, наверно, уже перекочевал в мусорный бак или даже держал путь на свалку. В посмертие погибших и выброшенных вещей.

И с чего мне тогда звонить?

С ладошки?

Денег после покупки билета в Красноярск и в свете отвалившихся учеников было настолько в обрез, что мысль о необходимости купить даже простую кнопочную звонилку заставляла меня ежиться и панически считать рубли. В этот момент официант подошел к столику:

– Что-нибудь еще?

И вместо того, чтобы попросить счет, я сказала:

– Простите, а в вашем кафе есть телефон? Оказывается, я свой забыла дома.

– Конечно, – кивнул официант. – Давайте я провожу вас за стойку.

По первому телефону мне никто не ответил.

Вторая квартира оказалась в центре города и слишком дорогая.

А вот с третьей, кажется, повезло.

И через час я уже ехала на электричке – всего за двадцать восемь рублей! – в еще один город с красивым названием Дивногорск. Всего час от Красноярска. На берегу Енисея. Дешево добираться. Что тут могло пойти не так?

– А вот тут у нас кухня! – радостно заявила хозяйка квартиры, распахивая дверь. – Слегка не убрано, но чем богаты...

В «слегка не убранной» кухне окно было плотно заклеено красным скотчем, и поэтому крошечный закуток в пять квадратных метров казался прибежищем Сатаны. Весь стол был завален исписанными листами бумаги, они же лежали на подоконнике и батарее, и на полу, и даже из полуоткрытого выключенного холодильника тоже выглядывал образец эпистолярного жанра.

– Что... это? – осторожно спросила я.

– Да здесь девочка, тоже из этого вашего института, жила... Съехала скоропостижно, часть вещей с собой не забрала, а я закутилась, все думала завтра, завтра уберу... Тут ты звонишь – и уж некогда прибираться. Верно ведь?

Хозяйка квартиры мило улыбалась, и даже это «ты» не особо меня задевало, настолько оно казалось естественным и к месту... Но что-то все равно не давало покоя. Квартира была в хрущевке, в районе, как будто отставшем от времени на двадцать-тридцать лет. Когда я шла к нужному подъезду, то и дело сверяясь с записанным на салфетке адресом, даже увидела работающую таксофонную будку – там, внутри, кто-то стоял и реально говорил, прижимая к уху коричневую трубку. Как будто в декорациях к старому фильму. Мужики на скамейке играли в домино, дворовые кошки дремали под столом для настольного тенниса, лениво поводя ушами, тетенька в бигудях орала из окна на всю улицу: «Вадик! Ва-а-а-адик! Иди домой кушать!»

В подъезде пахло кошками, и лампочка на первом этаже не горела, зато квартирка за двумя крепкими дверями оказалась маленькой, но уютной. Вся нужная мебель, и неплохая стиралка, и милые занавески на окне, а главное – цена. Гораздо меньше, чем я ожидала. Ровно то, что я могла себе позволить. И я было твердо решила, что сниму ее – тем более совсем недалеко до электрички и, если что, до Красноярска добираться легко... Пока не увидела этот красный скотч.

– Если будешь въезжать, так я тебе убраться помогу, – продолжала улыбаться хозяйка. Маленькая, круглая, с румяными щеками, натуральный колобок. – Прямо сегодня вечером и помогу.

– Не надо, – почему-то ответила я. Наверно, потому что хотелось побыть одной. К тому же на сегодняшний вечер у меня уже были планы.

– Так что, договорились? – не отставала она.

Я вздохнула. Шагнула к окну, потянула на себя одну из красных лент... Отходя от стекла, скотч невыразимо противно затрещал, так, что мне показалось, еще секунда – и сбегу отсюда прочь, прыгну в Енисей, попрошусь в тихий подводный мир на пээмжэ и буду потом рассказывать всем русалкам, что именно стало последней каплей в моей нелепой наземной жизни. Даже не хруст пенопласта. А треск скотча. Дешевка!

– Договорились, – твердо сказала я. – Если залог разобьете.

– Вот и отлично, вот и ладненько, – засуетилась хозяйка и побежала в прихожую. Крикнула оттуда: – У меня уже и договор приготовлен... зачем нам эти риелторы... кровопийцы-обманщики... верно? Давай в комнату!

«Абсолютно незачем», – подумала я, подписала договор на аренду, притулившись на скрипучем старом стуле, получила ключи, отдала деньги – в отсутствие телефона и доступа к интернет-банку наличные оченьгодились! – и через десять минут наконец осознала, что самый насущный вопрос – с жильем – закрыт.

Здравый смысл утверждал, что теперь стоит прилечь и поспать хотя бы пару часов, чтобы вечером не быть вареным оладиком. Но любопытство победило, и я пошла разведывать дорогу к ближайшему магазину. А возвращаясь домой с хлебом, чаем, пряниками и замороженными куриными крыльями, наткнулась на соседку по лестничной площадке.

– Здравсте! – пискнула я, пытаюсь быстро и независимо повернуть ключ в замке. Но тот, как водится, назло застрял и подыгрывать мне упорно не желал.

– Еще одна... – вздохнула соседка, похожая на высушенную рыбину, и смерила меня неприязненным взглядом. – Только в прошлую пятницу одну в морг увезли, теперь вторая заехала.

И вдоволь насладившись моим обалдевшим видом, уплыла к себе.

Я же осталась на пороге квартиры, сумев наконец справиться с замком...

Только вот внутрь уже не особо хотелось.

Заходить в квартиру было страшно, стоять в дверях – глупо, телефона, чтобы позвонить хозяйке и срочно все переиграть, у меня не было, поэтому пришлось призвать на помощь отчаяние и логику.

Отчаяние – потому что бежать куда-нибудь и там страдать сейчас было решительно невозможно. Бежать некуда, а страдалка слишком устала за последние несколько дней и отключилась в самый ответственный момент.

Логика – потому что я не в фильме ужасов, а в маленьком сибирском городке на меньше чем тридцать тысяч человек, с двумя автобусными маршрутами, первый из которых идет до городской свалки и стрельбища, и второй ровно туда же. Интуиция подсказывала, что развлечений тут не особенно много, а вот сделать соседке гадость – какое-никакое, а веселье. Может так быть, что кто-то просто завидует дополнительному доходу от сдачи квартиры и специально выживает жильцов? Может. Может так быть, что кто-то раздул из мухи слона? Может. Может быть что угодно. Главное, выяснить, что тут правда, а что...

К тому же видели мы уже одного «мертвого» в дружеских соцсетях. Буквально вот недавно.

При этом воспоминании я так разозлилась, что шагнула в прихожую, захлопнула за собой дверь, решительно прошла в комнату и уселась по-турецки на пол рядом с рюкзаком. Рядом, из-под старенького потертого кресла, торчал уголок бумажного листа. Я зачем-то подцепила его и потянула. Такой же, как и на кухне, плотно исписанный мелким угловатым почерком. Чтобы хотя бы несколько минут не думать: «Ну, и что мне теперь делать в потенциально нехорошей квартире?» – я углубилась в чтение. Тем более что все равно ни черного кота, ни примуса рядом не наблюдалось, масло на трамвайные пути по дороге сюда никто не разливал, Патриаршие пруды остались в далекой Москве, и этот сценарий про вмешательство дьявола в мою жизнь отметался.

Через пару минут я отложила листок в сторону и потеряла виски.

Перед глазами плыло, как будто я решила почитать слишком мелкий шрифт без очков... Хотя стоп. Очки я никогда не носила. Откуда вообще эта мысль-то?

Треть слов из написанного я понимала, но они складывались в какие-то странные конструкции, которых ни в русском языке, ни в других знакомых я никогда раньше не встречала.

Еще треть была терминами. Похоже на латынь.

И еще треть – пяти- и шестизначными числами, обозначающими, судя по всему, какие-то действия, но для того, кто не знал ключа к их генерации, абсолютно бесполезные.

Больше всего прочитанное походило на... алхимию. Алхимию на современный лад. Как если бы создатель философского камня решил перевести архаичный трактат на язык сегодняшней науки. Причем не самый прилежный и аккуратный создатель, потому что на листке было полно помарок, зачеркнутых фраз, правок и примечаний на чистейшем, местами русском языке. Собственно, это была единственно понятная мне часть сочинения. Жаль только, что состояла она в основном из слов типа «блин», «опять фигня», «на хрен это нужно?», «wtf» и прочей экспрессии.

А еще... Я прикрыла глаза. Да, точно. Несмотря на то что я мало понимала – ну, кроме того, что какую-то субстанцию нужно было трансформировать в другую субстанцию по нескольким формулам, – общая композиция и ощущение от написанного здорово напоминали мне собственные рисунки. Те самые темные города с химерами. Многослойные, многоуровневые, замысловатые, которые начинаются с одного сложного завитка, а потом разрастаются на весь лист. Кто бы ни написал это, он явно мыслил... похоже.

Так.

Ладно.

Я сложила лист и положила в рюкзак, отнесла пакет с куриными крыльями на кухню и сунула их в морозилку, стараясь не глядеть по сторонам, прошла в ванную и внимательно посмотрела на себя в зеркало.

– Ну что? – спросила я и постучала кончиком пальца по раме. – Давай-ка спросим Сида про это место... и зачем он мне его порекомендовал.

А потом, подхватив рюкзак, отправилась в Красноярск.

Придется пошататься несколько часов по улицам, но все лучше, чем оставаться здесь. Тем более что сна у меня уже не было ни в одном глазу.

Обойдя вокруг филармонии раз пять, я так до конца и не определилась, что именно она мне напоминает. Нет, замысел архитектора читался очень явно: открытый рояль, и по размеру, и по форме, кстати, напоминающий своего южного «брата» – Ростовский музыкальный театр. Но если смотреть со стороны главного входа, то очертания крыши смазывались, и здание больше походило на сложенную из прозрачных и непрозрачных кубиков великанскую игрушку. По мне, слишком громоздкая и жесткая геометрия, чтобы внутри могла водиться нежная музыка. Единственный жанр, который идеально просился в эти стены, – марши.

Которые мне, кстати, не доведется послушать, ведь Сид не обещал мне билета на концерт.

Ну, не страшно.

Лишь бы сам пришел.

Я закусила губу. Все эти архитектурные размышления и круги, которые я наворачивала вокруг филармонии, имели лишь один мотив: занять мозг, чтобы тот не производил тревогу.

Но получалось не слишком хорошо.

Чем ближе к семи, тем сильнее я волновалась.

Боялась, что эльф не придет.

Ведь я же даже не смогу позвонить или написать ему, верно?

Я не спросила его номера, не найду его в соцсетях – да его, скорее всего, и нет там. Я ничего о нем не знаю...

«В таком случае почему ты так переживаешь? – ехидно поинтересовался внутренний голос. – Даже если он не придет сегодня и останется тем же почти-незнакомцем, как и был до этого... Тебя это настолько волнует? Довез до города, накормил завтраком, нашел квартиру... уже неплохо, верно?»

Нет.

Я пыталась убедить себя, что у меня есть как минимум одна веская причина настойчиво желать этой встречи. Надо же расспросить про ту самую квартиру! Просто жизненно необходимо. Из соображений безопасности. Ведь так, да?

Однако еще стоило признаться себе, что Сид меня зацепил. Несмотря на всю свою нереальность, на самомнение, на бредовость того, о чем он говорил...

– Яна! – не выдержала я. Люблю поговорить сама с собой в драматические моменты. – Неужто тебя мужчина заинтересовал? Давненько такого в нашей деревне не было!

– Чего именно не было? – поинтересовался голос за спиной, я натурально подпрыгнула, повернулась и обнаружила фиолетовоглазого. Легок на помине.

– Культурной программы, – ляпнула я первое, что пришло в голову. – Такой богатой.

И для убедительности плавно развела ладони в стороны, демонстрируя богатство этой самой программы. Помимо громады из стекла и бетона в нее входил еще красный скотч и слухи о моргах, но Сид пока еще об этом не знал.

– Пошли? – кивнул он в сторону от главного входа. – Нам туда.

– Пошли, – согласилась я и решила пока не спрашивать ни о чем. Сначала выясню, зачем мы здесь, а потом уже разберусь с вопросами.

Решение это прожило примерно полминуты, до того момента, как мы завернули за угол и там обнаружилась лестница из черного полированного мрамора... Длинная лестница на несколько пролетов, которой точно не было здесь еще десять минут назад. И двадцать минут назад тоже не было.

Сначала я подумала, что это какая-то иллюзия, странный оптический эффект, но Сид уверенно прошел вперед и поставил ногу на первую ступеньку. Потом обернулся ко мне:

– Ты не против взять меня под руку?

– Н... не против. – Проклятая лестница одним фактом своего существования проявляла пассивную агрессию и вела себя по всем правилам газлайтинга. То есть упорно убеждала в том, что с головой у меня явный беспорядок. Потому что сложно пять раз пройти мимо и не заметить такой выдающийся архитектурный элемент. – А зачем? Ты решил, что раз мы не в вечерних нарядах, то будем хотя бы вести себя как дама и кавалер на званом вечере?

– Нет, – ответил Сид и ослепительно улыбнулся. – Просто некоторые с нее падают. Были прецеденты.

– Как это... падают? – глупый вопрос, но почему-то он показался мне важным.

– Качественно убеждают себя в том, что это иллюзия. Так что держись и лучше не смотри под ноги.

– А это не иллюзия?

– Нет, – Сид потянул меня вверх по ступенькам. – И это – тоже нет.

Я подняла глаза и увидела, как по стене филармонии идет зеркальная волна, и оконные стекла выворачиваются, оцетиниваются осколками, как чешуя боевого ящера, а потом снова становятся гладкими. Черно-фиолетовыми, словно ночное облачное небо, с то и дело пробегающими по всему фасаду молниями. Воздух потрескивал, будто от статического электричества, но грозой и не пахло.

Пахло фиалками.

И волшебством.

Глава 4. Кабинеты и каланхоэ

По дороге в кабинет директора я молчала. Сид тоже не спешил комментировать внутренние интерьеры этой самой «филармонии». Только изредка поглядывал на меня и улыбался краешком рта. Наверно, оценивал, насколько мои глаза округлились от удивления.

Внутри здание оказалось еще более странным, чем снаружи.

Была в здешнем холле и коридорах какая-то неправильность, тот самый поворот реальности на одно деление, который разумом еще не улавливается, а лишь чувствуется интуицией и постепенно накручивает нервы на невидимый стержень с шипами.

Однако через несколько минут я все же сумела вычислить самое пугающее из интерьерных решений. Симметричную асимметрию. Почти ни одна люстра, ни одна дверная ручка, ни одна картина на стене, ни один барельеф не были правильной формы. Все они казались перекошенными, оборванными, недоделанными, недосказанными. На первый взгляд. Однако почти все поверхности здесь: и пол, и потолок, и стены – были сделаны из гладких, полупрозрачных материалов. Камень, стекло, пластик. И если не фиксировать взгляд только на самом предмете, но оценивать его вместе с отражением, то недосказанность уходила и становился понятным замысел дизайнера. У реальности будто появилось еще одно измерение, с завораживающей магией калейдоскопа, знакомой каждому с детства. Когда из горсти цветных стекляшек и бусинок рождается удивительный мир, который можно разглядывать часами.

В тот момент, когда я это поняла, как будто какая-то деталь в голове встала на место. Я даже услышала – или представила себе, что услышала – тихий звон-щелчок. Оп – глаза перестали слезиться, и нервное напряжение ушло. Я наконец нашла в себе силы улыбнуться Сиду в ответ и спросить:

– А почему тут никого нет?

– Во-первых, вечер рабочего дня. Во-вторых, большинство на выездной практике.

– О, студенческая практика, – я прищурилась, вспоминая, как несколько лет назад нашу группу на целый месяц отправили сметать

пыль с черепков в древний Танаис. Палатки, вечерние посиделки у костра, тысячелетние камни под ногами, тропинки, по которым ходил сам Тур Хейердал, когда приезжал сюда на раскопки, ночные птицы и свобода. В степи пахло полынью, а небо было оглушающе бездонным. Наверно, именно тогда мне в последний раз было настолько хорошо и спокойно, насколько это вообще возможно. – Романтика! А почему осенью?

– Потому что она входит в программу первого семестра, – задумчиво проговорил Сид. – Как и этот филиал.

– Ого, – я закинула голову и посмотрела на очередной странный плафон над головой, похожий надохлого хрустального осьминога. – А их типа много? Филиалов?

– Много, – коротко ответил эльф и махнул рукой на дверь впереди. – Кстати, мы почти пришли.

– А эта директор... она...

– Не волнуйся, она точно не откусывает людям головы, – Сид покровительственно похлопал меня по плечу. – И я ее предупредил о твоём приходе.

– Знаешь, – задумчиво сказала я. – Я тут осмотрелась и поняла, что хватило бы просто привести меня сюда. Ну чтобы убедить в том, что ты не галлюцинация и не иллюзия.

– Поздно! – развел руками эльф. – Аудиенция уже назначена, и не нам ее отменять. Но ты не бойся, я тебя защищу... если что.

– Если что... – пробормотала я. – А ты умеешь успокоить!

И шагнула к двери.

За дверью обнаружился кабинет с огромным столом из черного дерева. По бокам от него до самого потолка воздвигались массивные шкафы с документами. За стеклянными дверцами теснились кожаные папки, книги и хрустальные бутылки разных форм и размеров. И в каждом из них таилась... чернота.

Она клубилась и перетекала там, внутри, кружилась и меняла форму, оставаясь при этом абсолютно неподвижной. Чернота завораживала и приковывала взгляд, а если сосредоточиться, то становился слышен ее шепот. Шелест. Шорох. Ш-ш-шшшш...

– Добрый день, Яна, – сказали мне, и я с трудом отвела взгляд от шкафа.

Директриса – или правильнее было назвать ее директор, повторяя формулировку Сиды? – стояла у окна, сложив на груди руки, и смотрела на меня с явным интересом. Худая, с длинным носом и тонкими губами, с собранными на затылке волосами, в юбке-карандаше и строгом пиджаке, она выглядела как икона образа «строгая училка – мечта поэта». Только очков для полноты картины не хватало.

– Добрый день... или вечер, – ответила я, переступив с ноги на ногу.

Ни одного стула для посетителей в кабинете не было.

Зато под подошвами ботинок пружинил мягкий ковер с толстым ворсом.

Вот как, значит, выглядит в материальном воплощении «приглашение на ковер».

– Рада тебя видеть. – Вместо того чтобы сесть в свое кожаное кресло, директриса быстрым, плавным змеиным движением «обтекла» стол и протянула руку. – Меня зовут Элина Викторовна.

– Я... Яна. Вы и так знаете.

– Сиэннейд немного рассказал о тебе.

– Да? – я оглянулась на эльфа. Он стоял, прислонившись спиной к уже закрытой двери – и когда успел? Ни звука шагов, ни скрипа у себя за спиной я не слышала. Весь скучающий вид фиолетовоглазого говорил: «Я свое дело сделал, теперь вы уж как-нибудь сами».

– И, признаться, заинтересовал меня, – Элина Викторовна растянула губы в улыбке. От теплого выражения на ее змеином лице меня почему-то прошиб холодный пот. Задрожали колени и срочно захотелось убраться отсюда как можно дальше. Пусть даже в красную кухню со скотчем на окнах, лишь бы директриса не смотрела на меня так... так...

– И? – она наконец отвела взгляд и посмотрела на Сиду поверх моего плеча.

– Что «и»? – безразлично отозвался он.

– Ничего не хочешь объяснить?

– Нет.

– Может быть... – тихо проговорила я, надеясь, что голос не слишком заметно дрожит. – Может, все-таки кто-нибудь скажет мне, что здесь происходит?

– В данный момент – ничего, – усмехнулась директриса. Все-таки это слово с шипящим «ссс» на конце гораздо больше ей подходило. – Но...

– Забери у нее тьму. – Сид подошел ко мне и положил ладонь на плечо. Как будто защищал. – И не накручивай девушку лишний раз.

– Что же ты сам этого не сделал? – Элина Викторовна приподняла брови.

– Не хотел рисковать.

– Боялся доломать? – она быстро склонила голову набок, снова обшарила мое лицо цепким взглядом и подняла руки к груди резким движением, словно гигантский богомол. – Может, тогда к нам ее?..

– Семестр уже начался, – перебил ее эльф.

– Когда это ты стал поборником учебного плана?

– Недавно, но тебя это не касается.

– Что. Здесь. Происходит? – прошептала я, чувствуя, как слезы наворачиваются на глаза. Изнутри снова поднималась боль, в груди плескалось отчаяние, и жгучая обида, и сожаление, и...

– У тебя разбито сердце, – развела руками директриса, и я поняла, что еще немного, и я просто закричу. Как чайка-паникер. Ааааа! Жаль, что по кругу летать не получится. Далось им всем мое сердце, а? – И осколки плавают во тьме. Эту тьму можно забрать...

Она повела рукой в сторону ближайшего шкафа. Бутылки. Пузырьки. Маленькие колбы с чернотой. Может, я не случайно услышала их? Может, у меня внутри действительно что-то... похожее?

– А что я должна сделать взамен? – пробормотала я. – Отдать душу? Выполнить любое желание? Пообещать то, что дома не знаю?

– Ничего, – отрезал Сид. – Как я и говорил, мы заберем твою тьму. И тебе станет легче. Намного. Как раз настолько, чтобы начать новую жизнь на новом месте.

– И всё?

– И всё, – кивнул он.

– Не могу не предупредить тебя, Яна, что Сиэннейд немного недоговаривает. – Элина Викторовна вернулась к своему креслу и медленно опустила за стол. Сложила ладони домиком и... подмигнула.

– Недоговариваю в твоих интересах, между прочим, – тут же уточнил эльф. – Некоторых слонов лучше есть по кусочкам, а

информацию получать дозированно. Иначе можно получить заворот мозгов.

– Некоторые вещи я все же предпочла бы знать заранее, – зло ответила я. – Например, зачем ты дал мне рекомендацию квартирной хозяйки, у которой умирают жильцы?

Бэмс. Вот уж отбила мяч так отбила.

И даже не «в молоко».

Теперь Сид и Элина выглядели одинаково удивленными. Не то чтобы в этом разговоре у меня была возможность получить хоть какое-то значимое преимущество, но хотя бы насладиться видом высоко поднятых эльфийских бровей – уже приятно.

– Ты что, отправил Яну к Ивашовой? Она что, начала селить у себя студентов?

– Магистров.

– Не важно.

– Да.

– Почему я об этом не знаю?

– Потому что невозможно знать все обо всем, хоть тебе и хочется?

– То есть она действительно умерла? – вклинилась я в этот милый обмен вопросами. А что, имею право. Как минимум в течение ближайшего месяца, который оплачен вперед.

– Действительно, – как ни в чем не бывало ответила Элина Владимировна. Почему-то я думала, что они начнут отнекиваться и уходить от темы, но голос директрисы звучал так банально, как будто ее спрашивали про погоду на прошлой неделе. – Но если тебя это волнует, ни квартирная хозяйка, ни квартира не имеют к смерти девушки никакого отношения. Так что можешь спокойно там жить.

– А... что имеет отношение? – Я почему-то не могла не спросить, хотя чувство самосохранения утверждало, что диалог лучше на этом свернуть, тьму из души отдать и отправляться подобра-поздорову в новую жизнь.

– Извини, подробностей я тебе не скажу, – так же спокойно отозвалась Элина. – Вот если бы ты хотела поступить к нам...

– Она не хочет, – снова вмешался Сид.

– Не решай за нее, – зашипела директриса, и я явственно расслышала за ее словами змеиный голос, пусть даже в этой фразе не было ни одного звука «с».

Вместо того чтобы продолжать расспросы, я молча посмотрела на Сиду. Сейчас он выглядел таким же спокойным, самодовольным и значимым, как и утром в кафе, но за спиной у него как будто появилась вторая тень. Страх из ночных кошмаров, осколки из разбитого зеркала, прошлое, которое режет сильнее ножа. Призрак моих придуманных городов. Такой же, как и в записях, которые я нашла в квартире. Где-то с минуту он так же молча разглядывал меня, потом прищурился и улыбнулся, медленно растягивая губы.

– Ладно, – сказал Сид. – Я не только преподаю в нашей академии, но и работаю скаутом. Ищу талантливых абитуриентов и предлагаю им сюда поступить. По тебе сразу видно, что ты вполне могла бы учиться у нас... Поэтому Элина негодует, что я не прорекламентировал тебе наше чудесное, волшебное, невообразимое заведение.

– Ну... – я не знала, что сказать. Пожалуй, в мои планы пока не входило бросаться в очередные объятия высшей школы. Тут работу бы найти.

– А не сделал я это потому, – продолжил Сид, – что условия обучения довольно стрессовые. Тебе и так было слишком больно в последние дни... и годы. Чтобы продолжать испытывать тебя на прочность.

– У вас настолько тяжело учиться?

– Настолько, – кивнул эльф.

– Зато эффективно, – добавила Элина. – Если справишься, то жизнь твоя станет гораздо интереснее.

– А если не справишься, то жизни этой и вовсе может не быть, – мило улыбнулся ей Сид. – Насколько я понимаю, та девушка, которая снимала квартиру у Ивашовой, не сумела защитить результаты летней практики?

– Она знала, на что идет, – пожала плечами Элина. – В договоре на обучение расписаны все риски.

– Так, – я наконец решила, что с меня хватит. – Не знаю, что у вас тут за секта, но забирайте тьму, осколки сердца или чего там вам нужно, и я пошла.

– Хорошо, – Элина хрустнула пальцами и посмотрела куда-то далеко-далеко сквозь меня. – Приходи завтра в это же время, и если не передумаешь, то так и сделаем.

– Как тебе? – спросил Сид светским тоном и протянул мне бутерброд с двумя кусочками копченой колбасы, на которых красовалась увядшая веточка укропа. Типичная, эталонная еда из театрального буфета.

– Что именно? – отозвалась я, размешивая сахар пластиковой ложечкой. В чае кружился толстый кусок лимона и осколок иллюзии, который я все никак не могла оттуда выловить.

После того как мы вышли из кабинета директрисы, я поняла, что разговор был ужасно тяжелым. У меня дергался глаз, а при мысли о том, чтобы идти на вокзал, садиться на электричку и ехать куда-то в темноту, хотелось просто расплакаться. Срочно требовалось тепло и спокойствие. Только где их взять?

– Скажи, – задумчиво спросила я у эльфа. – А если кто-то захочет перенестись из этой части филармонии в другую... которая обычная? Для этого надо выйти из здания и зайти обратно?

– Нет, зачем, – удивился Сид. – Можно сделать это в любом месте. Только лучше, чтобы свидетелей не было. А что? Решила, что все-таки хочешь послушать оперу?

– Нет, – я невольно улыбнулась. – В детстве тетя любила водить меня в театр, а потом падала в обморок, когда на вопрос «Что тебе там понравилось?» я отвечала «Буфет!».

– Понял, – отозвался эльф, подхватил меня под руку, ускорил шаг, а потом резко рванул вбок – так, что меня занесло на повороте – и толкнул неприметную дверь подсобки. Мир вокруг пошел волнами, я растерянно моргнула, и мы оказались в широком коридоре с красной ковровой дорожкой. Как будто кто-то сменил мне линзы в невидимых очках. Цвета стали ярче, линии четче, исчезли лишние тени и отражения.

– Ух ты, – я оглянулась, но позади был обычный коридор. Ни следа той двери, через которую мы только что прошли.

– Антракт вот-вот начнется, но если поспешим, то успеем до очереди, – сказал Сид. – Я угощаю.

И мы действительно успели, а еще заняли маленький круглый столик у окна – так что теперь я могла спокойно получать бутербродное удовольствие и одновременно любоваться на город.

– Э-эй? Как тебе? – повторил Сид.

– А, что? – отозвалась я, сделав глоток чая и чувствуя, как мелкая противная дрожь где-то под ложечкой наконец отступает. – Что именно? Бутерброды? Филармония?

– Элина, конечно, – усмехнулся эльф.

– Не знаю, – я прикусила губу. – Ты говорил вроде, что все станет понятнее... Только теперь наоборот, я чувствую себя совсем по-дурацки.

– Почему?

– Потому что вы говорили об очевидных для вас вещах, ничего не объясняя. Как будто я предмет мебели!

– Нет, – нахмурился Сид. – Никто не считает тебя мебелью. Даже наоборот. Ты показала Элине... очень важной. И она наговорила такого, чего люди обычно от нее не слышат.

– Раскрыла тайны следствия? «Студенты умирают, а руководство вуза бездействует!» Свежие новости, во всех газетах города, так?

Сид поморщился:

– Мне жаль, что тебя это коснулось. Именно поэтому я не советую тебе идти к нам учиться.

– А я и не собиралась.

– Вот и отлично. Тогда завтра встречаемся в это же время, и все будет так, как я обещал.

– Без всяких подвохов? – прищурилась я.

– Без всяких, – кивнул эльф. – Вот увидишь, сразу станет лучше.

– Да куда уж лучше, – медленно и неискренне улыбнулась я. – Новые города, необычные переживания, удивительная архитектура. Последнюю неделю мир только и дарит мне впечатления. Экстремальный тур: «Всё включено», где «всё» – это действительно всё. Я вот только надеюсь, что там, в квартире, нет воющего по ночам призрака. А то многовато веселья на отдельно взятую меня.

– Могу проводить, – заявил Сид.

И вправду проводил: вызвал такси, доехал со мной до Дивногорска, заглянул в квартиру, сообщил, что все чисто, и тут же ушел.

И на что я вообще надеялась?..

Закрыв за эльфом дверь, я села на пол прямо в прихожей и долго истерически смеялась. То ли над собой, то ли над ситуацией в целом... не знаю. Просто так.

Проснулась я уже после полудня.

Организм решил отоспаться за все предыдущие ночи, когда я летела, плакала, волновалась и в целом занималась делами, которые не слишком сочетаются с отдыхом. Казалось, я только разделась и устроилась на диване, который неожиданно оказался удобным и очень уютным, решительно отогнала от себя мысль, что совсем недавно здесь спала... нет-нет, подумаю об этом завтра! И – хоп! – за окном уже яркое солнце, желудок сводит от голода, во дворе орут воробьи. Я прищурилась, потянулась и привычно подумала, что кто-то проспал будильник на телефоне...

Стоп.

Нового телефона у меня до сих пор не было.

Тогда что это звенело с утра?

Фантомное воспоминание о необходимости подниматься в девять?

Так. Если бы я была телефоном, то...

Я свесилась с дивана и привычным движением запустила руку туда, куда по закону подлости падают все вещи, накануне заботливо уложенные на соседнюю тумбочку. В поддиванную темноту. И даже почти не удивилась, вытащив наружу простенький кнопочный phillips, из тех, которые могут по месяцу без подзарядки жить. Вот он и... жил. В то время, как его хозяйка – уже нет.

Взяв телефон двумя пальцами, как скользкую опасную жабу, я отнесла его на кухню и устроила на подоконнике. А потом начала решительно сдирать с окна скотч, так, словно это было наиважнейшим занятием в мире.

Просто мне срочно надо было понять.

Смогу я здесь оставаться?

Или надо искать новое место для жилья?

Потому что красный скотч, как ни удивительно, нервировал больше всего.

Даже больше, чем знание о...

Когда я оторвала последнюю полоску, солнце ослепительно блеснуло в стеклах странным серебристо-сиреневым лучом, я зажмурилась, отвернулась, а когда открыла глаза, то на мгновение провалилась в тот самый искаженный, сдвинутый мир, что и вчера в филармонии. В нем разбросанные по всей кухне листы с записями

выглядели удивительно органично, в их хаосе прослеживалась явная структура, и с первого взгляда становилось понятно, где лежат самые главные расчеты, а где черновики, на которые можно не обращать внимания. Я шагнула вперед и вытащила из раковины один из чертежей, особенно похожих на мои сны, перевернула и увидела, как на сероватой бумаге проступают буквы. В отличие от записей, которые я пыталась разобрать накануне, тут повествование было абсолютно понятным.

Я прочитала одну фразу, вторую... и тут реальность снова сдвинулась, и меня выкинуло обратно в обычный мир, где на подоконнике лежал гигантский комок скотча, а рядом с ним жужжал чужой телефон. Я подошла и осторожно посмотрела на крошечный черно-белый экран. Звонила некая Арина.

«Арина, – только что прочитала я. – Если ты это читаешь, значит я не послушала твоего совета. Прости, пожалуйста, но я не могла не попытаться. Но мне не хотелось бы, чтобы наши зелья и формулы пропали зря, поэтому вот как их найти...»

Я поднесла телефон к уху и сказала:

– Привет. Только это не...

– Привет, – перебили меня. – Я тоже не Арина. Но ты только не клади трубку, ладно?

Встретились мы через три часа, в уже знакомой мне пиццерии. Как раз хватило времени, чтобы постоять под горячим душем, прислонившись затылком к кафельной стенке, и подумать, не совершаю ли я величайшую глупость. А еще сгрести все листы с кухни в большой пакет и аккуратно засунуть в рюкзак – поместились тютелька в тютельку. И, конечно, вытащить гигантский комок скотча во двор и торжественно опустить его в мусорный бак.

На встречу я пришла раньше, чем мы договорились. Почти на час. Почему-то показалось очень важным не только назначить ее в знакомом месте, но и «обжить» сначала. Чтобы хоть какие-то вещи в этом мире оставались... хмм, изученными, вот. А то в последние пару дней мне то и дело казалось, что все мои знания о действительности летят под откос, а отдельные их кусочки и вовсе разбиваются, как подвески огромной хрустальной люстры. И мне не хотелось, совсем не хотелось знать, что будет, когда вся эта громада рухнет и брызнет во

все стороны искорками-осколками. А значит, нужно находить отдельные крючки, чтобы удерживать ее на месте.

Островки спокойствия, во.

Ровно в шестнадцать ноль-ноль колокольчик над дверью кафе звякнул, я подняла глаза и поняла, что пришли по мою душу. На первый взгляд ничего необычного: три девушки в неброской удобной одежде: джинсы, свитера, куртки. У одной рюкзак, у другой под мышкой тубус – они выглядели как студентки, забежавшие в кафе перехватить по чашке кофе и куску пиццы между парами. Но у всех троих на левом плече был пришит серебристый шеврон с черной-пречерной склянкой, ботинки у них, если присмотреться, были совсем не для города, а для горного туризма – с массивным протектором, грязные и заслуженные, и еще... Тут я наклонилась над чашкой и беззвучно проговорила: «Креститься надо, когда кажется. Или меньше эльфов разглядывать». Потому что на мгновение мне привиделась темная тень, которая скользнула следом за девушками с улицы, и тут же кофе остыл, музыка в колонках защелкала, а кто-то – наверно, особенно чувствительный – закашлялся в дальнем углу.

– Привет-привет-привет, – они опознали меня сразу, даже не понадобилось махать рукой. Подошли прямиком к столику и синхронно уселись на стулья, которые я уже пару раз доблестно не отдавала другим гостям – под предлогом того, что скоро придут подруги. И вот, пришли.

– Привет. – Я вытащила из рюкзака пакет и протянула через стол той, которая говорила со мной по телефону. Узнала по голосу. Коротко стриженная, с серебристо-серыми волосами, с длинной худой шеей, вздернутым носом и глазами навывкате, она напоминала милого мультяшного мышонка. Единственное: милые мышата вряд ли звонят незнакомцам и просят их привезти на встречу документы своих мертвых кураторов. – Всё, что нашла.

– Спасибо! – она так порывисто выхватила у меня из рук пачку листов и прижала их к сердцу, как будто это была по меньшей мере живая вода. Или философский камень. Смотря что там изучают в их странном универе.

– А вот на этом с обратной стороны написано, как искать спрятанные рецепты, – я вытащила из кармана лист, текст с которого

получилось прочитать... Ну почти. Не до конца. – Я увидела кусок фразы, а потом буквы пропали. Но подумала, что вам он тоже нужен.

– Очень, – выдохнула девица слева, и тут я поняла, что остальные двое – близнецы, только выглядели они как иллюстрация для рекламы «вот это – человек в идеальном мире, а вот это – в суровой реальности». Обе зеленоглазые, с длинными черными волосами и светлой кожей, но та, что по левую руку, как Белоснежка из сказки, фарфорово-изысканная, а та, что по правую, – с дергающимся глазом и краешком рта, с широким шрамом через бровь, покусанными губами, красными веками и помятым лицом. – Слушай, на самом деле это... это...

– Да ты просто спасла нам жизнь, – припечатала ее сестра. Голоса у них оказались абсолютно одинаковые. – Если вдруг понадобится помощь...

– Говори, угу, – снова заговорила «мышка». – Кстати, я Даша, – и протянула мне руку с красивыми длинными пальцами, сплошь покрытыми пятнами и ожогами. – А это Мия и Лия.

– Если заплатите за мою пиццу и кофе, этого уже будет достаточно, – я улыбнулась. И продолжила, просто чтобы поддержать разговор: – А у вас же сейчас практика, да?

– Угу. На Столбах, – ответила Даша, и все трое синхронно повернули головы к окну, туда, где мелкий дождь рисовал на стекле дорожки.

– Круто... – протянула я, не зная, то ли восхищаться тем, что студентов отправляют в такую красоту на природу, то ли возмущаться, что их гонят туда в осеннюю слякотную погоду.

– А ты учиться к нам или преподавать? – спросила хорошенькая Мия, и мой только что обретенный призрак довольства и спокойствия развеялся как дым. – И кто тебя привел? Фейри?

– Куда привел? В квартиру?

– Не, в иней. – Мия жадно оглянулась на официанта, который принес заказ – огромную пиццу и большой чайник, – и, стоило ему отойти, тут же набросилась на еду, как путник из голодного края. Тем самым дав мне время подумать. Неприлично вроде как отвечать на вопрос вопросом, когда твой собеседник, урча и причмокивая, уничтожает пепперони и сырный соус. Хотя у Мии даже урчать получалось на редкость мило и изящно. Бывают же такие люди. В

любой ситуации: в поездке, в спешке, в больнице, в деревне – они выглядят всегда идеально, как с фотографии в модном журнале. Прическа волосок к волоску, одежда не топорщится, соус по щекам не размазывается... Сравнивая себя с ними, в хорошем настроении думаешь о несправедливости бытия, а в плохом хочется порой удузиться. Вот как у них получается так выглядеть, а?

– Прости, – осторожно сказала я через минуту. В конце концов, я, кажется, только что сделала доброе дело, притащив сюда бумаги погибшей студентки. Так что кредит доверия на глупые вопросы у меня должен был быть. – Не очень понимаю, о чем ты. При чем здесь иней? И фейри? Это какой-то сленг?

Близняшки быстро переглянулись, а Даша пристально посмотрела на меня через стол, подозрительно прищурившись:

– То есть ты не подписывала договор?

– Нет. Какой договор?

– Так, – она судорожно одернула рукава. – Тогда, наверно, нам стоит уйти. Мы очень спешим, и...

– Стоп. Тут что-то не так, – перебила ее Лия. – Если бы она была не из наших, то не прочитала бы слова, написанные тьмой...

– Пожалуйста. – Я обхватила чашку с остывшим кофе так крепко, что пальцы побелели. – Хоть вы поговорите со мной нормально. Я же вам помогла, и...

– С нас голову снимут, – хмуро ответила Даша.

Но я все равно продолжала:

– А то и Сид, и Элина разговаривают так, как будто играют. Кошки с мышкой. Слова вроде все русские, а общая картинка не складывается.

В тот момент, когда я упомянула Элину, девушки ощутимо расслабились. Выдохнули. Исчезло ощущение, что они сейчас вскочат с места и убегут.

– Элина Владимировна? – на всякий случай уточнила Даша. – Директриса?

– Она самая.

– Ну тогда... наверно, ничего страшного, если мы поговорим. – Даша взяла со стола несколько зубочисток и принялась строить из них маленький колодец. – Она тебе про универ рассказывала... в целом?

– Сказала, что там учат полезным вещам. Интересным. А еще по ходу дела можно... хм, стрессануть. Или даже умереть. Хотя это уже Сид добавил.

– Сид – это кто?

– Высокий такой. Черноволосый, – тут я зависла, пытаюсь подобрать слова, чтобы описать человеческими словами нечеловеческую внешность. Потому что получалось слишком банально. Не так. – О! И у него глаза фиолетовые. И... любит зеркала.

– А, Сиэннейд, – кивнула Даша. Точно, так же его называла директриса, но это нездешнее имя тут же вылетело у меня из головы, как только мы вышли из филармонии. И только теперь вспомнилось. – Значит, фейри.

То ли спросила.

То ли уточнила.

– Видимо, да, – я пожала плечами. Понятнее ситуация от этого знания не стала. Эльфы, фейри, чудесный народ... Хотя вон, я сама его в уме звала эльфом, пока имя не узнала. Так что логично.

– Мию и Лию тоже нашел фейри, – улыбнулась Даша. – Даэнлин. А меня – кворка.

– А может, это она нас проверяет, – задумчиво протянула Лия. Все это время она задумчиво возила вилкой по тарелке и вместо того, чтобы есть, отщипывала от пиццы кусочки корочки и выкладывала их полукругом. – Слишком как-то... легко все складывается, не кажется вам?

– Кто проверяет? – не поняла я.

– Ты. Или Элина. Или ты по ее заданию. Или...

– Так, – я не выдержала. – Знаете что. Меня бросил парень, отвалилась работа, денег почти нет, прошлая жизнь в жопе, какая-то чертовщина творится, и еще я заехала в квартиру, а там неделю назад умерла девушка, а теперь вы говорите, что я тут вас проверяю! Да если я что-то и проверяю, то свою крышу на прочность!

– Все логично в этой истории, – сочувственно кивнула Даша. – Кроме того, почему ты не поступила к нам на курс. Потому что... – она на секунду замерла, закусив губу. Лицо ее перекосилось, подбородок задрожал, и по щеке побежала слезинка. – Потому что мы все здесь такие. Понимаешь?

– Не понимаю, – ответила я. А потом подумала секунду... и зачем-то добавила: – Но очень хочу понять.

– ...Потом я такая возвращаюсь из больницы, а мои вещи в прихожей стоят. В четырех коробках. Больших, правда. – Даша посмотрела на колодец из зубочисток, который в процессе рассказа вырос сантиметров на пятнадцать, оскалилась и щелкнула по нему пальцем. – И, понимаешь, я спокойненько так вызвала грузовое такси, отвезла все это к маме, там еще чай попила... с зефиркой. Потом надела любимую куртку и пошла. Куда-то, не знаю куда, просто думала: «Интересно, когда город закончится, я остановлюсь или буду дальше идти, пока не упаду?» А потом врезалась в столб.

Она показала себе на лоб:

– Видишь, шрам остался? Как у Гарри Поттера, – усмехнулась. – А когда искры из глаз сыпаться перестали, я подумала, что свихнулась, потому что рядом... – она художественно поводила руками по воздуху. – Ну, в общем, когда... если кворку увидишь, то поймешь, как я охренела.

– И дальше что? – осторожно спросила я, умолчав о том, что от услышанного тоже немного охренела. Или не немного. В каком-нибудь другом мире, с розовыми единорогами и вселенской справедливостью, таких историй и вовсе не должно было быть. О том, как муж заразил жену болезнью, которую подхватил от любовницы. А когда у жены из-за нее случился выкидыш, просто выставил ее из дома. Как ущербную. Не оправдавшую его надежд, вот.

– Дальше у жизни появился хоть какой-то смысл, – Даша пожалала плечами. – Мне-то казалось, что он исчез и никогда больше не появится. Но видишь...

– ...Видишь ли, учеба здесь – даже с опасными перспективами – оказалась для нас гораздо лучше серой рваной тряпки, в которую превратилось прошлое, – припечатала Лия. Лия, которой вечером накануне свадьбы жених написал, что уходит от нее к сетевой знакомой, потому что «ты что думала, незаменимая? вовсе нет!», а брошенная невеста не стала отменять запланированное путешествие на горнолыжный курорт, поехала одна, «удачно» спустилась по черной трассе и почти год провела в коме. – Одних бросили. Других подставили. Третьих разорили. И всех – предали. Ты лежишь и

думаешь, где эта чертова справедливость? И тут оказывается, что она... есть. Ну, в такой вот извращенной форме.

– Видеть то, что не видят другие, – кивнула Мия, которая буквально вытащила сестру с того света, когда даже родители уже отчаялись. Сидела с ней днями и ночами. – Ходить по тропам, которые простым людям неизвестны. А главное... Не варить внутри себя всю эту злость. А тратить ее... на всякое.

– На что?

– Не скажу. Главное правило бойцовского клуба – не говорить о бойцовском клубе. Главное правило академии «Черный иней» – не посвящать в учебу посторонних.

– Интересно... – пробормотала я. И молча додумала. Интересно, почему Сид не позвал меня учиться? Я ведь и вправду была похожа на них. Почему им сразу предложили поступить... А мне – нет?

– В любом случае спасибо тебе еще раз. Огромное, – Даша положила на стол деньги. Тут хватало и на то, чтобы оплатить счет, и еще пара тысяч сверху оставалась. – Нам бежать пора, а то... Все и так фигово. Лейла и Арина были нашими кураторами, но даже с их помощью тяжело было.

– Потому что все группы по четверо, а нас – трое. Недобор на курсе.

– А уж когда они умерли... – Даша махнула рукой. – Но теперь хотя бы сможем найти их тайник с зельями.

– И спишем расчеты по практике.

– И список литературы.

– Чао!

Они разом встали и, прежде чем я успела ответить «Пока», улепетнули к дверям.

Я же медленно допила уже совсем холодный кофе, попросила счет, вышла на улицу и решительно зашагала к филармонии. Хотя до назначенного времени оставалось еще больше получаса, я поняла, что хочу кое-что проверить.

Я поняла, что у меня получилось, когда завернула за угол коридора и увидела на подоконнике горшок с каланхоэ. Потому что в нормальном мире ни один каланхоэ в здравом уме и трезвой памяти – или что там у растений в голове – не стал бы расти по диагонали из

куска агатовой друзы. И держаться за собственное отражение в оконном стекле у него тоже не вышло бы. Так что я все же ухитрилась сама выйти в это странное изломанное измерение. Без помощи Сида.

Помогли мне в этом... города. Я быстро шагала, опустив глаза и не глядя по сторонам, пытаюсь представить, что иду по собственноручно нарисованному коридору, в странном доме странного города, придуманного мной. Проводила в уме линии, разворачивала проекции, подвешивала на потолок вместо люстр хрустальных пауков, а возле входа в филармонию, который уже давно остался позади, представила двух мантикор. Их скорпионьи хвосты очень подходили сейчас к моему настроению.

Меня бросало то в жар, то в холод, как будто в крови разливалась отравка. Мне хотелось... то ли новой судьбы, то ли нового мира для жизни, то ли... Я прищурилась, вспоминая Сида. Его насмешливый и самодовольный взгляд, высокие скулы и то, как он обнимал меня при первой встрече. Его зазеркальную инаковость, его заботу и то, что он буквально поймал меня за руку на самом краю. На краю отчаяния. Не представляла – и даже представлять себе не хотела, – что бы я делала тут, прилетев в Красноярск без него.

Никогда не узнала бы про «Черный иней».

Вот это уж точно.

Дверь в кабинет директрисы как будто сама нашла меня, стоило подумать, что я готова к разговору. Я даже не успела подумать о том, как сложно будет ее отыскать, и вот же она. Минут пять я стояла на пороге, то поднимая сжатый кулак, то опуская, не решаясь постучать. Мне никогда не нравились кабинеты начальства. Никогда не нравились разговоры не по протоколу. Но время шло, скоро здесь должен был появиться Сид, а я боялась, что игру в намеки против двух противников проиграю. Так что нужно пользоваться случаем, пока Элина одна.

– Заходи, – сказала она мне, не поднимая взгляда от бумаг на столе. Теперь в кабинете было кресло для посетителей, большое, кожаное, блестящее, и еще огромный диван, и даже пара пуфиков, чтобы устраивать на них уставшие ноги. Но я дошла до центра ковра и застыла там, как накануне. – Решила?

– Пока нет. Я хотела спросить... Почему Сид не сказал мне сразу, что я могу учиться у вас?

– Почему бы тебе не спросить его самого? – Элина Владимировна покачала головой из стороны в сторону завораживающим змеиным движением. – Здесь и сейчас... то есть иногда он мой подчиненный, но конечное решение о том, звать будущего студента или нет, принимает он сам.

– Но вы же сами сказали мне...

– Мне показалось, что тебе это по плечу, – Элина улыбнулась. – Обычно я знакомлюсь с нашими учениками в день подписания договора. С тобой получилось чуть иначе. И то, что я тебе сказала... Считай это персональным приглашением.

– Зачем это вам?

– Думаю, так будет лучше.

– Кому?

Выражение лица у директрисы не изменилось, но я поняла, что задала правильный вопрос. Лучше будет точно не мне. Возможно, ей. Или академии в целом. Или Сиду...

– Всем, – сказала она. После крохотной паузы.

– Хорошо, – я опустила глаза и посмотрела на узор ковра, который перетекал и переливался, медленно меняясь прямо под ногами. Это слегка сводило с ума. – А если вы заберете у меня черноту из души и я уйду... То смогу потом передумать и вернуться?

– Нет, конечно, – Элина щелкнула по столу длинным ногтем, а потом провела черту, будто отсекая меня от себя. – Более того. Ты чисто физически больше не сможешь проникать в этот срез реальности. Он закроется для тебя навсегда. Через пару недель ты будешь считать все это... дурным сном. Но так ведь безопасней и спокойней жить, верно? – она усмехнулась и откинулась на спинку стула.

– Вас... – я хотела спросить, «вас и Сида», но почему-то осеклась в последний момент. – Вас я тоже буду считать дурным сном?

– Лично об этом позабочусь, – кивнула она. – Сиэннейда, кстати, ты тоже вряд ли когда-нибудь еще увидишь.

– Понятно, – ответила я и медленно выдохнула. Сердце стукнуло один раз. Второй. Третий. Кажется, так отмеряют время в особенно ответственные моменты в фильмах? Никогда не думала, что сама буду считать – «четыре... пять...» – понимая, что у меня осталось совсем

мало времени, совсем чуть-чуть, чтобы решить... Что? Задачу, всех условий которой я не знаю?

Почувствовав еле уловимое движение воздуха за спиной, я оглянулась и увидела в дверях фиолетовоглазого. Он вопросительно поднял бровь и посмотрел сначала на директрису, потом на меня. Мол, о чем это вы тут без меня разговариваете, а?

– Проходи, – сказала Элина.

И, глядя на то, как Сид улыбается мне, подходя все ближе и ближе, я сорвалась. Все-таки упала за край. Может, мне надоело держать себя в руках и сдерживаться. Не, не, не... Не перечить, не выпускать эмоции наружу, не надеяться ни на что. Может, хотелось почувствовать себя «живой»... как тем самым людям, что используют для этого адреналиновые хобби. Может... В чем-то я пока не готова была признаться даже самой себе.

– Ну что? – спросил Сид. – Убираем тьму – и по домам?

– Подожди, – я виновато улыбнулась. – А можно мне сначала почитать договор... на учебу?

Глава 5. Палатки и пирожки

Не знаю, чего я ожидала.

Свитка с сияющими буквами, который надо было подписывать кровью?

Белых-белых фраз на черном-черном пергаменте?

Висящего в воздухе призрачного послания, клубящегося дымом?

Нет, нет и еще раз нет. На стол передо мной лег лист с распечатанным текстом и чуть кривыми полями, как будто стопку бумаги криво засунули в принтер и забыли поправить.

Да и содержание было под стать форме.

Вместо грозящего всеми карами ада свода драконовских ограничений и установок я читала довольно скучный, стандартный текст в духе правил противопожарной безопасности. От текстов подобного рода уже к началу второго абзаца скулы начинают сводить от желания зевнуть и внимание концентрируется на чем угодно, кроме смысла. Поэтому все обычно пропускают спрятанные в конце сюрпризы, вроде «в случае, если в результате неосторожных действий студента он получает травму, в том числе несовместимую с жизнью, образовательное учреждение не несет за это ответственности» или «за пределами университета запрещено распространяться о подробностях учебного плана и прочих официальных, регламентирующих программу документов». Однако для меня эти пункты не стали сюрпризом, поэтому шокированной я себя не чувствовала.

Гораздо большей неожиданностью стало выражение лица Сида. Я думала, что он будет огорчен или разочарован, разозлится или будет пытаться меня отговорить... Даже мгновенно придумала пару импровизированных отговорок. Однако эльф сморщился, как будто откусил от слишком кислого яблока, отошел в сторону, прислонился спиной к шкафу с черными склянками и принялся задумчиво смотреть в потолок.

Как будто тут не было ни меня, ни Элины...

В какой-то момент директриса вздернула подбородок и натурально зашипела на Сида:

– Не вздумай проваливаться... нашел место!

– Не драматизируй, – отозвался он безжизненным голосом, – уж и посмотреть нельзя!

Но после этого непонятого обмена любезностями взглянул наконец на меня и поинтересовался:

– Ну, как условия?

– Да вроде понятно все... Только я хотела спросить, что значит «все время находится под наблюдением»? Под камерами? Или...

– Иногда – под камерами. А еще любой человек, с которым ты взаимодействуешь, может оказаться сотрудником академии, – с готовностью отозвалась Элина. – Вспоминай об этом почаще.

– Но зачем? Вы хотите запугать студентов?

– Я хочу, чтобы они держали себя в руках. – Элина встала, обошла стол, остановилась и медленно сцепила ладони у меня перед лицом. – Потому что совсем скоро после начала обучения вы получаете инструменты, которыми еще не умеете пользоваться. А соблазн велик. Это как если бы каждому юному хирургу с синдромом сороки-любительницы блестящего на первом курсе выдавали набор новеньких скальпелей. Без запрета ими пользоваться везде и всегда. Но нельзя же допустить, чтобы он бегал с ними по городу в поисках тел для операции, верно?

– Ну так не давайте скальпели... – протянула я.

– Разница между вами и врачами в том, – ответила Элина, и снова слух резануло «вы» – так, будто я уже подписала бумаги, – что инструменты от «Черного инея» нематериальны. Если ты их получила, то отдать не получится.

– Что это, например?

– Например, ты сама пришла сюда, потому что знаешь про этот срез реальности. Использовала знание, применила, проникла в мой кабинет. Так?

– Д... да...

– А если бы ты попробовала сделать это среди обычных людей и в таком месте, где сходится карта нескольких срезов, то кто-то мог бы покалечиться из-за пространственных провалов. Но, положим, тебе хватило бы ума этого не делать, потому что на базовом логическом уровне ты понимаешь, что лишних свидетелей быть не должно.

– Конечно! – я возмущенно посмотрела на Элину. Она что, считает, что я дитя малое и неразумное?

– Угу. Только, помимо логики, существуют закономерности, которых ты не знаешь. Поэтому легче совсем ограничить тебя – и ты потом поймешь почему, только курсе на четвертом...

– Если доживешь.

– Сизэннейд, а я уже было подумала, что ты заснул, – Элина обернулась к эльфу. – А то как же мы без твоих комментариев?

– Вы же как-то без них все заранее решили, – Сид показательно зевнул, фактически в лицо директрисе. – Так что, может, хватит ломать комедию? Пусть Яна подписывает бумаги, и я провожу ее в лагерь.

– Какой лагерь? – Даже не знаю, что меня больше возмутило. То, что он опять заговорил обо мне в третьем лице, или необходимость с полуоборота отпраиваться «туда, не знаю куда».

– Для прохождения осенней практики, – ответила Элина. – Там как раз осталось одно свободное место. Для тебя.

Без сомнений в голосе. Как будто я уже подписала договор.

Когда мы вышли из филармонии, над городом висел туман, и желтое зарево вокруг фонарей плыло и переливалось. Из-за этого Красноярск казался каким-то сказочным, ненастоящим, хлопнешь в ладоши – и он исчезнет... А что тогда останется?

Я покосилась на Сиду, который стоял, заложив руки за спину. На лице его ничего не читалось, ни радости, ни сожаления. Как будто он отстранился от моей судьбы полностью, едва я поставила подпись на бумаге.

– Ты... обиделся? – я наконец решилась спросить.

Он покачал головой, не глядя на меня:

– На что мне обижаться?

– Ты же говорил, что не надо тут учиться.

– Говорил. Но ты решила иначе.

– Она... Элина сказала, что если бы я не осталась тут учиться, то мы бы... – я закусила губу. Что, так прямо и сказать? «Мы бы никогда не увиделись больше»? А если Сид в ответ спросит: «И что?» Я тогда просто под землю провалюсь. От отвращения к себе. У него-то небось... Почему-то раньше я об этом не думала, а теперь подумала. У него же десятки этих студентов, которых он привел в академию, и среди них наверняка есть девушки. Почему я вообще подумала, что он

как-то особенно ко мне относится? Может, у него стиль общения с женщинами такой. Помноженный на самомнение.

К тому же эльф не стал развивать тему. Просто пожал плечами.

И я замолчала.

Через минуту он все-таки соизволил посмотреть на меня и внезапно сообщил:

– Теперь тебе нужна овсянка.

– Что-о?

– Овсянка. К ней и поедем.

– Спасибо, я не голодна. Даже если это лучшая в округе каша, до которой семь верст, и все лесом.

– Скажи, а ты, когда в самолет садилась, совсем не подготовилась? – он улыбнулся и снова стал прежним Сидом, который пришел ко мне из зеркала и спас от скуки. Ух как спас! – Учебник географии не читала, записи блогеров не изучала, контурные карты не заполняла?

Я прыснула в кулак:

– А надо было?

– Тогда бы ты знала, что Овсянка – это не только каша, но и деревня, – он наставительно поднял палец. – Там, между прочим, жил Астафьев. И немало других знаменитых людей.

– Вау... – только и сказала я.

И мы поехали в Овсянку.

Черным осенним вечером она выглядела как обычная деревня, темная, неприветливая, правда, с большой мемориальной доской на въезде. Я выбралась из такси под морозящий дождь и застыла на краю лужи, чувствуя себя ужасно глупо. С рюкзаком, в который помещалась вся жизнь, то есть мой рабочий ноутбук и чужой телефон, а еще пара носков с пингвинами и блокнот с лисичкой на обложке. В толстовке на две футболки – для тепла – и в любимых, пусть и слегка размахрившихся по краю джинсах. Свежеиспеченная студентка, ну. Почему-то с каждой минутой все сильнее накрывало ощущение, что это все дурацкий розыгрыш, и, подписав договор, я расписалась в собственной наивности и вере в сказки. Сид обошел меня, поднялся на крыльцо ближайшего деревянного домика с темными окнами и зазвенел ключами. Потом обернулся:

– Заходи. Сейчас выдам тебе пакет первокурсника, и пойдём.

не розыгрыш.

Я буду учиться менять реальность в волшебной академии.

Меня отправляют в лагерь на практику.

Вау!

Тут как раз вернулся Сид с небольшой стопкой книг и большим рюкзаком.

– Ноутбук, который у тебя с собой, можешь взять, конечно, но интернета там не будет, и электричества тоже... не особо. Поэтому я бы советовал его оставить тут на хранение.

– Не будет? А мои уроки? Еще одна ученица осталась же, а я ее не предупреди...

– Как раз сейчас она пишет тебе сообщение, что отказывается от занятий. Родители и друзья в ближайшее время тоже тебя не побеспокоят.

– Эй! Мы так не договаривались, – я шагнула назад, швырнув носки на стол – как будто они вдруг обернулись ядовитой змеей. – Что это за вычеркивание меня из жизни? Как в фантастических фильмах и книгах, где человека стирают...

– Скажи еще спасибо, что я не позвал тебя в круг фей на пять минуток, – Сид склонил голову и медленно улыбнулся. Лицо его неуловимо изменилось, и зубы показались острыми-преострыми, треугольными, а глаза полыхнули пламенем.

– С... спасибо, – я поежилась. – Потанцевать пять минут, вернуться к людям через пять лет. А можно как-то без этого?

Он показательно возвел глаза к потолку:

– Яна! Ты же подписала договор с академией! Ты можешь спросить все что угодно про учебную программу. И – ты не поверишь – я отвечу!

– Так ответь.

– Практика закончится в начале зимы, и в следующую курацию у тебя уже будет нормальный доступ к интернету. Такой ответ тебя устроит?

– Наверно, – я пожала плечами. – Понимаешь, я толком даже не знаю, какой ответ меня устроит, потому что не знаю, что спрашивать. Глаза разбегаются. Все такое вкусное.

– Ладно, – он потер висок и поморщился. Как будто теперь у него болела голова... Моя, кстати, чувствовала себя просто отлично.

Непривычно хорошо. – Я подожду снаружи. Вон там свободные ящики для хранения. Оставляй то, что тебе не понадобится, забирай ключи, собирай рюкзак, и пойдем.

– Пешком?

– Да. Мы здесь не пользуемся машинами при заброске в лагерь. Стык реальностей нестабильный, и сторожа еще нервные.

– А... куда?

– В сам парк. Нужно будет дойти до первого Столба, и там я передам тебя преподавателям.

– На ночь глядя? Но... я думала, что смогу в квартире переночевать, и только завтра...

– Нет, – отрезал Сид. – Они и так слишком долго тебя ждали.

Когда мы начали подниматься по грунтовой дороге к заповеднику, больше всего меня удивил лес. Он... говорил. Капли дождя падали на листья, кроны деревьев вздыхали, ветви скрипели, кто-то то и дело шумел в жухлой осенней траве. Я почему-то ожидала тишины и темноты, а тут...

– Ой! – мазнув лучом фонарика в сторону куста, где что-то громко зашебуршило, я обнаружила неведому зверушку. С блестящими глазами, маленькими круглыми ушками и полосатой шкуркой. – Кто это?

– Бурундук, – засмеялся Сид, обошел меня и протянул зверьку орех. Откуда он его взял, интересно? – Ты никогда их не видела?

– Нет. – А ведь и вправду, раньше бурундуки встречались мне только на картинках. Почему-то их не было в тех зоопарках, куда мне доводилось ходить...

– Они тут совсем непуганые, – эльф осторожно почесал зверьку за ухом. Тот фыркнул, поудобнее перехватил орех и скрылся в темноте. – Если заберешься на Столб с семечками или орехами, то сможешь почувствовать себя персонажем класса друид.

– То есть посадить травинку, а вырастить – дерево?

– То есть приманить всех окрестных синичек и хвостатых попрошаек. Хотя... – тут голос Сида неуловимо изменился. В нем зазвучал металл, и скрытая злость, и напряжение. – Хотя нечего тебе рисковать лишний раз. И так будет масса поводов, чтобы свернуть шею.

– Я... – С этим аргументом мне ужасно хотелось поспорить, но я не могла подобрать правильных слов. Поэтому дальше просто угрюмо шагала вперед, стараясь обходить особенно крупные лужи. Минут через пятнадцать мы прошли киоски на входе в официально-туристическую часть заповедника. Сейчас они стояли темные, мокрые, суровые, будто нахохлившись. Послышался оклик:

– Кто здесь?

Справа заметался луч фонарика, но Сид шикнул, взял меня за руку и уверенно продолжил идти вперед, не отвечая и даже не думая прятаться.

– Он что... действительно нас не увидел? – спросила я беззвучно, едва пошевелив губами, когда сторож успокоился.

– Действительно, – ответил эльф. – Ты ведь не сомневаешься в том, что я способен отвести глаза какому-то человеку?

– Не сомневаюсь, – тихо ответила я. Формулировка «какому-то человеку» прозвучала... не то чтобы обидно. Просто больно царапнула. Наверно, я тоже для него простой, слишком обычный человек. Какой-нибудь.

От этих мыслей меня отвлекло... дерево. Оно росло рядом с площадкой для отдыха – пара деревянных скамеек, столик и место под очаг. Я даже не сразу поняла, что не так. А потом, когда ломтик луны спрятался за тучу, разглядела. Дерево светилось. Не отражая лучи наших фонариков, а само по себе. Как будто в ветвях его прятались светлячки – но какие светлячки в Сибири в ноябре? Я потянула было Сиду за рукав, собираясь спросить, что это за чудо, как тут ствол дерева дрогнул, оно зашевелилось и шагнуло нам навстречу.

Я задохнулась от удивления.

Это оказалась женщина – сухая, морщинистая, в серо-коричневой одежде, с распущенными волнистыми волосами, блестящими в свете луны, словно проволока. Глаза ее горели зелеными огоньками, а на плечах – одно выше другого – сидели две сонные птички. Одна из них выпростала голову из-под крыла и испытующе посмотрела на меня, громко и саркастически цвиркнув, а вторая потопталась с ноги на ногу и показательно повернулась хвостом.

– Света звезд тебе, – Сид шагнул к женщине и приобнял ее за плечи.

Она засмеялась, оттолкнула его и в шутку погрозила пальцем.

– Не настолько я тебе рада, – голос у женщины был мягкий, глубокий, очень спокойный. От него веяло ночной тьмой и тысячелетней мудростью.

– Ты только посмотри, кого я привел.

– А вот тебя здесь очень не хватало, – в отличие от директрисы, незнакомка не стала играть в «поговорим о ней в третьем лице, все равно ничего не поймет». – Я Фаина. Руководитель практики на первом курсе.

– Яна, – я протянула ей руку. Ладонь у Фаины была сухая, горячая и твердая. Как будто вырезанная из нагретого солнцем дерева.

– Спасибо, Сиэннейд, – женщина потянула меня за собой, не выпуская руку. – Дальше мы сами.

– Я все равно зайду. Через недельку. Или две.

– До зимы, – невпопад ответила ему Фаина. И мне почему-то стало очень холодно.

Сид шутливо поклонился мне, отступил на шаг и... исчез. Будто его и не было. Вот только что стоял рядом, и через мгновение – пропал, только в луже на краю дороги тонут сиреневые искры. Я даже попрощаться не успела.

– Фейри, – покачала головой Фаина. – Всегда приходят и уходят, когда им вздумается.

– Как-то это... невежливо, что ли, – пробормотала я. А еще просто обидно.

– Не надо его мерить людскими мерками – тогда и обидно не будет, – Фаина положила мне руку на плечо. Почему-то от этого сразу стало тепло и спокойно, как будто из ее ладони текло умиротворение. – Тебе еще встретятся нечеловеческие сущности, и лучше сразу не думать, что они желают зла. Если ведут себя не так, как ты от них ожидаешь.

– Постараюсь... – кивнула я. – А... куда мы дальше?

– Вон туда, – Фаина обернулась и посмотрела в глубь заповедника, туда, где под луной серебрилась узкая тропинка, а дальше – темнота. – Идем? Сегодня на ужин пирожки, как раз успеваем.

Эти самые «пирожки» прозвучали настолько внезапно – по-домашнему и мило – в мокром ночном лесу, что я хихикнула.

– Ты же не думала, что я веду тебя в суровый палаточный лагерь, где кормят разогретой тушенкой и разваренными макаронами?

– Если честно, то думала.

– Значит, я тебя приятно удивлю.

И дальше мы шагали молча. Я слушала шепот леса, луна катилась по небу, то и дело ныряя в облака, а в ветвях над головой кто-то свистел и пощелкивал. В какой-то момент одна из птиц на плечах Фаины встрепенулась и возмущенно запищала, явно в ответ. И потом еще долго переругивалась с невидимым собеседником в кронах деревьев.

– Как их зовут? – спросила я, собираясь добавить «ваших птиц», но Фаина, кажется, читала мысли.

– Тинь и Линь. Одна – мизантроп, вторая – интроверт. Так что, если будут на тебя цвиркать, не обращай внимания. Это не от нелюбви, а из общей вредности характера.

– Хорошо, – сказала я, и тут мы резко затормозили перед огромными скалами. В темноте казалось, что они торчат до самого неба.

– Это Перья, – сказала Фаина. – Тут не бывает случайных туристов, потому что без снаряжения наверх не забраться.

– Понятно, – ответила я, хотя пока ничего не было понятно.

– Именно поэтому у нас здесь переход. Сюда никто не лезет в измененном состоянии сознания, или в рассеянности, или не привязанный вниманием к действительности здесь и сейчас. Поэтому у людей нет шанса заметить соседний срез и случайно перескочить на него.

– Перескочить? – я всматривалась в камни, пытаюсь заметить что-то вроде входа в пещеру или той черной лестницы возле филармонии.

– Да, – Фаина взяла меня за руку. – Нам наверх.

– Но... Я не умею, и вообще никогда не...

– Умешь. Если бы не умела, тебя бы здесь сегодня просто не было.

Она поставила ногу на скалу.

– Сделай вот так.

Я решила не спорить. Ладно, высоко я точно не заберусь, и, если что, падать на землю, усыпанную сосновыми ветками, будет не так больно.

– Проверь, что подошва надежно держится на камне.

Я поерзала ботинком.

– Вроде... да.

– Обопрись о нее всем весом, и...

И тут Фаина изо всех сил дернула меня за руку, вперед и вверх, так, что пришлось оторвать вторую ногу от земли. Мир вокруг крутанулся, словно кубик, и я поняла, что мы стоим на скале, как на ровной поверхности, а земля за спиной выглядит, словно огромная стена, уходящая в никуда.

– Вау, – только и смогла сказать я, а Тинь – или Линь? – наставительно ответила мне: «Ц-ц-ц!»

Лагерь был похож на те самые стоянки археологов, о которых я обожала читать с детства. Ряды огромных палаток, теплый огонь факелов, пламя которых трепетало на ветру, голоса, запах вкусной еды... не хватало только групп увлеченных исследователей то тут, то там, которые обсуждали бы найденные за день сокровища. В проходах между палатками было пусто.

– Все уже поужинали и разошлись по местам. – Нет, Фаина точно читала мысли. Настолько быстро она отвечала на все незаданные вопросы. – Как лучше поступим? Сначала поешь или хочешь устроиться на новом месте?

– Поем, – я сглотнула. Кажется, что пицца в кафе была давным-давно, пару жизней назад. – Вы что-то говорили про пирожки?

– Да. – Фаина свернула в узкий проход между брезентовыми стенами, поманила меня за собой, я полезла следом, поднырнула куда-то вниз... И чуть не свалилась, споткнувшись перед длинным приземистым столом.

Мы оказались в огромном темном зале с колоннами из стволов деревьев. Над головами все ярче разгорались светлячки, еще кто-то там в вышине ухал и шелестел, а по дорожке между столами к нам спешил... Карлсон. Натуральный Карлсон, который живет на крыше, – именно так я всегда его себе и представляла! Толстый, пухлощекий, невообразимо самодовольный, с маленькими глазами-пуговками и оттопыренной губой! Правда, одет он был почему-то в темный комбинезон с жилеткой. А где же штаны на лямках и пропеллер за

спиной? Я поймала себя на том, что тянусь встать на цыпочки, чтобы заглянуть Карлсону через плечо, когда он заговорил:

– Добрый вечер.

– Здравствуй, Федя, – Фаина улыбнулась. – Я нам новую студентку привела.

– Голодную? – всплеснул руками Карлсон... то есть Федя... и сочувственно посмотрел на меня из-под светлых лохматых бровей.

– Наверняка. Принеси нам, пожалуйста, пирожки и чайник с таежным сбором. А место за столом и прочую бюрократию на завтра оставим.

– Понял! – Федя круто развернулся и поспешил за пирожками. Я вздохнула. Пропеллера у него на спине, конечно, не было. А жаль.

Через пару минут я уже сидела за низким столом на скамейке, накрытой мягким стеганым ковриком, и уплетала за обе щеки. Пирожки были крошечные, на один укус, румяные и обалденно вкусные. С яйцом и луком, с капустой и грибами, с мясом, с белой рыбой и рисом... Уфф. Я с трудом заставила себя остановиться, чтобы самой не превратиться в кругленького Карлсона, которого придется катить до места, потому что идти он просто не сможет. Потянулась за кружкой с душистым чаем. Он пах шишками, и ягодами, и медом, и еще чем-то невообразимым – ночным, темным, прячущимся в переплетении ветвей.

Фаина сидела напротив и наблюдала за мной. Улыбка ее была похожа на прячущуюся за облаками луну в ветреный день: выражение лица, казалось, не менялось, но оно выглядело то серьезным, то веселым. И не поймешь, какое на самом деле.

– Ужин по расписанию в семь, – сказала она, когда я отставила чашку в сторону. – Но потом до ночи можешь приходить сюда, Федя всегда подкормит. Или чаю даст.

– Хорошо.

– А ко мне со всякими бытовыми вопросами. Или просто если поговорить захочется.

– Скажите, а... – я замаялась, не решаясь произнести то, что так и просилось на язык. Но зачем говорить вслух, если твоя собеседница все же читает мысли. Фаина засмеялась.

– Номинально я человек. Но в роду у меня были и дриады, и лесные ведьмы, так что частично ты права.

– Вы читаете мысли?

– Не совсем. Я чувствую твои эмоции, и я приводила сюда десятки студентов, так что точно знаю, какие вопросы тебя мучают. Но это ничего-ничего. Скоро их станет гораздо больше.

В палатке, дорогу к которой показала Фаина, было уютно.

Четыре кровати, длинный книжный шкаф вдоль одной из стен, тумбочки с лампами-прищепками, похожими на маленьких журавликов. В центре за столом, придвинувшись как можно ближе друг к другу, сидели Даша, Лия и Мия. Они разом обернулись, когда я вошла, и смотрели, растерянно моргая – как будто я их разбудила. Но ведь... это же не так?

– Привет, – я спустила рюкзак с плеча. – Я... к вам, короче.

– Теперь вам полегче будет, девчата, – Фаина шагнула следом за мной, быстро осмотрелась по сторонам и кивнула: – Дождались.

Даша медленно провела ладонью по лицу, потом тряхнула головой.

– Опять не спали? – нахмурилась Фаина. – Расписание для кого?

– Для нас, для нас, – Даша наконец улыбнулась. – Привет, Ян. Располагайся.

– Покажете ей все с утра?

– Да-да... – забормотала Даша и принялась раскачиваться на стуле, туда-обратно, нетерпеливо глядя на Фаину.

Та вздохнула и махнула рукой:

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – сказала я ей в спину, а когда снова посмотрела на девочек, то они уже снова сидели ко мне спиной, сдвинув головы, шептались и шелестели бумагой.

– А...

– Ян, незастеленная кровать твоя. Белье в тумбочке. – Я не поняла, кто это сказал, Лия или Мия. – Сейчас не обращай внимания. Спи. Завтра. Все завтра.

– Туалет и души от выхода направо, первый перекресток.

– И не отвлекай.

– Хорошо, – я пожала плечами. Лампочка под потолком чуть слышно жужжала и пощелкивала, вокруг нее кружил и бился большой мотылек.

Завтра так завтра.

Я сходила умыться, вернулась и застелила кровать хрустящей сиреневой простыней, от которой пахло лавандой. Взбила подушку. Вытащила вещи из рюкзака и уместила их все в тумбочку. Расшнуровала ботинки, выпуталась из куртки и штанов, переоделась в длинную ночную футболку и теплые носки. Посмотрела в сторону стола.

Соседки все так же шептались и писали, писали, писали... не обращая на меня внимания. На секунду мне показалось, что это вообще иллюзия. Что они ушли на самом деле куда-то далеко, оставив вместо себя три манекена, которые делают вид, что они люди. А на самом деле – нет. Нестерпимо захотелось подкрасться поближе и ткнуть кого-нибудь пальцем, чтобы проверить, настоящий это человек или нет... И я даже поднялась с кровати и сделала два шага к ним, а потом вспомнила, как дрожали пальцы у Даши, когда она забирала у меня записи мертвого куратора. И как звучал ее голос в телефонной трубке. С ужасом и надеждой. Вернулась обратно, легла и накрылась одеялом с головой, оставив узкую щель, сквозь которую пробивался свет, шепот и шелест.

Я еще успела подумать, что заснуть у меня точно не получится.

И почти тут же провалилась в сон.

Глава 6. Веревки и время

К тому моменту, когда я проснулась, открыла глаза, зевнула и уселась на кровати, в палатке почти ничего не поменялось. Только из маленьких окошек, забранных прозрачной сеткой, лился серый утренний свет. Но лампочка под потолком все так же горела, все так же сидели за столом девчонки, а на полу лежало что-то маленькое, черное. Подобравшись поближе, я протянула руку и подняла за обгоревшее крыло мертвого мотылька. Тут свет мигнул: раз, другой, я вздернула голову и увидела, как мои соседки за столом то появляются, то исчезают. Или так сработал эффект стробоскопа? Я прищурилась, потерла висок привычным движением... и тут лампочка взорвалась.

– Ой! – пискнула я.

– Ух ты! – отозвалась Даша. Она обернулась и смотрела на меня внимательным взглядом. Совсем не так, как накануне вечером.

– Доброе утро, – Лия выбралась из-за стола и принялась раскачиваться в разные стороны, подняв руки над головой. Кажется, ей было очень больно, потому что она то и дело кривила лицо и кусала губы. – Черт, у меня там палка вместо позвоночника!

– А у меня болт в глазу, – сообщила Мия. – И баралгин кончился еще вчера. Или... – Посмотрела на меня. – Давно ты тут?

– Вообще-то со вчерашнего вечера. – Я медленно встала, продолжая держать несчастного мотылька. – А где тут у вас... у нас мусорное ведро?

– Ура! – просияла Даша так, как будто я только что сделала ей долгожданный подарок на день рождения. – Ян, ты лучшая новость этого утра!

– Почему?

– Потому что приехала вчера.

– И?... – тут меня посетило то же самое ощущение, что в кабинете у Элины. Как будто надо мной тонко издеваются, выдавая минимум информации.

– Значит, мы правильно покروили время. – Мия раскачивалась на стуле туда-сюда, прижав ладони к глазам. – И состыковали кусочки.

– И у нас есть шанс сдать практику, – Даша подошла и положила мне руку на плечо. Ее ладонь мелко дрожала и была ужасно, неестественно холодной. – Извини. Мы и вправду очень рады, что ты тут. Просто сейчас... немножко не в себе. Давай умоемся, позавтракаем, и если останется время перед занятиями, то я тебе в двух словах все объясню. Хорошо?

– Хорошо, – кивнула я. Зачем-то положила мотылька обратно на пол и пошла переодеваться.

Воду в душе давали теплую, очереди не было. Да что там: людей вокруг в принципе не было. Мне даже на мгновение показалось, что все эти палатки и дорожки между ними – просто декорация, а актеров еще не завезли, и мы с девочками одни в лагере.

Однако это ощущение развеялось, когда мы пришли в столовую. За столами сидело точно больше десятка человек. Все – уткнувшись в тарелки, совсем не глядя по сторонам и сосредоточенно жуя.

– Наверно, ты будешь с нами, – пробормотала Даша и тут же ухитрилась буквально поймать за локоть пробегающего мимо Федю. – Яна же с нами сидит, да?

– Да-да, – отозвался тот, стряхнул ее руку и унесся прочь.

Мы отправились за дальний стол, сели, и я обнаружила перед собой изящную фарфоровую тарелку и тоненькие столовые приборы, кажется, из серебра. Совсем неуместные для лагеря в лесу. Тут же рядом нарисовался тяжело нагруженный Федя с корзинкой свежее испеченных душистых слоек и булочек, с куском ледяного сливочного масла, а еще с чайником и кофейником... я подумала было, как он все это ухитрится держать, а потом поняла, что чай с лимоном и медом с утра гораздо интереснее, чем пространные размышления. Пусть даже это важные размышления о не до конца объяснимых вещах.

А через пару минут передо мной опустили тарелку с яичницей, с помидором, зеленью и кусочком горячего черного хлеба, и моя внутренняя материальная сущность окончательно взяла верх над умозрительной. Все согласно пирамиде Маслоу.

Времени на пару слов-объяснений перед занятием у нас, кстати, так и не нашлось. Слишком уж хорош был завтрак.

Нас собрали на большой поляне, в центре которой из земли торчал большой мегалит. Если внимательно его разглядывать, то через

несколько секунд начинала противно кружиться голова, поэтому я рассматривала остальных студентов. Еще четыре группы – помимо нашей – в почти одинаковых куртках и шапках. Почти все явно не выспавшиеся, зевающие, с синяками под глазами, ужасно уставшие. Я даже на секунду почувствовала себя неловко: ученики – все, кроме меня – были вымотаны так, как будто их весь предыдущий месяц гоняли хлыстом по полосе препятствий. А потом внутренний голос ехидно шепнул:

«И теперь они убежали далеко вперед, а тебе их догнать. Не сдохнешь?»

У голоса, кстати, были узнаваемые интонации Сида, так что я разозлилась на раз-два. Мало того что ушел, ни здрасте, ни до свидания, так еще и оставил мне свои неприятнейшие сомнения в моей пригодности к здешней учебе. В чем бы она ни заключалась.

– Доброе утро!

Все дернулись, разом оборачиваясь к центру поляны. Теперь там стоял, небрежно привалившись к камню, блондин в серебристой рубашке с подвернутыми рукавами, в потертых джинсах и модных дымчатых очках. В руках у него был айпад, в одном из ушей – массивная сережка, заметная даже издали. Кеды, длинная челка и бритый затылок довершали образ столичного хипстера, неизвестно, как и зачем возникшего тут, в сибирском лесу.

– Здравствуй, Яна, – он посмотрел мне в лицо и улыбнулся. – Приятно познакомиться. Меня зовут Дэн. Сегодня я дам тебе отдельное задание, но с завтрашнего дня придется включиться в общую работу.

– Хорошо, – я вежливо улыбнулась в ответ. И добавила: – Спасибо.

Слева от меня кто-то хрюкнул, будто сдерживая смех. Я повернула голову и увидела, что низенький парень с веснушками во все лицо смотрит на меня с ужасом, зажав рот. А потом он резко наклонился, и его вырвало.

– Кирилл-Кирилл, – промурлыкал Дэн. – Ну что же вы. Снова не держите себя в руках.

– Я... держу, – прохрипел Кирилл, все еще не разгибаясь. Его поддерживали с двух сторон товарищи, глядя на меня... с сочувствием? ужасом? Да что случилось-то?

Дэн вытащил из кармана рубашки стилус и застрочил что-то на планшете. Потом поднял глаза:

– Сегодня просто. Все, кроме Яны, идите ко Второму столбу. Подойдите с той стороны, где написано «Свобода». Сегодняшнего времени у вас до семи вечера. Сделайте так, чтобы надпись исчезла или поменялась.

– Изначально? – спросила Даша.

Дэн щелкнул пальцами:

– Хороший вопрос. Только потому, что вы его задали, давайте так: в течение пятнадцати лет от написания. Подходит?

– Как будто если мы скажем «не подходит», это что-то изменит, – прошептала Мия.

– Удачи! – Лия махнула мне рукой, и все заспешили прочь. Кроме меня и загадочного Дэна, который почему-то не мерз в одной рубашке на пронизывающем ветру.

Он сунул планшет под мышку, быстро подошел, вращая между пальцами большую монету, а потом без предупреждения кинул мне ее в лицо. Я только успела возмущенно подумать «вот дурак!», почувствовала удар по скуле, моргнула... и очутилась на остановке возле аэропорта.

– Обвинять внешние обстоятельства – это так по-нашему, – насмешливо сказал Дэн, опуская руку, а я вдруг с ужасом поняла, что девушка в двух шагах от нас, которая начала поворачивать голову на его голос, это же... это...

«Обвинять внешние обстоятельства – это так по-нашему», – сказал кто-то, будто прочитав мои мысли. Я открыла было рот, чтобы возразить...

Стоп. Это уже было.

Я смотрела на собственный профиль, совсем близко – только руку протяни и сможешь кончика носа коснуться, – на выбившийся из прически локон, на сгорбленные плечи – сверху как будто лежала бетонная плита. Еще бы, после нескольких часов напрасного ожидания и неопределенности. И знала, что через мгновение я обернусь... и что тогда будет?

Тогда я увидела двух мальчишек, которые смотрели видео на телефоне. Ничего необычного. Если бы мне привиделся собственный

двойник или Дэн, я бы точно этого не забыла.

Или...

Я – та «я», из прошлого – начала поворачивать голову.

Фантастические фильмы и книги утверждали, что через мгновение может произойти все что угодно. От коллапса вселенной до расщепления реальности. От обморока у Яны, которая увидела двойника, до аннигиляции меня как личности, если я попаду в дурную временную петлю.

«Беги! – в голос завопила интуиция. – Беги, идиотка!»

Мир как будто замер, сузился до асфальтового «пятачка» на остановке под фонарем, на котором одновременно были я... и я и с которого нужно было срочно исчезнуть. Но как это сделать? Тут в поле зрения проявился Дэн, он стоял чуть в стороне, привалившись к стеклянному боку остановки, и насмешливо на меня смотрел. Как на букашку под микроскопом. Как на белую мышь на столе вивисектора.

Разом нахлынувший ужас был таким сильным, что едва не сбил меня навзничь на асфальт. Ноги стали ватными, руки задрожали, воздух в легких словно замерз и превратился в битое стекло. Захотелось закрыть глаза и просто подождать, чем все закончится. Ведь не может же все закончиться пло...

Может.

И тогда от меня даже красного скотча на окне съемной квартиры не останется.

Потому что я его весь сорвала.

Что делать?

Что. Черт. Побери. Делать.

У меня закружилась голова, и я тут же панически, каким-то шестым чувством ухватила за это ощущение.

Мегалит! На поляне стоял мегалит! Я смотрела на него, и у меня кружилась голова, и...

Я зажмурилась, до боли сжала кулаки и представила себе этот камень.

Все выступы, сколы и края, все царапины, которые успела запомнить, как рядом с ним возник Дэн, и снова – подножие мегалита, и все это через нарастающее головокружение и тошноту. Ощущение было таким, как будто я пытаюсь всматриваться в крошечный знак на дне горной речки, хочу увидеть его сквозь пену и потоки воды, потому

что от этого зависит моя жизнь, ибо воздуха вокруг и внутри меня нет, его совсем не осталось, только вот эта зацепка, только эта мысль, лишь бы она оказалась правильной, лишь...

– Bravo, – я услышала, как кто-то размеренно хлопает в ладоши. Раз, другой, третий.

И открыла глаза.

Я стояла на коленях, на краю поляны, на траве. Глаза резало от света, как будто я болела гриппом и просидела несколько дней в темной комнате с занавешенными окнами. Из носа текло. Я опустила взгляд и увидела, как на траве одна за другой появляются алые пятнышки.

– А ты ничего, – Дэн подошел ко мне, присел рядом на корточки и протянул носовой платок. Отвратительно белый, чистый, накрахмаленный. – Панике не поддаешься. В отключке не валяешься. Может, и вы... выйдем толк из всего этого.

Я взяла у него платок и прижала к носу.

Моргнула, пытаюсь вернуть четкость зрения.

Мир вокруг предательски продолжал расплываться.

– А что ты хотел сказать вначале? «Может, и выживешь»? – я попробовала улыбнуться, но, кажется, не особенно получилось.

– И чувство юмора у тебя тоже есть. – Дэн протянул руку и помог встать. – Нет смысла держать тебя здесь. Сейчас вызову Фаину, отведет тебя в лагерь. Отлежись, поспи, поешь. Наберись сил – завтра понадобятся.

– Для чего?

– Для того, чтобы идти по программе вместе с остальными. Как мы уже с тобой проверили, практическую часть ты потянешь. Теорию доберешь по ходу дела. А когда на пространство переключимся, уже догонять не придется.

– На пространство, – беззвучно повторила я и закусил губу.

Хотелось то ли истерически смеяться, то ли рыдать. И я все никак не могла определиться, что больше подходит для ситуации.

– Ц-ц-ц, – говорила Тинь и огорченно мотала головой. Мол, что за студент нынче негодный пошел. Совсем ожиданий не оправдывает. – Ц-ц-ц.

И презрительно смотрела на мои дрожащие пальцы, которые никак не желали лежать на столе неподвижно.

Крепкий душистый чай с сахаром казался совсем безвкусным, а бутерброд с маслом просто не шел в рот. Я попробовала несколько раз откусить от него, но потом оставила напрасные попытки. В горло мне, казалось, напихали мятой бумаги и клубок того самого использованного скотча. Я то и дело начинала задыхаться, вспоминая, как оказалась в прошлом. И – главное – как на меня смотрел Дэн. Ничего человеческого в его взгляде не было. Потому что невозможно с таким любопытством наблюдать за тем, кто может в любую секунду погибнуть. За тем, кого ты сам привел в это время и место.

– Зачем? – прошептала я.

– Что именно «зачем»? – Фаина сидела рядом. Гладила перышки Линь, смотрела на меня сочувственно, но не лезла с утешениями и вопросами, пока я сама не заговорила.

– Зачем он... Дэн... так?

– Как так? – Фаина пожала плечами. – Жестоко?

– Да.

– Ты не обязательно умерла бы.

– Да неужели? – наконец сквозь чувство усталости и безысходности у меня пробилось что-то еще. Злость. – Он не предупредил меня, что...

– Ты не читала условия договора?

– Мне от этого не легче. – Я сделала еще одну попытку откусить от бутерброда. Нет. Бесполезно. – Понимаете, одно дело – буквы на бумаге. Или слова. Другое дело – чувствовать все... вот это. И главное, я все-таки не понимаю зачем.

Фаина вопросительно подняла бровь:

– Нас вроде как обещали учить алхимии. Работать со своими чувствами. С внутренним миром. А тут...

– Ян, – Фаина протянула ко мне руку и осторожно погладила по плечу. – Как же ты собираешься работать с внутренним миром, если сначала не научилась работать с внешним? Ну хотя бы с его очевидными осями координат?

– Что?

– С пространством и временем. С обстоятельствами.

Я потрясла головой, пытаюсь уместить туда и как-то упорядочить услышанное. Потому что мыслительное усилие не помогало. Просто не получалось сделать... это самое усилие. Никак.

– Просто... Ну, психологи говорят же всегда. Начните с себя, другого человека не изменишь, обстоятельства непреодолимы, измените свое к ним отношение, и вот тогда...

– Пффф, – Фаина презрительно фыркнула. – Вот те, кого этот бред устраивает, довольствуются помощью психологов. А те, кого не устраивает, рано или поздно приходят к нам. Начни с себя – но только для того, чтобы потом изменить мир. Да, это сложно, для некоторых невозможно, но если ты закончишь академию... – тут Фаина улыбнулась, и я осознала, что дриады и лесной ведьмы в этой милой, теплой женщине гораздо больше, чем мне казалось раньше. Гораздо.

– Я, наверно, пойду в палатку. Полежу, – тихо, почти шепотом сказала я.

– Правильно. Отдохни, – Фаина кивнула, щелкнула пальцами, и птички взлетели ей на плечи. – И с девочками поговори. Они уже через это проходили.

– Угу, – сказала я, встала и медленно пошла прочь. В голове крутилась фраза умершей Лейлы: «Прости, пожалуйста, но я не могла не попытаться». Неужели я иду по тому же пути? Решила... попытаться. А ведь Сид предупреждал, но я его не послушалась. Зря? Или все же не зря?

Зайдя в палатку, я вздрогнула.

Навстречу мне с пола поднялся и заметался перед лицом живой мотылек. С абсолютно целыми крыльями.

Когда девочки вернулись, уже стемнело, а я сидела за столом, не зажигая свет. Опустив подбородок на сцепленные пальцы, смотрела в пустоту. То ли путешествие в прошлое не отпускало, то ли нервы совсем сдали, но перед глазами то и дело вспыхивали яркие искры, распускались в полупрозрачные сияющие цветы и медленно гасли. Мыслей в голове почти не было, сознание бездумно шаталось – три шага вперед, три шага назад. Туда и обратно. Туда и обратно. Едва же я пыталась сконцентрироваться и задуматься о происходящем, как память услужливо подбрасывала тот холодный вечер.

На остановке возле аэропорта.

Ветер в лицо.

Замерзшие колени.

Злость.

Я раз за разом, раз за разом прокручивала воспоминания, силясь понять, какое из них правильное?

Я никого тогда не видела?

То есть себя – не видела? Точно?

Или все же видела, но специально забыла?

Я чувствовала, как начинаю сходить с ума, поэтому усилием воли запрещала себе вспоминать. И снова смотрела на опадающие лепестки призрачных цветов, порожденных собственным воображением на пустой стене палатки. Когда-то они все погаснут. И это мучение закончится. Правда?

– Эй, ты жива?

Когда они включили свет, я не вздрогнула, не пошевелилась, не обернулась. Просто продолжала сидеть и смотреть... как будто немного со стороны.

– Эй? – Даша подошла и потрясла меня за плечо. – Яна?

– Вроде как жива... – я потянулась к плечу, чтобы убрать ее ладонь, и неожиданно для себя самой изо всех сил вцепилась в холодные пальцы. Как будто это могло удержать меня на поверхности нормальности... хотя бы какой-то, кажущейся нормальности.

– Ну ты чего, – пробормотала Даша, обняла меня и прижала к себе. От нее пахло прелой листвой, дождем и – едва уловимо – костром. Походный, лесной запах. До боли обычный, до закушенной до крови губы, до соленого вкуса на языке, вот бы все это оказалось дурным сном, вот бы... – Эй!

Даша встряхнула меня изо всех сил.

Так, что все мысли разом взлетели, а потом шлепнулись вниз.

Жаль, что не разбились, а снова начали наполнять голову...

– Эй! – Даша и Мия вздернули меня на ноги и вытащили из-за стола. – Все хорошо!

– Мы здесь!

– Давай пить чай...

– Все расскажешь.

– Если захочешь.

– Или мы?

– Вы? Что вы? – я почувствовала, как морок потихоньку отпускает.

– Мы расскажем, как стирали надпись со Столба.

– Там перед революцией написали «Свобода».

– Двое парней забрались...

– Ночью, после нелегальной сходки...

– И потом ее стереть не могли...

– Почему-то.

– Почему? – то ли мне и вправду было любопытно, то ли решила спросить из вежливости... В любом случае это значило, что я прихожу в себя.

– Потому что это мы оригинал убрали.

– А потом заново написали.

– Несмываемой краской.

– И немного магией.

– Кирилл умеет...

– Кирилл? – я наконец почувствовала, что могу сама стоять относительно прямо. Осторожно переступила с ноги на ногу. Мир благосклонно не стал раскачиваться и заваливаться набок. Вот спасибо ему. – А почему его...

– Стошнило? – хором спросили Лия и Мия. – Он трус! И ему страшно...

– ...до тошноты, – Даша погладила меня по спине.

– Я думала, трусы сюда не поступают?

– Нет, конечно, – Мия подмигнула, и я шестым чувством заранее поняла, что мне не понравится продолжение. – Просто все тут быстро ими становятся.

– Кстати, про страхи, – я неожиданно поняла, что прямо сейчас, на месте, готова умереть от голода. – Как вы думаете, Федя даст мне пирожок? Или бутербродик? Ну, если очень попросить.

– Не мне, а нам, – наставительно протянула Даша, и мы отправились за пирожками.

– Ужин через полчаса! – укоризненно сообщил Федя, однако выдал нам корзинку с булочками, поднос с чашками и чайником и махнул рукой куда-то в угол столовой. Мол, что с вами поделаешь.

Мысль о внеочередном перекусе после трудного дня пришла в голову не только нам. Один из столов уже был занят. Рядом с большой пузатой бутылкой грейпфрутового лимонада лежал наполовину распотрошенный пакет с чипсами, а на скамьях вокруг сидели четверо парней. Издали они были похожи на компанию унылых сгорбившихся воронов на жердочках, потому что забрались на сиденье с ногами, обхватили колени и нахохлились, встопорщив несуществующие перья. То один, то другой протягивал руку к столу, осторожно вытаскивал из пакета одну чипсину, а остальные следили за этим движением настороженными взглядами. Было в них что-то странно-неправильное, и мне почему-то захотелось усесться как можно дальше.

Однако Даша с корзинкой булочек направилась напрямик к ним.

– Отпускает? – сочувственно спросила она, устраиваясь за соседним столом.

Парни синхронно подняли глаза, мазнули взглядами по ней и уставились на меня. Тут я поняла, что один из них – тот самый Кирилл. Который трус.

– О, – сказал он и удивленно улыбнулся. Как будто не ожидал меня увидеть. То ли увидеть здесь. То ли сегодня. То ли вообще. – Здорово, что вас теперь четверо.

– Больше шансов, – кивнула Мия, разливая чай. – Вы-то как?

В ответ Кирилл молча поднял пустой стакан и сделал вид, что выливает из него воду.

– Понятно, – пожала плечами Лия.

– А мне не понятно, – после пережитого путешествия в прошлое меня особенно взбесила эта игра в намеки и умолчания. Вроде я теперь такая же, как они. Но за полноценного собеседника не считаюсь. Очень «приятно», угу. – Мы, кстати, толком не познакомились. Яна.

Самый большой из парней, широкоплечий, со встрепанными вихрами возле ушей, которые превращали его в рисунок Иванушки, иллюстрацию из какой-нибудь сказки, улыбнулся мне во весь рот:

– Я Саша. Но все они меня называют Санечка...

– Это милейшая Фаина начала. Нежно полюбила его, взяла под крыло и опекает с самого начала, – усмехнулся горбоносый «гопник» с гладко выбритым черепом. Выглядел он точь-в-точь как серьезные пацанчики из рабочих районов. Не хватало только штанов с двумя

полосками. Так что его манера речи особенно контрастировала с внешним видом. – Я Витя. А вот он – Миша.

Сосредоточенно жуящий чипсы худой очкарик кивнул и поднял руку, демонстрируя мне вулканский салют^[6].

– Кирилл, – тихо пробормотал трус, продолжающий смотреть на меня во все глаза. – Хочешь чипсов? Со вкусом краба.

– И со вкусом победы, – подхватил Санечка. – Ты такая целая и не потрепанная, что аж завидно.

Пока я думала, стоит обрадоваться тому, что мне завидуют, или возмутиться, рядом снова появился Федя со стопкой тарелок и принялся ловко накрывать на стол. Блестящие вилки и ножи на аккуратно сложенных салфетках, белоснежный фарфор, большая хрустальная ваза с яблоками и сливами... помню, такая же стояла в серванте у моей бабушки, и в ней жили конфеты, «Ласточка» и «Золотая маска», и стоило посмотреть на них, как прошлое подступало совсем близко...

– Эй! – Даша постучала меня по плечу кончиком пальца. словно птичка клюнула. Тык-тык-тык. – Это называется «проваливаться». Не увлекайся.

– Проваливаться?

– Да. После работы с прошлым начинаешь проваливаться – в воспоминания. А после попытки заглянуть в будущее – улетать. В мечты и планы. Если слишком сильно увлечешься, то можно не очнуться.

– Об этом побочном эффекте меня никто не предупреждал, – буркнула я, устраиваясь за столом.

– Лейла, кстати, улетела, – деловито заметил «гопник» Витя, с видом истинного аристократа расправляя на коленях большую шелковую салфетку. – Которая ваш куратор. То есть их. Ты ее не застала.

– Слегка, – пробормотала я, опуская голову и глядя на отражение лампы в блестящей тарелке. Есть мне расхотелось. Абсолютно.

– Что?

– Слегка, говорю, застала, – зло ответила я, не поворачиваясь. – К мудрости ее приобщилась, так сказать.

– Лейла не сдала практику первого курса, – очень тихо сказала Лия, пододвигаясь ко мне поближе. – Но ей дали шанс. Взяли

куратором для начинашек. Ее и Арину. Они нам все это рассказывали... Ну, то, что мы тебе говорим. Поддерживали. Объясняли. А фейри в плату за это дали им возможность читать книги из холмов.

– Книги?

– В наших учебниках все просто написано, но никаких исключений, редких случаев, парадоксов. Либо на практике сам набиваешь шишки, либо... – она виновато пожала плечами. – Но если добраться до нужных текстов, то там такое...

– Такое, – повторила я, вспоминая, как читала записи Лейлы. Как будто бродила по придуманному городу с парой лишних измерений за пазухой.

– Она была уверена, что написала курсовую в будущем. Потому что раскопала нужные книги. Говорила, что нашла способ заглядывать в правильную ветку реальности.

Я просто кивнула в ответ. Сил поддакивать или расспрашивать у меня не осталось. Ветки реальности. Слышали такое, а?

– Ну и улетела, – Лия фыркнула. То ли сочувственно, то ли осуждающе. – Арина, наверно, пыталась ее догнать, но тоже...

– Зато она оставила упрощенные формулы перемещения и трансформации, – прошипела Даша, наклонившись ко мне через стол. Пока я возила вилкой по пустой тарелке, она успела положить себе и съесть две котлеты с пюре и построить между нами очередной колодец из зубочисток. – Нам их до середины года хватит. В теории.

– Осталось на практике не свихнуться.

– Защиту от дурака она тоже написала.

– Мы вчера проверили, – поддакнула Мия.

– Что проверили? – Кирилл, оказалось, тоже не ел. Вместо этого к чужим разговорам прислушивался, какой молодец.

– Ничего, – отрезала Даша и резко встала из-за стола. – Ничего!

Развернулась и бросилась бежать между столами. К выходу из столовой. В темноту, где шуршал дождь и пахло прелой листвой.

– Чего ты не ешь? – шепнула мне Лия. – Надо. Понимаешь, да?

– Понимаю. Но не все, – ответила я и потянулась к блюду с котлетами. Кто знает, что будет завтра. А попадать в жернова пространственно-временного континуума и жалеть при этом об

упущенных гастрономических возможностях мне не хотелось. Чем меньше поводов для сожалений, тем лучше. Правда ведь?..

Когда мы с близняшками вернулись в палатку, Даши там не было.

– Может... – начала я было говорить, отчетливо при этом понимая, что меньше всего хочу сейчас идти куда-то в дождливый вечер и искать – кого, кстати? просто соседку? одногруппницу? почти подругу? сестру по несчастью? кого? Но Мия покачала головой:

– Не стоит.

И я не стала спорить. Приняла правила игры. Им виднее.

Присела рядом с тумбочкой в изголовье своей кровати и вытащила оттуда одну из книг, которые дал с собой Сид. Тогда они показались мне не важными... ну учебники и учебники. Теперь же, после разговора за ужином, мне не терпелось прочитать... как там сказала Лия? «Просто написано», вот. Поглядим на это самое «просто».

На обложке не было ни названия, ни автора, только логотип со скляночками и пробирками. Мол, внутри вас ждет химия.

– Алхимия, – прошептала я, открывая учебник на первом попавшемся месте, и не ошиблась.

На широких полях змеились формулы с коэффициентами, скобками и примечаниями. Ни одно из обозначений веществ не было мне знакомо, и вовсе не потому, что в школе на уроках химии кто-то играл с соседом по парте в го и смотрел на доску вполглаза. Просто таких веществ мы точно не учили.

А на основной части страницы красовались цитаты. Вчитавшись, я поняла, что некоторые из них взяты, похоже, из исторических хроник, а другие – из художественных произведений... Про ненависть к ведьмам и способы борьбы с ними. Меня хватило ровно на две страницы, после чего я громко захлопнула учебник. И очень медленно, осторожно выдохнула, пытаясь прогнать липкий страх напололам с омерзением, который словно просочился мне за шиворот и в рукава, и теперь холодил кожу.

– Оно все, такое... гадкое? – спросила я.

– В принципе, да, – чуть помедлив, отозвалась Мия. – Но когда ты изнутри, это не так заметно.

– Там столько боли... – Я отложила книгу на тумбочку, но все никак не могла отвести от нее взгляд. Теперь склянки на логотипе, казалось, были до краев наполнены кровью.

– Мы ведь «Черный иней», а не «Белый снег», – усмехнулась Лия. – У нас у всех разбито сердце. Ты ж не думала, что из его осколков, обиды, ненависти, предательства, из ярости можно делать ингредиенты для милых фейских заклинаний, – и красиво взмахнула рукой, как будто в пальцах у нее была волшебная палочка. Невидимая. – Зато это помогает... не сдохнуть. Я только на том и держусь. Когда думаю, ради чего все это.

И крутанулась на одной ноге, как балерина. Тоненькая, легкая, сказочная.

– И ради чего? – спросила я, хотя знала ответ еще до того, как Лия ответила.

– Чтобы отомстить. Сначала скормить любимому бывшему жениху стеклянную крошку из моего сердца. А потом найти ее. Ту, которая решила, что классно крутить роман с парнем, у которого есть невеста... – Она улыбнулась мечтательно и нежно. – И растянуть ее на веревочках между прошлым и будущим. Так, чтобы с ума сошла от страха и боли.

А потом подумала и добавила:

– Как я.

Глава 7. Сны и созвездия

В ту ночь я заснула ближе к утру, только после того, как Даша вернулась. Она медленно прошла от входа к своей кровати, села и несколько минут раскачивалась туда-сюда, со свистом дыша сквозь стиснутые зубы. Мне почему-то вспоминалась кобра из сказки про Рикки-Тикки-Тави, которая пришла поговорить... пока только поговорить, а дальше...

Собственного мангуста в запасе у меня не было, поэтому, наверно, стоило повернуться лицом к стенке и наконец попытаться заснуть. Или сделать вид, что я вижу уже десятый сон. Но вместо этого я зачем-то выбралась из-под теплого одеяла, прошлепала босыми ногами по полу, присела рядом с Дашей и осторожно ее обняла. Без слов, потому что... ну, что тут скажешь.

Она в ответ уткнулась холодным носом мне в шею и быстро-быстро задышала, засопела, как большой испуганный еж. А потом затихла и перестала дрожать всем телом. Только после этого я вернулась к себе на кровать и провалилась в черный омут сна, расцвеченный вспышками событий из прошлого, которые втыкались в душу, как рыболовные крючки, и тянули меня к себе. Но каждый раз я вспоминала «тык-тык-тык», пальцами по плечу, и Дашин голос – «не увлекайся». И тогда становилось легче. Немного.

Утром мы ничего не сказали друг другу, но для себя я решила: не важно, что думает она. Я сама не имею права считать ее «просто одногруппницей». Теперь она моя подруга. Слишком много вокруг и внутри... черноты. Надо же держаться за что-то нормальное.

За дружбу.

За горячие бутерброды и омлет по утрам.

За вкусный душистый чай.

За голоса Тинь и Линь.

За Фаину и Федю... к которым можно прийти всегда. Пожаловаться и поплакать. И получить свою долю утешения, без всяких «но», утешения искреннего и теплого.

За чудеса, настоящие чудеса, которые нам показывал Дэн. Пусть они пугали, ломали известные с детства законы мира, переворачивали

сознание, но это была магия. Не та подделка, которую показывают в шоу экстрасенсов, а материальная, древняя, как сама земля под ногами. Не эрзац из слухов и шепотов, а реальность, бьющая по щеке наотмашь. Надо было лишь помнить о том, что у тебя она тоже есть.

У меня были мои города.

Я снова начала рисовать, много, лихорадочно, как в те дни, когда Валера в очередной раз пропадал, держа меня на ниточке неопределенности. Только сейчас неопределенность была... куда более серьезной, чем какая-то «любовь всей моей жизни». Теперь на кону стояла просто жизнь.

Prima materia: sale (passato*781) *sale (presente*17) / corvo*7 = emissione

...

И четыре точки. Именно четыре, а не три. Я проснулась и тут же, не включая фонарик на телефоне, потянувшись и вслепую нашарила на тумбочке карандаш. Только не забыть – *prima materia, sale*, открывающая скобка, пасса... – торопясь и ломая грифель, нацарапала что-то на обложке рабочего блокнота, резко выдохнула в попытке вспомнить, как оно там было дальше... И почти сразу почувствовала, что пальцы холодеют и начинают дрожать так, что писать больше невозможно. Карандаш упал и покатился куда-то под кровать, я вылезла из-под одеяла, спустила ноги на пол и зашипела. Снизу тянуло таким пронизывающим холодом, будто сосновые доски, душистые, плотно пригнанные друг к другу и тщательно ошкуренные, превратились в лед, пока я спала. Руки тряслись все сильнее, запястья ныли, а в груди словно разгорался огненный шарик. Между солнечным сплетением и яремной ямкой, мечущийся туда-сюда, подкатывающий к горлу едкой тошнотой. Да что ж это такое, а? Прима... материя...

Сон откатился и пропал, истаял, протек сквозь пальцы, словно волна, которая ушла и оставила меня трепыхаться на отмели. Хотелось одновременно забраться под одеяло с головой, зажмурившись, и бежать, нестись, лететь прочь. Мне стало тесно в собственном теле, кожу кололо тысячей незримых иголок, в горле скреблись забытые невысказанные слова, и я поняла вдруг: если что-то срочно не сделать, они сожрут меня изнутри.

Вода.

На столе должна была остаться с вечера бутылка с минералкой.

Мы с девочками просидели допоздна, готовясь к завтрашней сдаче практики, дважды за вечер сходили в столовую и вернулись с шоколадкой и термосом чая, а Даша притащила еще и воду...

Я резко встала и сделала шаг. На мгновение показалось, что ступни намертво примерзли к полу и я просто упаду, не сумев оторвать кожу от льда, но в последний момент все же смогла.

Шаг.

Еще шаг.

Меня качало, пара метров до стола превратилась в бесконечную дорогу, словно по палубе корабля в бурном море. Я сглатывала и терла виски, кусая губы. Боль должна была вернуть меня в здесь и сейчас, привести в себя, но почему-то... это не работало. Совсем.

Я рухнула на стул, качнулась, чуть не упала на пол вместе с ним и потянулась к бутылке. Под носом что-то защекотало, я мазнула пальцами по лицу... мокро. Вздрыгнула и, вместо того чтобы ухватиться за горлышко бутылки, случайно сбила ее на пол.

– Черт... – прошептала я, и мир моргнул.

Теперь за столом рядом со мной сидели Даша, Мия и Лия.

В то время как я точно знала – вон они, спят у себя в кроватях. Если только я не разбудила их...

– О! – выдохнула Даша и вздернула брови. – Все в порядке?

– Нет, – просипела я и закашлялась.

– Мы искали... – начала было она, но я перебила:

– Семьсот восемьдесят один! Пассато, семьсот восемьдесят один! – Сон вернулся и обнял меня, в груди перестало жечь, боль в суставах поутихла, и я обмякла, уронив голову на стол.

Очнулась только утром, почувствовав, как Даша трясет меня за плечо.

– Просыпайся, Ян. Просыпайся.

– Мне снились... – я задумчиво потерла кончик носа. Тело чувствовало себя вполне пристойно, ни следа ночных болей и странных ощущений. Что это было вообще, а? – Снились вы.

– Во сне ты сказала нам семьсот восемьдесят один? – деловито спросила Даша.

– Да. Но откуда ты... – тут я прищурилась, глядя, как подруга начинает улыбаться. – Это не сон.

– В то утро, когда ты только приехала... Неделю назад. Мы видели тебя здесь.

– То есть тогда мне не показалось, что вы то исчезаете, то появляетесь.

– Да. Мы пытались научиться вместе уходить в один и тот же момент, и только под утро получилось.

– Приятно, что и говорить. – Я выползла из-за стола и зашипела. Мышцы слева на шее тут же свело – а потому что нечего спать, используя собственный локоть вместо подушки. – Люблю удостовериться, что мне не кажется.

Буквы на обложке блокнота выглядели так, что даже курица, пишущая лапой, могла бы гордо приосаниться в сравнении с их автором. *Prima materia: sale (passa...*

– Пассато семьсот восемьдесят один, – повторила Даша. – Что это?

– Формула. Понятия не имею, что она значит. Снится последние пару ночей и ведет себя как ящерка. Схватишь ее за хвост, и того. Откидывает, зараза.

– Попробуем вместе разобраться? – предложила Даша, и в этот момент я поняла, что она... она тоже считает меня подругой. Потому что тратить время на чужие сны... Сейчас это можно было делать только из чистого альтруизма. Или из любви к ближнему своему.

– Если до вечера доживем, – кивнула я и пошла переодеваться. Ибо невежливо идти на дело смертельной опасности в теплой фланелевой пижаме и босиком.

Окончательно ночной морок отпустил меня только после завтрака, когда я сидела за столом, обхватив кружку с горячим чаем, и ждала остальных. Мир как будто сдвинулся на один крошечный шаг, перепрыгнул с деления на деление, как секундная стрелка в огромных часах. «Щелк», и все. На первый взгляд все такое же, но я тут же потянулась к глазам. Потерла их, поморгала и стала вертеть головой, рассматривая столовую, как в первый раз. Изменилась резкость. Или четкость. Или цветовосприятие. Какие там еще бывают параметры при настройке изображений? Мои настройки сменились, и я даже толком не понимала, в какую именно сторону. Но главное, что воспоминания о ночных «приключениях» перестали пугать. Я поймала себя на том, что

вспоминаю произошедшее... с удовольствием? Удовлетворением? Как будто все так и должно быть?

Я растерянно тряхнула головой. Откуда все это?

– Что случилось? – спросила Лия, не поднимая головы.

– Такое впечатление, что кто-то переворошил мысли у меня в голове. Оценку событий. Еще минуту назад она была одна, а теперь...

– Другая, – перебила Лия. – Как будто ты смотришь в объектив, пытаешься настроить резкость, а потом р-р-раз – и получилось?

– Да.

– У меня было такое, когда мы с Мией думали, стоит ли приезжать сюда. После того как Дэн явился нам и сформулировал... приглашение.

– Ты не рассказывала, – вилка громко звякнула, когда Мия уронила ее на тарелку.

Лия развела руками:

– Тогда я не понимала, что это.

– Будто теперь понимаешь.

Даша подняла голову от своей чашки с чаем, куда она замешала уже пять или шесть ложек брусничного варенья, и удивленно хмыкнула. Мы первый раз видели, как близняшки ссорятся. Ну ладно, не ссорятся, а просто разговаривают на повышенных тонах. Обычно они звучали очень синхронно, не поймешь даже, если глаза закрыть, – одна говорит или другая. Никаких трений и непониманий, а тут вдруг...

– Понимаю, что это не только со мной.

– А со мной – нет! – Мия зло сощурилась и посмотрела куда-то в сторону.

– И со мной – нет. Или да... Кажется, когда я звонила Яне, что-то почувствовала, но... – осторожно проговорила Даша. – Давайте не спорить, хорошо?

– Мы не спорим, – тут же хором отозвались сестры.

– Уфф, – Даша осторожно улыбнулась. – А мне-то показалось.

– Тебе показалось, – снова хором.

– Вот и хорошо, – добавила я и внезапно поняла, что мне... и вправду хорошо. Гораздо менее тревожно, чем должно было быть перед сдачей практической работы. Которой боялись все и с которой должен был начаться отсев студентов. Правда, Дэн ни разу прямо об

этом не сказал. Что не мешало нам обсуждать свои шансы вечерами после ужина, забившись в дальний угол столовой. Чем ближе к зачету, тем неуютнее становилось с наступлением темноты. Казалось, ветви деревьев все ниже нависают над палатками, скрипят – громче, шепчутся – о страшном. А потом голоса ночных птиц и шорохи постепенно стихали, и если выйти ночью из палатки, то казалось, будто уши заложило. Слишком тихо.

– Наш куратор проговорился, что в прошлом году похоронили четверых, – накануне вечером интеллигентный гопник Витек рассказывал нам «утешительные» слухи и покачивался туда-сюда на скамейке, обхватив колено.

– Из одной группы или из разных?

– Именно что из одной. Вроде как у них слабое звено было, ну и... – он художественно всплеснул руками.

Мне тут же захотелось оказаться где-нибудь за тридевять земель отсюда. Потому что именно я чувствовала себя слабым звеном и боялась всех подвести.

Когда мы пришли на поляну, фейри стоял, прислонившись спиной к менгиру, и медленно, с чувством, толком и расстановкой ел огромный многослойный бутерброд. На лице Дэна было написано искреннее, незамутненное блаженство. Когда он широко раскрывал рот, чтобы откусить очередную порцию вкуснятины, то становился похож на удава, заглатывающего жертву. Я даже вспомнила книгу про змей, в которой рассказывалось об особом строении их челюстей. Например, питон может проглотить леопарда. Например. Интересно, а Дэн может проглотить леопарда?

Я тихо хихикнула. Не потому, что эта мысль была абсолютно абсурдной. А потому, что она не показалась мне невозможной. Всего неделя обучения у этого сказочного создания, и я уже готова представить себе все что угодно. Глощает леопардов? А что тут странного. Спит на потолке, зацепившись за балку кончиками ботинок, как летучая мышь? Почему бы нет, от фейри можно ожидать чего угодно. В свободное время снимается в «Битве экстрасенсов»? Нормальное хобби. Кто в «Черном инее» учился, тот в цирке не смеется.

Мы все вежливо молчали и переминались с ноги на ногу. Никто не хотел прерывать... завтрак? перекус? не важно. Никто не хотел прерывать фейри, который должен был дать нам задание для сдачи зачета. Мало ли. Вдруг у него настроение испортится...

– Если у вас есть вопросы, то можете смело задавать. Пока я не запретил вам это делать, – сказал Дэн, с удовольствием рассматривая оставшуюся часть бутерброда. Примерно треть. Интересно, что там такое вкусное? Сыр? Мясо? А вон то, розовенькое, – помидор? – С аппетитом у меня все в порядке, ваши вопросы его точно не испортят. И задание я вам придумал уже давно, так что не переживайте.

И я тут же подумала: интересно, какое требование стоит в вакансиях для здешних преподавателей? Во-первых, умение читать мысли...

– Ладно, если вопросов нет, то начнем. Перед смертью, как говорится, не надышишься, – усмехнулся он. – Кто мне скажет, почему вас поделили именно так?

И медленно обвел взглядом всех учеников.

– Четыре – хорошее число для работы в малых группах, – пробормотал Миша, поправляя очки.

– Звучит как фраза из учебника, – закатил глаза Дэн. – Кто-нибудь видел у себя в учебниках такие чудные формулировки?

– Нет.

– Нет.

– Нет.

Все говорили тихо и вразнобой. Шелестели почти шепотом, как стайка смущенных призраков перед экзорцистом.

– Вот именно, – припечатал Дэн. – Поэтому хватит разговаривать канцеляритом. Особенно сегодня.

– Почему? – Миша прищурился.

– Потому что главное правило «Черного инея»...

– ...Не говори чужим про «Черный иней»?

– ...Постарайся дожить до выпуска?

– ...Прилежно учись?

– Нет, нет и еще раз нет, – Дэн подкинул бутерброд, тот взлетел, потом замер в воздухе и, на удивление, вернулся к нему на ладонь, не рассыпавшись. – Вместо канцелярита у нас всегда демонстрация. Если правило – или любую другую мысль – записать умными словами, то

вы его просто вызубрите и будете бездумно применять. Без понимания. А вот если продемонстрировать...

– А можно, мы уже начнем? Без всяких этих... прелюдий, – прошептал Кирилл. Вроде себе под нос, но, кажется, его услышали все. Дэн в том числе.

– Окей, – тут же отозвался он. – Если кто-то не хочет слушать инструкций, это его право. Никого здесь и сейчас не держу. Отправляйтесь в когда и где наугад и принесите то, не знаю что. А вот те, кто дождутся конца моей фразы...

Тут он сделал красивую паузу. Еще раз полюбовался на недоеденный бутерброд. Потом посмотрел на нас:

– ...те узнают, что они уже встречались.

– Что?

– В этом наборе все студенты хоть раз, да встречались друг с другом.

– Но...

Кажется, не я одна удивилась. Мы ни разу не виделись ни с Дашей, ни с близняшками. Может, конечно, имеются в виду случайные пересечения в далеком прошлом... На одном поезде ехали. На одной площади салют смотрели. Но все же...

– Причем я не имею в виду случайные встречи, – припечатал Дэн. – Это было бы совсем не интересно. Нет, я говорю о ключевых моментах, поворотных для судьбы. И задание у вас на практику будет такое: нужно перенестись в то место и время, где вы уже были вместе, а дальше... – он протянул перед собой бутерброд. – Разойтись по нужным слоям реальности и сделать то, что нужно. Вы уже научились «прыгать» туда-сюда и нашинковали время достаточно, чтобы приготовить из него хоть что-то путное. Вопросы? Даже если они у вас есть, это не важно. Потому что пора начинать. Вперед!

Щелкнул пальцами, мило улыбнулся и продолжил жевать как ни в чем не бывало.

Следующие несколько минут мы ошарашенно молчали. Нет, все знали, конечно, что простым задание не будет... Но что это за сказочный сюжет про «то, не знаю что»?

– Я, кажется, поняла, – Даша заговорила первой.

– Ну? – Лия с Мией одновременно резко шагнули к ней, столкнулись плечами и синхронно зашипели от боли.

– Пошли в лагерь. Хочу посмотреть записи Лейлы и уточнить еще раз. Тогда точно скажу.

– Идем.

Близняшки тут же сорвались с места и чуть не побежали, а я поотстала. И, ступив на узкую тропинку, которая вела через лес к лагерю, буквально спиной почувствовала, что Даши рядом нет. Обернулась.

Подруга остановилась рядом с Кириллом и, наклонившись к нему, что-то шептала.

Тот качнул головой и покрутил пальцем у виска. Бред, мол.

Даша вздрогнула, потом развела руками, издевательски-киношно поклонилась... и увидела, что я за ними наблюдаю. Сунула руки в карманы и быстро пошла ко мне. А когда мы вместе нырнули под полог леса, зло спросила:

– Что?

– Ничего.

– У тебя на лице написано.

– Что написано? – я осторожно тронула себя за щеку.

– Что нечего тратить слова на остальных.

– При чем тут это? – тут уже я разозлилась. Почему-то фраза Даши меня сильно задела. – Просто странно. Когда я приехала, мне никто ничего не объяснил сначала. Потому что «сама выплывай, а если не выплывешь, нечего тебе тут делать». Чем же от меня отличается Кирилл? И команда парней, в целом?

– Да ты ревнуешь?

– Нет! – ответила я и тут же поняла, что да. Ревную подругу. На пустом месте, из-за того, что она кому-то что-то сказала. Что за глупости, правда. – Просто я думала, мы подруги, но...

Это была абсолютно киношная фраза для выяснения дружеских отношений, но что делать, если она подходила к ситуации как никакая другая.

– Просто я не хочу, чтобы он умер. – Даша закусил губу, остановилась и отвернулась, сложив руки на груди. – Ужасно не хочу. Понимаешь?

– Логичное желание.

– После того как меня позвали сюда... – она заговорила тихо-тихо. – Ну, после того, что со мной случилось. Я думала, что никогда и ни к какому мужчине на пушечный выстрел не подойду. И что же?

Она горько рассмеялась. Я погладила ее по плечу:

– Подошла?

– Угу. Сама. Но, это... Мы пока даже не целовались. За ручку подержались. На прогулку ходили. Птички Фаины нас засекли. Свистели на два голоса, как будто смеялись. Теперь подмигивают мне хитренько при каждом удобном случае. Глупо, да?

– Вовсе не глупо.

– Глупо. Потому что, когда мы первый раз пытались отправиться в будущее... Ну, когда забрали у тебя записи Лейлы. Меня унесло. И там... Не знаю, это была иллюзия, или бред, или я действительно посмотрела, как там будет дальше...

Она поежилась.

– Его там не было?

– Хуже. Я там точно знала, что он мертв.

– И ты сейчас пытаешься исправить будущее? Серьезно? – я взяла ее за руку и потянула за собой. – Забыла, о чем Дэн талдычит каждый день?

– О том, что все предопределено? И ничего не сделаешь? – она фыркнула. – Я думаю, это он ПОКА так говорит. Потому что мы слишком мало знаем и умеем, чтобы осмыслить иное. А на каком-нибудь следующем курсе окажется, что все на-а-а-амного сложнее.

Тут она осеклась. И странно посмотрела на меня.

– Что теперь?

– Лейла... Она точно так же говорила. Такими же словами, – Даша дернула головой, как будто отгоняла призрак умершей Лейлы. – И я еще думала – какая же она дурочка. Меньше месяца назад.

– Идем, – ответила я. А что еще тут ответишь? – А то нас Лия и Мия съедят за то, что теряем время.

Но они нас не съели.

Даже не повернулись, когда мы вошли. Сидели за столом и смотрели на три свертка, лежащие на скатерти.

– Что это? – спросила Даша.

– Фаина принесла, – ответила Мия. – Там деньги. Много. Еще она сказала: «Не забудьте документы. На всякий случай». Что это за

случай такой, интересно.

Тем временем Даша вытащила из тумбочки папку с записями Лейлы и принялась лихорадочно переворачивать листы, отбрасывая ненужные прямо на пол. Она что-то бормотала под нос, и пальцы у нее тряслись все сильнее. И прежде, чем я догадалась подойти и помочь, папка выскользнула у нее из рук, и все бумаги разлетелись вокруг. А сама она повернулась к нам с торжествующей улыбкой:

– Вот оно!

Когда Даша положила на стол нужную запись, я даже не слишком удивилась. Это был тот самый лист, единственный, который я толком прочитала тогда, вытащив из-под кресла. Только в тот момент мне показалось, что буквы и знаки плывут и при взгляде на них портится зрение. Теперь же расчеты обрели глубину и многомерность, и образ придуманного города тут же всплыл в сознании, разворачиваясь узором улиц и площадей перед внутренним взором.

– Место, – голос Даши звучал глухо, невнятно, как будто издалека. Я тряхнула головой, заставляя себя вернуться в палатку, за стол, туда, где я сжимала почему-то очень замерзшие пальцы на лямке рюкзака, в котором лежали толстая пачка тысячных купюр и паспорт. Если уж Фаина говорит «на всякий случай», то стоит ей поверить. – Дэн специально сбил нас с правильного направления мыслей. Наверняка это часть испытания. Он сказал, что мы встречались.

– Это неправда? – спросила Мия.

– Думаю, что правда. Только думать не об этом надо.

– А о чем?

– Зацепка. Мы ни разу не использовали людей как зацепки. Не перемещались к кому-то. Мы всегда отправлялись куда-то.

– И когда у нас наконец начало получаться без помощи Дэна... – протянула Лия. – Мы всегда были за этим столом.

– Да! И ориентиры он всегда давал в пространстве. Как с надписью «Свобода». И тут у Лейлы написано... – Даша наклонилась над столом, выискивая нужную строчку: – «Обстоятельства. Именно в них дело. Финальная точка – обстоятельства, а не люди. И они же – главная подсказка».

– То есть... – я прищурилась. – То есть мы вместе были в каких-то обстоятельствах... в определенный момент времени... и даже если мы

не помним друг друга тогда, то это не важно?

– Именно. – Даша постучала согнутым пальцем по уголку листа. – «Туда, не знаю куда» – это найти наши общие обстоятельства. «То, не знаю что» – это нужное изменение в жизни для каждой из нас.

– Только ты же помнишь, что у нас времени до вечера? – заметила Мия. – Если перебирать все странное, значимое, удивительное даже только за последний год, мы просто не успеем. Да этих обстоятельств... сотни. Если не тысячи.

– Успеем! – перебила ее Лия. И резко обернулась ко мне: – Ян, ты ж историк, да?

– Да, только какое это...

– Тебе когда-нибудь снились экспедиции? Такие, в духе Индианы Джонса, с факелами в темных коридорах, и...

– ...И чтобы казалось, что впереди какое-то удивительное открытие? – продолжила я прежде, чем осознала, что именно говорю. – А потом в стене вдруг открывается пролом...

– ...с фиолетовым светом, – закончила Даша. И невпопад добавила: – Не такой уж он и зверь, этот наш фейри.

– Мы с вами были в одном сне? – уточнила я на всякий случай, хотя было ясно и так – были. В том самом сне, который прервал звонком... Валера. Чтоб ему на том свету провалиться на мосту, как говорится.

– Да. В тот вечер Дэн выдал нам странное задание. Никакого отношения к перемещению во времени не имеющее. Ну, на первый взгляд. В подробностях записать сон, который приснится. Мы посмеялись, но сделали. И, когда обменялись записями, поняли, что, хотя каждая помнит немножко разное, мы были в одном и том же месте.

– Здесь, под Столбами, заброшенный город горных призраков. За завтраком тогда к нам подседа Фаина и рассказала.

– Кажется, в нем мы и были. Если считать, что Фаина ничего случайно не делает.

– Двадцать шестого октября? – уточнила я.

– Да.

– И как попасть в этот город? Ну, чтобы потом переместиться в нужный момент времени? – Я повела плечами, чувствуя, как по спине мазнуло ледяным сквозняком. Так, что вздыбились волоски на шее, а

затылок тут же замерз. Как будто на миг я оказалась под пристальным, внимательным взглядом потустороннего мира.

– Нарисуй его, – Даша подвинула ко мне лист, перевернув его вверх чистой, не исписанной стороной, и карандаш. – Ты же умеешь, верно?

Сначала мне показалось, что я разучилась рисовать. Абсолютно. Мгновенно. Еще вчера могла – вон они, лежат в тумбочке, наброски химер и безглазых змеев, спускающиеся к реке дома, словно гигантские ступени, пристань в виде когтей, вцепившихся в морской берег... А теперь как отрезало. На ум не приходило ни одного образа. Если же закрыть глаза, то виделась лишь чернота, абсолютная чернота, голодная, затягивающая, жадная.

Я начала водить карандашом по бумаге просто так, от безысходности, когда поняла, что просто не могу больше сидеть вот так вот, растерянно уставившись в одну точку и пытаюсь вспомнить как. Как увидеть тот самый другой мир. Стала быстро-быстро заштриховывать белое черным, и не понять, то ли это была дрожь пальцев, то ли осознанные движения. В тот момент мне показалось, что теперь мы поменялись. Раньше я придумывала химеры и чудеса. Теперь же они... придумывали меня.

А потом на листе начали проступать контуры лабиринта. Более темные участки на фоне бледной штриховки. Как будто под бумагу было что-то подложено, или этот узор был выдавлен на столешнице... Только ведь ничего там не было, точно. Пальцы сами меняли нажим, произвольно, а я просто наблюдала, как под грифелем рождается узор тьмы, разбегаются в разные стороны то ли дорожки, то ли мосты, то ли коридоры, переплетаются и закручиваются в замысловатые завитки.

– Ух ты, – выдохнула Даша мне в затылок. – Это же карта.

– Да? – рассеянно спросила я. И в этот же момент поняла, что не разучилась. Я не разучилась рисовать. Просто образ – двухмерный. Просто цвет его – темнота. И геометрия его не до конца подвластна разуму человеческому, поэтому я создала не сам подземный город. А всего лишь его след на плоскости. Которого, однако, будет достаточно для того, чтобы попасть в наш сон. Потому что, кажется, вот этот поворот я помнила...

– Готовы? Отправляемся, – Даша села рядом и осторожно коснулась локтя левой, нерабочей руки. Кажется, боялась потревожить, нарушить мою концентрацию... Но я уже слишком увлеклась. Даже если бы оказалось, что мы сидим на рельсах, а из тоннеля приближается поезд, то не знаю, хватило бы у меня силы воли, чтобы перестать рисовать. На одной чаше весов – жизнь, на другой – творческий порыв. Все такое ценное, что же...

– Что же выбрать, – выдохнула я. Вокруг была полная темнота.

– Сейчас зажгу факел, – сказала откуда-то из черноты впереди Мия, и я поняла, что у нас получилось.

Я шла по лабиринту с осыпающимися стенами, держа в руке факел. Пламя шипело и плевалось искорками во все стороны, как бенгальский огонь под Новый год. Да я и чувствовала себя как в преддверии праздника: кровь словно превратилась в шампанское, голова кружилась, хотелось смеяться и пританцовывать в предвкушении чего-то удивительного. Волшебного. Подарка, предназначенного для меня одной. Иногда краем глаза я замечала отсвет за поворотом или слышала шелест шагов: едва запалив факелы, мы с девчонками тут же разбрелись в разные стороны. Страх почему-то не было. Каждая знала, что мы не заблудимся и не потеряемся. Знала, что древний город приведет туда, куда надо.

И ровно в тот момент, когда я решила, что пора переходить к следующей стадии «практического задания», по стене поползла трещина, из которой вырвались лучи серебристо-сиреневого цвета. Там, снаружи, меня ждало что-то ужасно радостное, я смотрела на раздвигающиеся камни и подпрыгивала от нетерпеливого предвкушения. Потом протянула руку, шагнула вперед и...

Перед глазами поплыло, и в горле заворочался скользкий комок. Знакомое ощущение: каждый раз, когда я отправлялась в прошлое, тело протестовало. «Как же законы пространственно-временного континуума? – тщетно вопрошало оно. – Все еще надеешься зайти в одну и ту же реку дважды? А знаешь ли ты, что это невозможно?»

Только вот я была точно уверена, что возможно.

Дэн очень наглядно это показал.

И тут фиолетово-сиреневая марь передо мной лопнула и завернулась в разные стороны клочками зеркальной амальгамы,

раздался громкий треск, и я с размаху упала на четвереньки, как будто континуум не вынес такого над ним издевательства и наподдал мне напоследок. Я охнула, потрясла головой, зажмурилась, а потом медленно открыла глаза.

Если бы это было фантастическое кино, то по законам жанра я должна была медленно встать, щелкнуть выключателем на стене коридора и пойти бродить по своей квартире... то есть по своей бывшей квартире... которая не моя, а Юрия Ивановича. Обстоятельно разглядывать свежую трещину на зеркале, с помощью которой я тут и очутилась, растерянно прикасаться к фотографиям на столе, и к чашкам в шкафу, и к листочкам комнатных цветов, которые тоже пришлось раздать перед отъездом. Так увлеклась бы воспоминаниями, что совсем забыла о времени и столкнулась с самой собой в дверях. Чтобы породить временную аномалию. Краш-бум-бэнг.

Однако – к сожалению или к счастью – жизнь не похожа на жанровое кино, она куда... интереснее. А еще мне остро хотелось «а» – сдать практику и «бэ» – выжить. Поэтому пришлось пожертвовать интересным сюжетом и трагическим финалом. Я несколько секунд смотрела на себя в зеркало, лихорадочно приглаживая волосы. В полутьме лицо казалось полупрозрачным и абсолютно нечеловеческим. Кто у нас там ходит зеркалами? Фейри? Потом тронула сумочку с деньгами на поясе – та прекрасно перенесла путешествие, – повернула защелку, открыла дверь и выскользнула из квартиры. Для верности не поехала на лифте, а медленно пошла вниз по лестнице. Самым сложным оказалось выйти из подъезда... я не помнила, во сколько точно пришла тогда домой, и ужасно боялась столкнуться со своим alter ego в дверях. Хотя почему альтер... Это я, по ходу, была тут альтер...

В итоге я все же выбежала наружу, под дождь, и тут же получила мокрым кленовым листом по щеке.

– Вот спасибо, – буркнула я и внезапно рассмеялась.

А потом быстро пошла к морю.

Мне было все равно, что дождь лил все сильнее, и с надвинутого капюшона уже не просто капало – лило, пряча Таганрог за водяной пеленой. Я шла к своему месту силы, я вернулась, у меня получилось! Кому мне было еще рассказывать об этом? Только прибою.

Только он понял меня.

А еще рассказал, что теперь все по-другому. Прошло всего чуть больше двух недель, а казалось, что годы. Море все так же шелестело, на небе ворочались грозовые тучи, играя в догонялки с луной, а я стояла, бессильно сжав руки в кулаки и... плакала. По прежней Яне. Какой бы она ни была. Глупой, нерешительной, безвольной, попавшей под влияние Валеры, ослепленная дурацкой любовью... Она здесь была дома.

А я – уже нет.

Моим домом стал город призраков.

Моим домом стали лабиринты времени.

Мой дом перестал быть... человеческим.

Созвездия на небе горели все те же, но я научилась читать их по-другому.

Пена шипела, накатывая на камни, но вместо того, чтобы просто слушать, я внимала чужому языку. Который еще не понимала, но если удастся дожить до последнего курса... Теперь я осознала, почему так улыбались Фаина и Элина. Вот это ощущение собственной нечеловеческой природы... за него многое можно было отдать. Даже жизнью рискнуть.

Эта отважная мысль тут же прервала мои ностальгические переживания.

– Так, – пробормотала я. – А теперь возьми себя в руки. Иди в гостиницу, потом под горячий душ, а затем надо понять. Зачем ты здесь и что именно нужно сделать.

На следующий день я уже ехала на маршрутке в Ростов. Как ни соблазнительна была мысль дождаться приезда Валеры и посмотреть со стороны на наши романтические объятия на берегу моря, я решила, что это слишком опасно. Единственная безрассудная вещь, которую я себе позволила перед отъездом – это зайти в кафе «Красный мак» и купить все ореховые пирожные, которые были на витрине. В этом мире могло меняться что угодно: пространство, время, я сама, политические режимы или законы бытия – но только не они. Не пирожные в «Красном маке», которые были волшебны и неизменны на вкус, что двадцать лет назад, когда я впервые их попробовала, что сейчас. А еще они не мялись, даже если запихнуть их в сумку-шоппер

вместе с шампунем из гостиницы и сменой белья, купленной в первом попавшемся магазине.

Накануне вечером мне почти сразу удалось заснуть – путешествие во времени и пространстве сожрало сил больше, чем обычный полный день. А когда наутро я проснулась, зевнула, посмотрела на высокий потолок с лепниной и трещиной – гостиница была с претензией, но слегка уставшая, прям как я! – а потом перевела взгляд на зеркало в позолоченной раме, пазл сложился. Еще пару дней назад я боялась, что придется вспоминать мельчайшие события и детали, тщательно просеивать и перебирать их и до конца бояться, что я неправильно нашла ЕГО. То самое, на которое надо повлиять. Но решение пришло само. Обстоятельства. Правильно писала Лейла, обстоятельства – это все: и зацепка, и подсказка, и смысл первого практического задания.

Зеркало.

Мне придется разбить зеркало.

«Просыпаюсь от грохота. Думал, опять соседи подрались, а это зеркало в ванной грохнулось», – так рассказывал Сашка. Если бы не разбившееся зеркало, он бы не проснулся тогда, в день моего прилета в Москву. Не написал бы мне. И я поехала бы в хостел... Кто знает, что со мной было бы. Сначала во время пожара. Потом – когда я узнала о фэйковой смерти прекрасного суженого. Без тепла и поддержки, совсем выбитая из колеи... как бы я действовала? О чем бы думала? Бррр.

Оставалось только выяснить сущую мелочь. Как попасть в квартиру Сашки так, чтобы он не узнал о моем «пришествии».

Вот тут я в полной мере оценила предусмотрительность Фаины и мысленно поблагодарила ее за деньги. По прилете в Москву я сразу же поехала в Сашин двор, чтобы освежить в памяти, что там да как... Может, удастся влезть к нему в окно, например? И обнаружила женщину, расклеивающую на доске объявлений бумажки «Сдаю квартиру посуточно, в этом районе». Как выяснилось, квартира была в доме напротив и могла служить отличным наблюдательным пунктом. От такого подарка судьбы невозможно было отказаться, и я тут же сняла ее на неделю. Спасибо обстоятельствам, они снова играли на моей стороне.

В итоге через три дня я уверилась в том, что в окно влезть не получится – ну, разве что я познаю все тонкости промальпа к

тридцатому числу (что вряд ли) и разведая доступ на крышу (это не выглядело невозможным, но проклятый промалып! никогда у меня душа не лежала к нему). Почему-то рядом с домом не росло ни одного дерева, чтобы забраться на него и по веткам, по веткам, осторожненько... Но даже если бы и росло. Проклятые соседи Сашки были почти все время дома. За три дня наблюдений они ни разу не вышли из подъезда дальше, чем в магазин на углу. И вот это было главной проблемой. Что же делать-то, а?

Перебирая в памяти обстоятельства, места и слова, я медленно записывала их в столбик на листе оберточной бумаги, который обнаружила на кухне. А потом встала, чтобы вскипятить чайник, оглянулась на стол и рассмеялась. Интересно, если я не справлюсь с заданием... и из-за этого умру, что подумает хозяйка квартиры об этих записях? Может, стоит добить атмосферу скотчем? Как сделала это Лейла?

Пожалуй, надо потом выяснить, зачем она это сделала. Чем дальше мы с девочками разбирали ее записи, тем яснее понимали, что в них не было ничего случайного. Значит, и красный скотч был тоже зачем-то. Одно из обстоятельств для расшифровки.

И тут я вспомнила.

И на радостях так резко поставила чашку с кипятком на стол, что обожгла палец и плеснула водой на свои записи. Но это было уже не важно. Важным было совсем другое. Взгляд Сашиной соседки. Когда я приехала, она смотрела на меня так злобно, как будто... узнала. Как будто раньше мы уже виделись и она успела составить полное впечатление о моем моральном облике и душевных качествах.

На следующий день, удостоверившись, что Сашка ушел на работу, я выдохнула и пошла «на дело». Надо было проникнуть в его подъезд и изучить привычки соседей на близкой дистанции. Три цифры на домофоне были отполированы и блестели настолько ярче, чем остальные, что номер доступа я подобрала с первого раза. Остальное – дело техники. Спрятаться на балконе за мусоропроводом и наблюдать, наблюдать, наблюдать...

– Бинго, – пробормотала я два дня спустя, глядя сквозь грязное балконное стекло на лестницу. Соседка Саши выносила мусорное ведро в одно и то же время. Вечером. Около восьми. И не закрывала за собой дверь квартиры. Которая от мусоропровода была не видна.

Старуха всегда долго возилась, аккуратно сгружая пакет в черную железную «пасть», а потом надевала перчатку на одну руку и брезгливо поднимала с пола обертки от конфет, огрызки и шкурки, рассыпанные «паршивцами, которые за собой нормально убираться не обучены». Эта тирада была слышна даже на балконе.

На следующий день, тридцатого числа, одна Яна заканчивала сборы в Таганроге, грузила чемодан в такси и ехала в аэропорт, а вторая Яна – в смысле, я – лежала на диване съемной квартиры, закинув ногу на его спинку и подложив сложенные руки под затылок, и пыталась думать «о вечном». Как там дела у девчонок. Или как поживает... Сид, например. Пару дней перед зачетом я почти не вспоминала о нем, а тут снова накатило. Как он смеялся и смотрел, прищурившись. Как мы болтали и пили кофе. Как он держал меня под руку... Нет, нет, не настолько уж я по нему и скучала. Просто пыталась думать о чем-то приятном, а не только о «великом мусорном походе», который предстоял вечером.

Сначала я дождалась Сашку с работы. Следила из окна, как он медленно прошагал через двор к подъезду.

Потом зашел в дом.

Пауза. Досчитать до десяти, медленно выдохнуть, и...

Я пошла в прихожую обуваться.

Тщательно – почему-то мне казалось это очень важным, я трижды проверила узлы – завязала шнурки на ботинках.

Посмотрела на себя в зеркало. Потерла бледные щеки. Оставила ключ на тумбочке и вышла, захлопнув дверь.

Во дворе никого не было. Только галдела компания молодежи в его дальнем конце, под фонарями, а рядом со мной сидела на заборе ворона и деловито поглядывала по сторонам. Накрапывал мелкий дождик. Я свернула сумку и аккуратно засунула ее под скамейку. Ворона склонила голову и подозрительно посмотрела на меня одним глазом.

– Тшш, – сказала я ей. – Не выдавай меня, ладно?

– Карр, – ответила ворона, важно кивнув. Мол, хорошо, не выдам. А что ты задумала?

– Я замышляю шалость, – сообщила я специальным «секретным» голосом. – Сейчас посижу тут немного на скамейке, отморожу страх и

пойду. Можешь за меня болеть, кстати.

В ответ ворона повернулась ко мне хвостом.

Ну и ладно.

Страх, кстати, отмораживаться не хотел. В районе солнечного сплетения мелко и противно что-то дрожало. Как будто внутри меня протянулась струна и ее все время что-то задевало. Голоса людей и машин. Свет в окнах. Шум дождя.

Я сидела на скамейке, покачивая сцепленными ногами туда-обратно.

Тем временем сердце пыталось уйти в пятки.

Предательски.

– Ладно, – прошептала я, встала и решительно пошла к Сашкиному подъезду. Всего один раз споткнулась по дороге, но кто знает, чего мне стоило не развернуться и не побежать прочь куда глаза глядят.

Сейчас я чувствовала себя персонажем из романа Кинга «11/22/63», героем, который пытался обмануть ход истории, а та сопротивлялась. Всячески. Фатально. Я фактически кожей ощущала напряжение, разливающееся в воздухе. Раньше такого не было... А теперь с каждым шагом, который приближал меня к цели, становилось все страшнее. Действительность стала похожа на сон – из тех, где ты пытаешься убежать, но никак не можешь, и вместо того, чтобы двигаться, барахтаешься в каком-то невидимом киселе.

Тело словно потеряло автопилот.

Каждый шаг требовал волевого усилия. Сознательной концентрации.

Над головой прокатился тихий гром. Далекий и еле слышный... но он неожиданно придал мне сил. Сашка проснется, выйдет на балкон, увидит молнию и вспомнит обо мне. Все будет хорошо. Осталось чуть-чуть.

Навстречу мне из подъезда вышел Сашин сосед и направился в сторону магазина. Значит, какое-то время его в квартире не будет... Отлично!

Я взбежала по лестнице и замерла между третьим и четвертым этажами, успокаивая дыхание.

Ну же.

Где ты.

Выходи давай.

Самое время вынести мусор.

Ау.

На площадке сверху скрипнула дверь. Послышались шаги.

Я закусила губу и отступила вниз, чтобы потом сделать вид, будто – трам-пам-пам! – просто иду навстречу.

Точнее, спешу.

Быстро-быстро.

Изо всех сил.

Я налетела на соседку Саши, толкнула ее плечом, полоснула зажатými в кулаке маникюрными ножницами по мусорному пакету и охнула:

– Извините!

Между прочим, вполне искренне.

Мусор выдержал небольшую театральную паузу, а потом художественно вывалился нам под ноги.

– Извините! – еще раз пискнула я и побежала вверх по лестнице, а в спину мне неслось: «Ах ты паршивка! А ну, вернись! Кто за тобой убирать должен, я что ль? Свинья!»

Расчет оказался верным.

Вместо того чтобы гнаться за мной, чистлюбивая соседка осталась внизу, ликвидировать следы происшествия. Значит, у меня было несколько минут, чтобы...

Осторожно проскользнуть в квартиру.

Пройти по темному коридору, не разуваясь.

Щелкнуть выключателем.

Открыть дверь в ванную.

Упереться взглядом в зеркало.

Старое, в узорчатой металлической раме.

Такое и вправду наделает грохоту, если упадет!

Точнее, не если.

Когда.

Несколько мгновений я смотрела на свое отражение. Плывущее, меняющееся в фиолетовых всполохах. А потом подошла и рванула раму на себя, не задумываясь, что будет дальше.

Мир вывернулся мне в лицо оскольчато-серебристым краем, я зажмурилась и, кажется, закричала.

– Тшшш, – сказал кто-то и обхватил меня за плечи. – Тшшш, все хорошо. Ты вернулась.

Я открыла глаза.

Вокруг была тьма, и морось, плавающая в воздухе, и зеркально блестящий отполированный бок менгира на знакомой поляне, и иронично улыбающийся Дэн.

– Зачет, Яна, – кивнул он мне. – Вся ваша группа сдала, поздравляю.

Даша рассмеялась и обняла меня еще крепче, «ура!» завопили Мия и Лия, а еще издали, кажется, махали мальчишки. Через несколько минут я кое-как встала, и мы пошли на ужин, долго устраивались, ерзая на скамейках, пили обжигающий чай, толкали друг друга локтями и смеялись без повода.

А потом немного пришли в себя и уже не смеялись, глядя на пустующий соседний стол.

Четверо с нашего курса так и не вернулись.

Провалили первый зачет.

– Что с ними стало? – спросила я у Фаины, когда мы уже расходились по палаткам.

Она пожала плечами:

– Кто знает.

– Они точно... умерли?

– Умерли. Сбежали. Растворились в снах, – Фаина вздохнула. – Точнее не скажу.

«Буду думать, что сбежали», – решила я и долго еще успокаивала себя этой мыслью. Этим вечером, прогоняя бессонницу, и следующим, и тем, что пришел за ним, и дальше, пока мысль не истерлась и не стала прозрачной, словно утренний серый туман. Тогда я смирилась.

А через пару недель Дэн закончил читать нам теорию и сообщил:

– Собирайте вещи. Завтра переезжаем в другой филиал.

Глава 8. Тайны и танцы

В Калининградский аэропорт мы прилетели в метель, и самолет только с третьего круга зашел на посадку. Мы с девчонками после длинной ночной пересадки в Москве были сонные и вялые. Не хотелось уже ни болтать, ни читать, ни подкалывать друг друга. Только бы добраться до места, посмотреть, где нас поселят, и завалиться спать.

Накануне мы прощались с лагерем. Долго сидели в столовой и медленно, обстоятельно пили чай с сушеной малиной и травами, собранными в этом самом заповеднике. Потом дошли до учебной поляны, которая без Дэна казалась потрясающе пустой и бессмысленной, и по очереди приложили ладони к менгиру. Страшновато было уезжать от этого камня, который, как путеводный якорь – придумается же такое, да? – возвращал нас из путешествий. Возвращал в «здесь и сейчас», домой. В место, которое пусть ненадолго, но все же стало настоящим домом.

Федя деятельно суетился и сновал по лагерю с бесчисленными свертками, папками и проводами. Оказалось, что и на новом месте он будет кормить нас и заботиться об уюте. А вот Фаина оставалась в Столбах, и для меня это неожиданно стало потрясением. Не думала, что всего за месяц сумею так сильно привязаться... к нечеловеку. К ее теплому молчанию, мягким рукам, к возмущенному писку Тинь и Линь, к бесконечному пониманию и готовности принимать меня такой, какая я есть.

Когда мы приехали в Овсянку забирать свои вещи, я вытащила из шкафчика ноутбук и замерла, держа его на вытянутых руках. Вещь, без которой я не мыслила ни одного дня еще совсем недавно, пролежала под замком столько времени, а я почти ни разу о ней и не вспомнила... Инструкторы сакральных практик и прочие инфоцыгане наверняка окрестили бы это «цифровой детокс», но я сформулировала в уме гораздо проще – не до того было.

Потом я съездила в Дивногорск, чтобы отдать ключи хозяйке квартиры и расстроить ее тем, что съезжаю.

– Уезжаешь? Как жаль! Такая чудесная девочка! – всплеснула она руками. На мой вкус, с искренностью в голосе она переигрывала.

«Чудесная, – мысленно добавила я. – Во-первых, заплатила за месяц, а проспала тут всего одну ночь. Во-вторых, ухитрилась не умереть. Идеальный со всех сторон арендатор».

Еще в Овсянке нам выдали несколько комплектов новой одежды. Кожаные полусапожки вместо походных ботинок, мягкие вязаные свитера вместо флисок, темные джинсы – или юбки, кому как больше нравится – и длинные приталенные черные пальто с двойным рядом пуговиц... И вот уже из шумной грязной орды как-бы-археологов, спустившихся с гор, мы превратились в эталонный отряд дореволюционных студентов и курсисток. Который, надо сказать, гораздо больше походил на учащихся «Черного инея», чем наша прошлая ипостась.

Всю прелесть пальто я оценила ровно в тот момент, когда вышла из самолета на трап. Балтийский ветер сразу решил показать, кто тут хозяин, пытался забраться за воротник и выморозить все, до чего дотянется. Однако не получилось: одежду в «Черном инее» шили отличную. Думаю, не обошлось без магии. С неба сыпала снежная крупа, круглыми, натурально «пенопластовыми» шариками, и я очень медленно шла вниз по ступенькам, крепко держась за перила. Не хватало еще поскользнуться, свалиться и переломать ноги из-за бытовой случайности после того, как выжила во время зачета по осенней практике. Это было бы нереально смешно, но... пусть такие сюжеты с кем-нибудь другим случаются, а мне – не надо.

Возле здания аэропорта уже дожидался автобус. Мы быстро зашли внутрь: я села рядом с Дашей, близняшки устроились позади и стали лениво наблюдать за Федей, который носился вокруг и руководил погрузкой багажа. Я думала, что засну, как только тронемся, однако не тут-то было. Серо-белые поля за окном, силуэты кирх, столетние деревья вдоль дорог, которые были проложены черт знает сколько лет назад... Я будто кожей почувствовала, как сильно здесь прошлое. Оно накатывало волнами, шептало, тормошило за плечо – вот же, вот, я тут, обернись! И там, где линии электропередач пропадали из виду, воображение тут же соскальзывало с полотна реальности. Абсолютно непонятно было, какой на дворе год. Тысяча девятьсот двадцатый? Тысяча восемьсот?..

– Ты это тоже чувствуешь, да? – шепнула Даша.

– Ага. Если ты про прошлое.

– Про него.

Когда же мы приехали в Светлогорск и поселились в небольшой уютной гостинице – домике в стиле фахтверк среди высоченных сосен, – сил нам хватило только на «спокойной ночи!» и «хороших снов!». И снились мне бесконечные тракты, по которым скакали конные рыцари, и оскалившийся месяц низко над горизонтом.

Проснувшись и посмотрев в окно, я увидела открыточную, идеальную зимнюю красоту. За ночь деревья облепило снегом, небо было ослепительно-синим, мир сверкал и переливался, будто припорошенный кристаллами Сваровски. Когда мы с Дашей одевались, чтобы спуститься на завтрак, я то и дело отвлекалась и принималась снова смотреть в окно. Уж слишком силен был контраст с сибирским лесом. Там тоже бывали снегопады, но внизу, под пологом веток, все равно царила тень подземного города. А наверху – серые фигуры Столбов, с которых сдувало любые сугробы.

– Так непривычно, – поделилась я, когда мы уже шли по лестнице вниз. – Слишком много света.

– Слишком ярко. И красиво, – кивнула Даша. – Кажется, нас вместе с этим местом вот-вот отиснут на открытке и отправят кому-нибудь с новогодним поздравлением.

– Если вытоптать сердечко на снегу, то и на Валентинов день сгодится, – усмехнулась я. Еще вчера Федя сказал, что мы здесь до середины февраля. А потом отправимся в следующий филиал. Ну, те, кто сдаст зачет по программе зимнего семестра.

– Написала что-нибудь родителям? Или друзьям? – спросила меня Лия, когда мы уже пили кофе, расправившись с горой блинчиков. Я удивленно посмотрела на нее. Обычно мы в разговорах не упоминали свое... обычное прошлое. Особенно людей из него. Зачем беспокоить скелеты, надежно запертые в шкафу?

– Пока нет. Но, наверно, надо. Хотя Сид говорил, они не будут беспокоиться.

– Мы вчера написали матери, – при этих словах Лия перевела взгляд на Мию и улыбнулась. Так, чтобы сразу стало понятно, кто

именно это все придумал. А кто – и не собирался даже. – Она в ответ прислала простыню. Что да как, да кто с кем, купил, приехал, уехал...

– Моя бы так же сделала, – кивнула Даша. – Все мамы одинаковые.

– Да. И я задумалась, может, зря у «Инея» не все филиалы в лесу? Это же жутко отвлекает.

– Тебя, – отрезала Мия.

– Я именно за себя и говорю, – Лия ответила мягко. Обманчиво мягко, потому что я видела, как у нее побелели костяшки, и задрожала зажатая в кулаке чайная ложка.

– Не знаю, – я пожала плечами. Не хотелось становиться ни на одну из сторон в этом споре. Сестренки потом помиряются, а вот ты для той, кого не поддержала, надолго останешься злыдней. – Не решила еще для себя, отвлекает или нет. Посмотрим.

Даша молча кивнула, соглашаясь, и налила себе еще кофе.

– Доброе утро!

Я подняла глаза и удивилась. Обычно Дэн общался с нами только во время уроков, поэтому видеть его во время завтрака было... необычно.

– Доброе, – отозвался Кирилл из-за соседнего стола. – Неужто в зимнем семестре мы будем учиться прямо в столовой? Чтобы пища духовная и материальная поддерживали друг друга?

– Нет, – качнул головой Дэн. – Тем более сегодня у вас вообще свободный день. Погуляйте по городу, осмотритесь, отдохните после дороги. Учиться будем с завтрашнего дня во вторую смену, для некоторых рецептов понадобится тьма.

А потом повернулся к арке, что вела на лестницу, и приглашающе махнул рукой:

– Хотел представить вам Лиру. Мы будем вместе преподавать этой зимой.

В столовую шагнула низенькая девушка, похожая на подростка, с коротким черным каре скобочкой и серебристыми глазами. Улыбка у нее была точь-в-точь, как у месяца из моих снов.

– Как ты думаешь, кто она? – шепнула Даша.

Вот уже два часа мы гуляли по улицам Светлогорска и слушали рассказы Лиры. Сначала долго разглядывали знаменитую

водонапорную башню и маленький, уютный центр города, похожий на декорации к фильму. Потом зашли в лавочку с янтарем, где хозяин внимательно посмотрел на нашу сопровождающую и вытащил из-под прилавка лоток с огромными камнями медового цвета, внутри которых застыли не какие-нибудь комары или мушки, а настоящие маленькие монстры. С шипами, когтями, зубами, чешуей и крыльями. Одновременно. Уверена, ни одного из них не было в справочниках по зоологии.

– Это... продается? – удивился и искренне восхитился Санечка.

– Нет, – усмехнулся продавец. – Пока просто демонстрируется.

– Когда дойдем до амулетов, – пояснила Лира, – можно будет приходиться за ингредиентами. У академии здесь открыт кредит. Получится, конечно, не бесплатно, но с хорошей скидкой.

Затем мы добрались до старого парка и стали спускаться к морю. Через пару минут Лира махнула рукой:

– Во-о-он там будем учиться.

Из-за деревьев виднелось небольшое здание с высоким крыльцом и зеленоватой, очень старой на вид разноуровневой крышей. При взгляде на нее перед глазами сразу поплыло. Например, я так и не сумела сосчитать чердачные окошки, которые, казалось, хитро рассматривали нас. Как будто решали, достойны ли мы перейти в другое измерение.

– И не опаздывайте, пожалуйста, – Лира говорила спокойно и мягко, от нее не веяло инаковостью, как от Дэна, но я решила, что пока рано расслабляться. Улыбка ощерившегося месяца не шла из головы. – В некоторые рецепты входит зеленый закатный луч, его непросто поймать, поэтому занятия расписаны по секундам.

Доведя нас до набережной, Лира поправила волосы, глядя куда-то вдаль, за горизонт, и распрощалась:

– Гуляйте, дышите, отдыхайте... И еще раз добро пожаловать в Рузе-Мотер!^[7]

Развернулась и пошла обратно вверх... Лишь дождавшись, когда она совсем скроется из виду, Даша наклонилась ко мне и зашептала.

– Кто она? – переспросила я. – Пока не поняла.

– Но точно не человек.

– Угу, – я задумалась на секунду. – Кто-то... ночной, наверно. Видела, какие у нее широкие зрачки?

– Может, она просто рада нас видеть, – вмешался Витек, которого в разговор никто не звал. – До состояния крайнего умиления и экстаза. И вообще, она миленькая.

Даша медленно смерила его взглядом, потом посмотрела на Мишу... на Санечку... и, прищурившись, криво улыбнулась Кириллу.

– Теперь вижу... насколько она миленькая.

– Эй, ты чего... – начал было Кирилл возмущаться, но Даша покачала головой:

– Тс-тс-тс. Давайте продолжим, когда вас попустит.

И, не слушая, что там бурчали парни в спину, быстро пошла по набережной, таща меня за локоть. Близняшки переглянулись и припустили следом за нами.

– Русалка, – выдохнула Даша, едва мы достаточно оторвались от остальных. – Зуб даю, она русалка.

– Меняю зуб на работу пояснительной бригады, – тут же подхватила разговор Мия. – Почему?

– Видишь, как на парней наших действует? У них взгляды... такие, – и обрисовала ладонью в воздухе замысловатую загогулину. – Сложные. Хочу ли я... Могу ли я... И далее по тексту о магнолии.

– Надо подробнее почитать местные легенды, – пробормотала я, подняла глаза... и застыла.

Оказывается, мы почти дошли до знаменитых солнечных часов.

– Ух ты! – восторженно прошептала Лия. – Какие они...

Даже сам по себе десятиметровый круг мозаики со знаками зодиака выглядел внушительно. Но в паре метров над ним воздух еще и переливался сине-зеленой вуалью, словно крошечное северное сияние. Посередь бела дня. Не на крайнем севере.

– Что это... – спросила было я и, не закончив говорить, внезапно поняла. Это было то же, что и в филармонии или рядом со Столбами, переход между измерениями, искривление реальности. Интересно, что надо сделать для того, чтобы туда подняться?

– Ты думаешь о том же, о чем и я? – улыбнулась Даша.

– Наверняка. Думаю, после наступления темноты здесь совсем нет туристов...

– Именно!

– Приятно, когда программа на вечер заранее известна, – мурлыкнула Мия.

Однако все оказалось не так просто.

* * *

– Готова... – выдохнула Даша, и мы с близняшками присели, напряглись и на выдохе подкинули подругу вверх со скрещенных рук. Она взлетела высоко в воздух, метра на три, и на мгновение мне показалось, что у нас вышло... Но нет. Переход не получился, «северное сияние» над часами издевательски мигнуло, и Даша, ойкнув, приземлилась на камни.

– Бесполезно, – покачала головой Мия. – Кажется, все перепробовали.

– И замерзли, – добавила я. – Давайте в гостиницу, а?

Мы потратили больше часа, пытаюсь понять, как именно здесь работает переход в измерение Инея, но потерпели сокрушительное поражение. Все попытки нащупать тот самый сдвиг реальности, услышать щелчок ее граней, посмотреть на мир под другим углом оказались неудачными. То ли мы не учитывали какую-то мелочь, то ли еще не были настолько сильны, чтобы перейти здесь.

– Чувствую себя лисицей, – пробормотала Даша, когда мы все-таки сдались и пошли обратно, пряча замерзшие носы в воротники пальто.

– Почему не птицей? – тут же отозвалась Мия.

– Разве что пингвином. Глупым. С телом жирным в утесах.

– И никакая ты не жирная!

– Однако ж не летаю. Не. Это все виноград. На вид-то он хорош, да зелен.

– Да-да, – кивнула я. – Наверняка нет там ничего интересного.

– Может, это просто иллюзия.

– Чтобы прикалываться над наивными студентами! – подытожила Даша и хихикнула.

Навстречу нам из темноты выплыли мальчики.

– А мы это... прогуляться, – сообщил Кирилл.

– А мы уже... прогулялись, – хитро улыбнулась Даша.

– Жестокие мы, – вздохнула я, когда мы взаимно расшаркались и разошлись. – Могли бы им сказать, что ничего не получится.

– Ну, во-первых, вдруг так получится... А во-вторых, пусть сами обретают бесценный опыт!

Издали гостиничный домик был похож на рождественскую игрушку со свечкой внутри. Светился оранжевым, манил к себе, каким-то неуловимым манером превращая окружающие сосны в декорации, словно вырезанные из бумаги.

– Что это там? – спросила Лия, когда мы уже поднимались на крыльцо.

– Где?

– Возле живой изгороди... Во-он, чуть дальше...

На маленькой полянке перемигивались крошечные огоньки. То ли светлячки, то ли фонарики, то ли...

– Ух ты!

Это оказались крошечные домики, то ли каменные, то ли керамические – в темноте не разобрать. В их окнах горели малюсенькие свечи. И если смотреть осторожно, буквально краем глаза, то казалось, будто внутри кто-то ходит и даже разговаривает. Или это шептались деревья?

– Интересно, кто их зажег, – прошептала Даша. – И зачем.

– Предлагаю прийти утром и рассмотреть все в подробностях, – предложила я.

Но когда мы вернулись туда сразу после завтрака, поляна была абсолютно пуста. Как будто игрушечный город нам привиделся.

Через две недели мне казалось, что осень закончилась давным-давно, целую жизнь назад. Столбы превратились в призрак-воспоминание, а Светлогорск... словно был всегда. Теперь мы долго просыпались по утрам и валялись в постели, болтая о пустяках, медленно и обстоятельно завтракали, потом гуляли по городу или по променаду возле моря. У нас завелись любимые белочки, которые спускались на крыльцо по стволу самой толстой сосны и радостно цвиркали, завидев угощение: орехи и семечки. Мы играли в снежки, построили с мальчишками ледяную крепость, ходили вместе обедать в кафе неподалеку, где делали эталонный оливье, а однажды всем курсом даже отправились на каток.

Кто-то катался лучше, кто-то хуже, некоторые щеголяли умением ездить вперед спиной, а другие позорно падали, и не один раз.

Наверно, издали – в своих черных пальто с длинными полами – мы напоминали стаю ворон, которые опустились на лед и поражали окружающих: кто изяществом, кто нелепыми движениями.

– Как в страшной сказке Пройслера, – сказала Даша, когда мы, запыхавшиеся, но довольные, шли в гостиницу. – Помнишь, где они все превращались в птиц?

– Угу, «Крабат», – кивнула я и в который раз поразилась. Кажется, на Дашу постепенно переходило тайное благословение наших преподавателей. Умение читать мысли. Все чаще она успевала озвучить то, о чем я только начинала задумываться.

– Брр, – Мия поддернула вверх воротник пальто и поежилась. – Злая сказка. Они там умирали, и...

– А у нас-то не умирают, – развела руками Даша.

– И учитель у них – злой колдун!

– Наши-то феири – сама доброта. Возьмем, к примеру, Дэна.

– Туда сам дьявол заглядывал.

– Откуда ты знаешь, что он не заглядывает к нам?

Мия фыркнула, резко повернулась и быстро пошла вперед, почти побежала. Лия замерла на секунду, а потом бросилась ее догонять.

– Думаешь... – пробормотала я, когда мы с Дашей зашагали следом. – Думаешь... и вправду без него не обошлось?

– Не знаю, – Даша пожала плечами. – Даром преподаватели время со мною тратили, как говорится. Чем дальше нас учат, тем меньше я уверена хоть в чем-то. Ты вот точно знаешь, что нас ждет за поворотом? Дьявол? Морской царь? Распределяющая шляпа? Я, например, ничему уже не удивлюсь.

Однако она не угадала.

За поворотом нас ждал... Точнее, не ждал, а шел навстречу. Ну, может, и не навстречу, а просто по своим делам. Сид.

– Привет, – сказал он мне и улыбнулся.

– П... привет. А...

– Не получилось заглянуть к вам в лагерь на практику, извини, – он поймал мою ледяную ладонь и поцеловал. – И жаль, сейчас я здесь проездом. Но, думаю, получится поболтать на Зимнем балу.

Еще раз улыбнулся, выпустил мои пальцы и скользнул мимо. Когда я обернулась, на тротуаре уже никого не было.

– Что за Зимний бал? – пробормотала я. – Даш, ты что-нибудь о нем знаешь?

– Нет, – покачала она головой. А потом тоже обернулась и посмотрела вслед исчезнувшему Сиду. – Вот как они так... среди бела дня. А нам запрещают.

– Пока запрещают. – Я сунула руки в карманы и почувствовала, как заныли подушечки пальцев, будто в них воткнулись десятки иголочек. Сердце стучало все быстрее, разгоняя горячую кровь по венам, словно я только что пробежала десять километров. Нет, двадцать. Скорее двадцать.

– Обещала вернуться... на вечерней заре, – прошептала я, глядя сквозь стеклянную мензурку на горизонт над морем. Нежный, сливочно-оранжевый отсвет закатного солнца мешался с синими сумерками. Пальцы дрожали от напряжения, на верхней губе и на лбу выступили капельки пота, но я все не решалась их смахнуть – отвлечешься, пропустишь момент, и придется завтра начинать все сначала. И пусть список зелий для сдачи зачета состоял всего из двенадцати пунктов, а впереди, казалось, еще много-много дней в запасе...

Первая звезда над горизонтом вспыхнула, когда синева еще не до конца размыла зарю, я щелкнула ногтем по стеклу и прошептала:

– Lucі.

И через мгновение отражение звезды крохотной оранжевой искоркой заметалось между стенками крохотного сосуда, а я быстро подхватила со стола палочку из серого агата и помешала зелье.

Готово! Неужели получилось?

Я отвернулась от окна, чтобы вернуться к столу, и чуть не врезалась в Лиру. Русалка посмотрела на мензурку у меня в руке, что-то беззвучно прошептала, склонив голову к плечу, а потом улыбнулась:

– Хороший цвет.

Бурая жидкость закручивалась внутри сосуда маленьким яростным водоворотом и менялась на глазах. Шла алыми полосами, как будто кто-то там, в глубине крошечной бушующей стихии, истекал кровью.

– Спасибо.

– Какие пропорции брала?

– По одной пятой: предательство, одиночество, горькое одиночество, предчувствие смерти... И последнюю часть из двух ингредиентов: любви и обманутой надежды.

– Поровну?

– Да.

– Неплохо, – Лира протянула пальцы к мензурке, в которой равномерно красная жидкость постепенно успокаивалась. – Если потом будет время, то поэкспериментируй с горьким одиночеством: его можно брать побольше, до одной трети. Тогда реакция будет более бурной и медленной, сможешь рассмотреть процесс в подробностях. Но и в текущем виде неплохо. Пойдет в зачет.

– Спасибо! Ура!

– А что ты там бормотала, пока ловила вечернюю звезду?

– Это... из мультика. Старого. Про ужасное чудовище, которое обнимает аленький цветочек, а его любимая все никак не возвращается. Хотя обещала вернуться...

– На вечерней заре, – кивнула Лира. Шагнула в сторону, чтобы видеть окно, и тоже посмотрела на горизонт.

Глаза у нее тут же поменяли цвет, нижнюю часть зрачка будто затопил океан, а верхняя выцвела, стала похожа на зимнее полуденное небо.

– Еще раз спасибо, – пробормотала я и быстро прошла мимо.

Несмотря на то что Дэн номинально присутствовал на занятиях, львиную долю знаний давала нам Лира. И это было ничуть не похоже на манеру обучения фейри. Если раньше приходилось действовать интуитивно, эмоционально, решать загадки, биться над головоломками и бояться оступить, бояться, бояться до тошноты, то здесь было совсем по-другому.

Списки ингредиентов.

Точные, очень четко сформулированные задания.

Понимание, что, если что-то не поняла, всегда можно спросить – и Лира расскажет, покажет, буквально проведет за руку по всему процессу создания зелья. От и до.

В высоких сервантах, до потолка, ровными рядами стояли ингредиенты.

А еще маленькие горелки, каменные ступки с пестиками, порошки из драгоценных камней, медные, золотые и серебряные

опилки, таблички с точным временем захода солнца, метеорологические сводки предсказаний на ближайшие дни... Все, что могло понадобиться для того самого. самого черного зелья.

– Я не советую вам экспериментировать, – на первом же уроке сказала Лира, а Дэн у нее за спиной ехидно улыбнулся и возвел глаза к потолку. Мол, ох уж эта осторожность. Не одобряю. – Есть список утвержденных рецептов, работайте с ним. Все ингредиенты есть. И если – вдруг! это невозможно, но вдруг! – какого-то не найдется, попросите у меня. Достану.

– Это же очевидно, – пробормотал Витек.

Совсем тихо, но Лира, конечно, услышала:

– Нет, некоторым не очевидно. Пытаются проводить реакции не в лаборатории или пытаются достать сами из себя нужные эмоции, не дистиллированные.

– А что будет, если так сделать?

– В смысле глобальных последствий? – усмехнулась Лира. – Кто ж знает. Вы, кстати, тоже не узнаете, потому что я вам голову откушу. Превентивно. В воспитательных целях.

С занятий мы теперь возвращались около полуночи. Голодные как черти – заботливый Федя каждый день давал нам с собой бутерброды, но зачастую мы даже не помнили, когда и при каких обстоятельствах успели их сжевать. Сначала мы занимались с четырех часов до половины двенадцатого, но уже через две недели «звонок на первый урок» перекочевал на три часа пополудни. «Потому что солнце все раньше садится», – объяснила Лира. Кстати, когда все собирались в классе – огромном зале с массивными деревянными столами и стеллажами вдоль стен, – она и вправду звонила. В хрустальный колокольчик с серебряным язычком. Голосок у него был нежный и очень пронзительный. Проникал глубоко-глубоко, в самую душу, и напоминал... о всяком.

О боли.

Об обидах.

Страхах.

О мечтах, которые не сбылись.

О людях, которые ушли навсегда.

О надеждах, которые развеялись как дым.

О красивых иллюзиях, разбившихся на кусочки.

О глупостях.

Дерзостях.

Напрасных словах.

Одним словом, звонок на урок быстро и эффективно приводил нас в самое подходящее настроение для того, чтобы заниматься черной алхимией.

Мой внутренний мир пришел в удивительное, выверенное равновесие. Каждое утро – белое, сияющее, открыточное. Время для себя. Каждый вечер – черный, темный, острый, проворачивающийся раз за разом кончиком ножа в сердце. Время для учебы. А между ними – ночное чаепитие и сон. Перезагрузка.

По дороге в гостиницу мы обычно молчали. Потом приходили в столовую, добывали из холодильника «ночную еду», как метко окрестила ее Даша, наливали из большого пузатого самовара чай, уходили в комнату к близняшкам – или к нам – и уже там начинали разговаривать. Оттаивали. Приходили в себя.

Но в ночь с двадцатого на двадцать первое декабря Лия заговорила, едва мы вышли из парка и свернули на улицу, ведущую в сторону гостиницы.

– Глядите! – громко прошептала она и дернула меня за рукав.

– Что?

– Где?

– Впереди! Три фонаря от нас, ну глядите же!

Сначала я не поняла, что она имеет в виду. Ну парочка и парочка. Они шли в ту же сторону, что и мы, держась за руки, каблук на сапожке девушки звонко щелкала по асфальту, она то и дело смеялась, пританцовывала и то и дело прижималась щекой к плечу спутника. Он же шел гораздо спокойнее. Высокий, стройный, очень изящный, как будто и не человек вовсе...

– Да ладно! – фыркнула Даша. – Это реально он?

Тут кавалер обернулся. В свете фонаря блеснула серебристая оправа очков. Пальто на груди у Дэна было распахнуто, шарф торчал из кармана, и улыбка была такой же обманчивой, как всегда.

Девушка тоже оглянулась. Я не могла толком разглядеть ее лицо – тень от надвинутого капюшона мешала, – но тут же, каким-то десятым чувством поняла, что она... человек. Обычный человек, такой же, как

мы... Точнее, какими мы были до Инея. Не фейри, не дриада, не ведьма, не состоявшийся алхимик.

– Это мои студентки, – представил нас Дэн, когда мы подошли. – Лия и Мия, Даша и Яна... А это Тина, моя девушка.

– Очень... очень приятно, – сообщили мы вразнобой, сказали, что спешим, пожелали приятного вечера и натурально сбежали с места встречи. Фигурально подбирая по дороге челюсти, упавшие на асфальт.

– Итак, что мы имеем, – сказала Лия, когда мы влетели к сестрам в комнату и буквально рухнули на ковер. Даже в столовую по дороге не зашли. Чай не налили. И ни одной булочки не взяли, что само по себе подвиг. – Наш самый добрый в мире фейри. Волшебный до мозга костей. Любитель сегрегации, не раз с презрением отзывавшийся об «обычных людишках»...

– ...таки с «обычной людишкой» встречается, – закончила Мия.

– Что ж мы такие злые, – покачала головой Даша. – Может, это не мы такие? А любовь. В смысле, зла.

– Полюбишь и человека, – кивнула я и вдруг почувствовала, что краснею. Потому что... ну, если один фейри может встречаться с человеком, то почему другой не может? Раньше я думала, что этого принципиально не происходит в подлунном мире, а тут оказалось...

Я не хотела додумывать эту мысль, но она уже додумала сама себя и стучала в виски. Так сильно и горячо, что хотелось побежать к окну, распахнуть обе створки и ласточкой нырнуть в снег. Там ведь сугробы по метру высотой, разбить голову шансов почти нет, а вот охладиться срочно нужно.

Если фейри может встречаться с человеком, значит, и Сид мог бы встречаться со мной, так ведь? «Угу, – тут же отозвался внутренний голос. – Мог бы. Если бы захотел. Но кто сказал, что он этого хочет?»

Наутро после завтрака Федя попросил нас задержаться в столовой. Выглядел он при этом серьезно и торжественно как никогда.

– Занятий сегодня не будет! В честь самой длинной ночи в году... – провозгласил он и взмахнул веером из бумажных конвертов. – Мы подготовили для вас сюрприз. Здесь персональное приглашение для каждого из студентов.

– Неужели на Зимний бал? – шепнула Даша, и я чуть заметно кивнула, прикусив губу.

– Сейчас я раздам приглашения. И очень прошу вас не делиться с друзьями направо и налево тем, кто что получил. Они разные. Тем интереснее потом обсуждать будет...

Взяв у Феди конверт со своим именем, я с трудом подавила желание тут же разорвать его. Поднялась в комнату, перескакивая на лестнице через две ступеньки, и уже там аккуратно обрезала край маникюрными ножничками. Приглашение было напечатано на матовой черной бумаге, присыпанной серебристыми блестками.

«Яна, рады пригласить вас на Зимний бал. Ваша машина прибудет к гостинице в 18.00».

Уфф. Сердце пропустило удар. Зимний бал, и Сид там будет. Только... Только в чем я туда поеду? На балу, наверно, принято появляться в платьях... а у меня только джинсы и брюки, даже юбки ни одной нет. Интересно, где-нибудь в округе есть магазин с бальными нарядами? Вряд ли. Это же не самая частая из потребностей – потанцевать... Хм. А смешно было бы, если бы вместо ужина каждый день у всех людей по расписанию были вальсы и танго. Тогда в супермаркетах обязательно появился бы отдел с роскошными платьями, и даже в магазинчиках у дома висела бы в углу пара-тройка тряпочек в стразах и жемчугах.

– Ну что? – перебила Даша мои мысли, влетев в комнату. Выглядела она встрепанной и взволнованной, но при этом очень довольной.

– Ничего, – я помахала приглашением. – Думаю, как ехать на бал, если у меня ни платья, ни туфель.

– О, все-таки ты именно туда. Поздравляю, – улыбнулась она. – Расскажешь потом, как оно?

– А... тебе что досталось?

– Ну, в моем конверте было приглашение на концерт органной музыки в соборе на острове Канта. Но я сбегала к мальчишкам, и... – она прижала к груди серый бумажный квадратик и закружилась. – Теперь у меня прогулка на катере вдоль Куршской косы и ужин в Танцующем лесу.

– Что за трансформация приглашений?

– Санечка поменялся, – Даша хитро улыбнулась и приложила палец к губам. – Чтобы у нас с Кириллом были одинаковые.

– Супер!

Через час к гостинице подъехали два микроавтобуса. Я сидела на подоконнике и смотрела, как Даша с Кириллом идут к ним по дорожке, показательно сунув руки в карманы. То и дело сталкивались плечами, как будто случайно, и фыркали друг на друга, вздернув нос. Кирилл наверняка умничал, а Даша язвила. Как всегда. Я надеялась, что они хорошо проведут время... наконец. А то все это осторожное кружение друг вокруг друга здорово напоминало сказку про лису и журавля. Шаг вперед – шаг назад.

– Давайте уже, – я сжала кулаки, на удачу. – Откусите у действительности кусочек счастья. Я буду за вас болеть.

Потом автобусы уехали, и пришло время болеть за себя. Решать, что делать с проклятым отсутствующим нарядом... И ровно в тот момент, когда я уже приготовилась отправиться в рейд по всем магазинам Светлогорска в надежде обнаружить хоть что-то чуть-чуть подходящее, в дверь постучали.

– Да-да! Открыто, – крикнула я. И на пороге вырос Федя с огромной плоской коробкой в руках.

– Чтобы соблюсти дресс-код на сегодняшний вечер, – пропыхтел он, осторожно опустил коробку на пол, вытер пот со лба и умчался прежде, чем я успела спросить хоть что-то.

Откинув крышку, я увидела черно-серебряную карточку. На ней было написано лишь одно слово: «Яне». Я повертела ее, отложила и откинула в сторону несколько слоев хрустящей жатой бумаги, под которой пряталось...

Платье.

Облако кружевной пены нежно-сиреневого цвета.

Лиф, расшитый крошечными жемчужинами.

И зеленые атласные ленты.

Боясь дышать, я вытащила его из коробки, приложила к груди и посмотрела в зеркало. Это было самое волшебное платье из всех, что я видела в жизни. Легкое, почти невесомое, переливающееся на свету, на ощупь – как лепестки фиалок. пышная юбка с кружевными оборками, гладкий лиф и расклешенные рукава. Сиренево-зеленая эльфийская сказка.

Воплощенная мечта.

Как будто его шили именно для меня.

Чуть позже – когда я нашла в себе силы оторваться от разглядывания платья – в коробке обнаружили туфельки на изящных каблуках, яблочно-перламутрового цвета, а еще браслет и колье. Из тяжелого, темного, зеленоватого жемчуга.

– Ух ты! – только и смогла вымолвить я, когда оделась и посмотрела на себя в зеркало. Оттуда смотрела незнакомая, легкая и изящная, красивая и неземная Яна. Я не помнила себя такой. Только в давних, полузабытых снах, когда все взрослое будущее было еще впереди и все дороги мира лежали у ног.

Я осторожно тронула зеркало пальцем, как будто не верила отражению, и медленно разделась. Открыла кран, набрала ванну горячей воды, медленно опустилась туда и долго лежала, глядя в потолок. Платье было слишком красивым, чтобы надевать его на уставшее, напряженное, скованное тело. Надо было расслабиться и привести себя в порядок.

Но в итоге я случайно заснула, и весь план по расслаблению, макияжу и укладке потерпел полный крах. Пришлось быстро-быстро выбираться из остывшей воды, дрожа от холода, суматошно сушить волосы и просто убирать их наверх в растрепанный пучок, одной рукой красить глаза, а другой – наносить блеск на губы. Успела минуту в минуту: когда Федя постучал в дверь, чтобы проводить меня к машине, я как раз надевала туфли.

– Красота! – воскликнул он.

– Страшная сила, – согласилась я и шагнула через порог. Теперь главное не простудиться. Вот будет смешно-то, а.

– Яна... – послышался восхищенный вздох откуда-то сзади, я обернулась и увидела Лию. В узком бархатном платье, черном, как ночь, расшитом сияющими кристаллами-звездами.

– Вау, – только и могла произнести я. – Ты тоже на бал?

– Получается, что так, – она пожала плечами. – Представляешь, Мие досталось приглашение на концерт. И нам пришлось разделиться. Она сказала, что это как в фильмах ужасов, вот.

– Думаешь, там раздают платья? – хихикнула я.

– Боюсь, что нет.

– Она будет злиться?

– Да, – Лия мотнула головой и посмотрела куда-то мимо меня, далеко-далеко. То ли в прошлое, то ли в будущее. – Думаю, что да. Здесь мы почему-то ссоримся. Хотя никогда раньше не...

– Все наладится, – пробормотала я, не зная, что это – слова утешения или правда.

– Девочки, идемте, – вмешался Федя, о котором мы ухитрились немного забыть. – Машина ждет.

– Слушай. Может, ты поможешь ей с зельями? – спросила Лия, когда мы уже спускались по лестнице. – От моих советов она бесится. Слова Лиры пропускает мимо ушей. Всего один зачет получила пока... И тот нечестно. Потому что я подлила ей свое зелье, когда она отвернулась.

– Помогу, конечно, – кивнула я. В предвкушении бала я готова была пообещать что угодно. Ну ладно. Почти что угодно и только тем людям, с которыми дружила.

– Спасибо, – ответила Лия и через секунду завопила. – Во дают! Потому что нас ждал роскошный черный кабриолет.

Стоило, конечно, садиться в такую дорогую и пафосную машину, чтобы большую часть дороги провести в тоннеле, а потом в гигантском лифте, который медленно, со скрипом, опускал нас на уровень набережной.

– Кем ты себя чувствуешь? Золушкой или королевой бала? – задумчиво спросила Лия, натягивая черные кружевные перчатки до локтей.

– Ни той, ни другой. Еще... не понимаю кем.

– Интересно, по какому принципу нас выбирали.

– Интересно, – я прикрыла глаза. В памяти снова всплыли слова Сида про встречу на балу. В тот момент он уже знал, что я отправлюсь сюда? Или это благодаря ему у меня появилось приглашение? Вопросы, вопросы. Сплошные вопросы. Чем ближе к тебе подходит фейри, тем неопределенней становится жизнь, это я уже уяснила.

– Приехали, – водитель подрулил к узкой неприметной двери в стене подземного тоннеля. – Вам сюда. Хорошего вечера.

– Спасибо, – хором сказали мы, а потом очень долго выбирались из салона, пытаясь не запутаться в платьях, не наступить на платья, не сесть друг другу на платья...

– Почему об этом не пишут в романтическом фэнтези про псевдоисторические времена? – воскликнула Лия, когда мы наконец-то героически справились с непосильной задачей «выйти из машины». – Героини там ловко выпархивают из дилижансов и карет, а надо бы, надо бы...

– Надо бы, чтобы это происходило на протяжении страницы как минимум – рассмеялась я.

– От половины страницы до двух. В зависимости от пышности юбки.

– Хороший критерий, чтобы отличить попаданку от той, кто тренировалась выходить из кареты с самого детства! – я наставительно воздела палец. – Время на покидание транспортного средства.

– В стрессовой ситуации, – улыбнулась Лия, толкнула дверь, и мы оказались в темном коридоре, освещенном факелами. Ледяной зимний ветер тут же ударил в лицо, и я почувствовала, как леденеют пальцы.

– Давай быстрее... – начала было я, но тут подземелье словно почувствовало, что мы мерзнем, и дохнуло на нас теплым воздухом.

– Спасибо за обогрев! – вежливо сказала Лия куда-то в потолок, и мы пошли вперед.

Через несколько минут коридор вывел нас на променаду. А точнее – к маленькой ротонде в виде солнечных часов.

– Добрый вечер, – из темноты вынырнула Лира в черно-серебристом чешуйчатом платье. А следом за ней – еще трое наших сокурсников. Мне хватило нескольких секунд, чтобы понять... Что-то не так. Все они были в нарядах цвета ночи.

У Зарины платье, как пустынная пыльная тьма.

У Ани – чернильно-синее летнее небо.

У Витька... о, как же смешно он выглядел в нарядном фраке и с кружевным воротничком! Фрак у него был как лоснящиеся валы грозового моря, черный с зеленоватым отливом.

И расцветенный звездами бархат у Лии...

Я тряхнула головой. Почему я тут такая белая... то есть, сиреневая ворона? Что происходит?

Тем временем Лира уже шла вперед, показывая дорогу. И с каждым шагом поднималась все выше и выше над землей, по невидимым ступенькам.

– Сами вы не сможете завершить переход, – сказала она. – Не доросли... не доучились еще. Но я всегда помогаю первокурсникам попасть на бал. Тем, кто лучше всего проявил себя в алхимии.

А потом обернулась и посмотрела мне в глаза:

– И тем, кого позвали фейри.

Я поднималась все выше по невидимым ступенькам, глядя в спину Лире, и никак не могла перестать размышлять над ее словами. «Позвали фейри...» – значит ли это, что меня позвал Сид? Или не он? Или... не только он? Кем... или чем я буду сегодня вечером? Уж точно не той, кто лучше всех проявил себя в алхимии. Я закусил губу, пытаюсь делать вид, что все в порядке, хотя внутри все дрожало, сердце то и дело обрывалось и дыхание перехватывало.

– Вот он, чертог для танцев, – Лира остановилась и повела рукой, будто отводя в сторону призрачную завесу.

– Вот это да-а-а... – выдохнула Лия и ткнула меня в спину. – Не зря пытались сюда забраться, да?

– Ага, – ответила я и поняла, что хотя бы на несколько минут избавлена от горечи и размышлений о неопределенности собственного бытия. Потому что невозможно одновременно переживать и отчаянно, изо всех сил, искренне восхищаться. Это была лучшая из танцевальных площадок, которые я видела в своей жизни. Ни один бал ни в одном фильме, мультике или книге не мог похвастаться такими волшебными декорациями.

Вместо пола под ногами сверкал и переливался огромный круг из полупрозрачной мозаики. Он повторял знаки зодиака с солнечных часов внизу, только вот... здесь они были словно живые. Медленно двигались, пританцовывали, то появлялись, то исчезали и, кажется, даже пытались говорить друг с другом. Стрелка же этих гигантских «часов» уходила в недостижимую высь, и оттуда к краям площадки тянулись цепочки огоньков. Это были крохотные факелы, пламя в которых металось и подмигивало, наполняя зимний вечер живым теплом. Тем самым, которое помогало человеку пережить самую длинную ночь в году и сто, и тысячу лет назад. В центре круга несколько пар танцевали степенный и плавный танец, что-то старинное, завораживающее.

Внизу шумело и билось о берег море, а здесь было тепло, как будто нас защищал от ветра невидимый купол. В воздухе плыла нежная мелодия, словно перезвон тысячи колокольчиков. Я невольно оглянулась по сторонам, пытаюсь отыскать музыкантов и понять, что у них за чудесные инструменты. Хрустальные ксилофоны? Серебряные треугольники? Тростниковые флейты? Это была древняя музыка холмов, чужие напевы, не для человеческого уха, не для смертного разума... Я прикрыла глаза и почувствовала, как мелодия подхватывает меня и словно укачивает.

«Прочь печали, прочь заботы, – названивали колокольчики. Совсем не такие, как перед уроками Лиры. – Прочь сомнения, прочь воспоминания. Долгая ночь, долгая тьма, шепот и шелест, черное серебро...»

– Привет, – сказал мне кто-то. Я вздрогнула и открыла глаза. Рядом уже не было ни сокурсников, ни Лиры. Зато была давешняя спутница Дэна. Она улыбалась мне и протягивала бокал, в котором танцевали золотистые пузырьки. – Я Тина, помнишь? Дэн вчера нас познакомил.

– Да-да, конечно. – Я рассеянно провела пальцами по щеке, потом взяла у нее бокал. – Привет. А что это?

– Что-то сладкое и игристое, – ответила Тина. И рассмеялась. – Звучит как ответ Капитана Очевидность, но фейри и вправду не дают имена своим винам... Ну, в привычном человеческом смысле. Если спросить, то тебе расскажут про тайное прозвище той виноградной лозы, что его подарила, и вернут еще пару календарных праздников, когда солнечные лучи дали ему свой отблеск, и обязательно историю бочки, в которой вино томилось. Но названия ты не дождешься. Точно.

– Хорошо знаешь фейри? – спросила я и тут же мысленно прикусила язык. О, Яна, великий мастер двусмысленных вопросов!

– Пожалуй, одного из них. Не то чтобы хорошо. Но неплохо. И это неплохо, – рассмеялась Тина. Я тоже осторожно улыбнулась. И решила, что раз уж разговор зашел о... Раз уж судьба привела ко мне «эксперта» по фейри...

– Слушай, а как так получилось, что ты и Дэн... Прости за слишком личный вопрос, но... Я очень удивилась, когда вас увидела. Он такой нечеловеческий, понимаешь? И вдруг...

– И вдруг я? – подняла одну бровь Тина. – Во-первых, про «нечеловеческий». Дэн, он ведь фокусник. И вы видите ровно то, что он предлагает вам увидеть. Может, следующий курс будет считать его милейшим другом всех людей. А старшие вообще думают, что он сам человек. Дэн обожает казаться, а не быть. А во-вторых... – она улыbnулась. – Мы в самолете познакомились. У меня тогда было разбито сердце... А с Дэном вдруг стало понятно, что в жизни еще куча интересного. И хватит уже страдать.

– Он предлагал тебе учиться в «Инее»?

– Нет, – рассмеялась Тина. – Я сначала и не знала про академию. Он сам учил меня. Ну, мелочам всяким. Фокусам. Иллюзиям. Крохотным чудесам.

Тина щелкнула пальцами, и над плечом у нее заплясала золотистая бабочка, осыпая кремовое платье сияющими блестками.

– В самолете познакомились... – пробормотала я. Интересно, это манера такая у всех фейри – знакомиться в самолетах? И добавила чуть громче: – Слушай, а ты не ревнуешь? Он же каждый год ищет для «Инея» людей... и большая часть из них – девушки с разбитыми сердцами.

– И что? Меня-то он не для «Инея» нашел. А для себя.

Для себя.

Я почувствовала, как кровь приливает к щекам.

И вспомнила:

«– Ты... обиделся?»

– На что мне обижаться?»

– Ты же говорил, что не надо тут учиться.

– Говорил. Но ты решила иначе».

Сид. Он с самого начала говорил, что мне нечего делать в академии. Что, если...

– Доброй ночи, – фейри появились из ниоткуда. Так, как это умеют только фейри. Еще мгновение назад рядом никого не было, и вот они уже здесь.

Один – блондин с длинной челкой, в своих любимых тоненьких очках, сегодня – с кроваво-красными стеклами. Дэн приобнял Тину, прижал к себе и закрутил в воздухе. Она ойкнула, и иллюзорная бабочка исчезла, взорвавшись снопом золотистых огоньков.

Второй – в темно-фиолетовом бархатном фраке, с идеальной прической – ни одного волоска не выбивалось из хвоста, перевитого серебряной цепочкой, воротник под горло, и взгляд такой... Что дыхание перехватывает. От Сида веяло пустынным пряным самумом и фиалками. Как тогда. В самолете.

– Привет, Яна, – сказал Сид. – Потанцуешь со мной?

Мы танцевали. Медленно кружились в вальсе под нежную музыку. Раз-два-три, раз-два-три... Время будто остановилось. Мне казалось, что вот уже вечность ладонь Сида лежит на моей талии. Его дыхание щекотало висок, и губы были совсем близко. Сколько минут мы уже танцевали? Или часов? Или дней? Спроси кто – я бы не сумела сейчас ответить. Не было ни мира вокруг, ни воспоминаний позади, ни планов на будущее. Реальными казались лишь мелодия и шаги. Раз-два-три, раз-два-три, раз... А потом я подняла лицо и увидела, как падающие звезды рисуют на темном небе блестящие росчерки. Как будто кто-то взял серебряные чернила и теперь писал заклинание на черном бархате. Вот только буквы слишком быстро выцветали, и я никак не успевала их прочесть.

Казалось, вот-вот, еще немного, и я пойму язык звезд. Смогу загадать желание, и все сбудется так, как суждено. Рыцарь убьет дракона, принцесса проснется от поцелуя, а колючий ядовитый терн, что оплел все королевство, развеется, словно дым. Веером осколков разлетятся хрустальные гробы и кривые зеркала, враги получают по заслугам, а друзья будут жить долго и счастливо. Жизнь распадется на куски и соберется заново. На этот раз правильно. Без ошибок.

А потом я поняла, что звездопад прекратился. И ночь переливается искрами лишь потому, что я плачу. Будто следы падающих звезд превратились в ингредиент, растворившийся в моих слезах.

– Я настолько плохо танцую? – прошептал Сид.

– Нет, что ты... – я провела кончиками пальцев по ресницам. – Ты... очень хорош.

– А ты очень смелая, – улыбнулся он.

– Почему?

– Потому что согласилась потанцевать с фейри в день зимнего солнцестояния, – усмехнулся Сид. – Мало ли чем это может закончиться?

– Знаешь... – задумчиво ответила я. – После осенней практики это звучит не так уж и страшно.

Сид прищурился.

– Но ты справилась.

– Я – да.

– И дальше тоже справишься.

– Почему ты так в этом уверен?

– Интуиция.

– Скажи... – я замялась. Сейчас, в безвременье танца, оба вопроса, которые я хотела задать, казались ужасно глупыми. Я чувствовала себя всего лишь крошечной искоркой на бесконечном пологие ночи, которая год от года укрывала и укачивала Землю и всех ее детей, и...

– Спрашивай, – голос Сида пробудил меня от размышлений, и я вдруг поняла, что звезды на небе сдвинулись.

– Это ты пригласил меня на бал?

– Я.

– Почему?

– Хотел потанцевать с тобой. Поговорить.

– О чем поговорить?

– О чем угодно. Иногда слова не имеют никакого значения... Если это не заклинания. Хотел просто услышать тебя, – ответил Сид.

А потом притянул меня к себе и поцеловал в висок.

Это было как удар тока.

Глоток ледяной воды в самый жаркий день.

Блеск серебристой стали, рассекающей плоть.

Осколок слова «вечность», вонзившийся в сердце.

– Надо же... – я ответила и не узнала собственный голос. Слишком спокойный. Как будто не было того водоворота чувств, который закручивался сейчас внутри, утягивая за собой последние обрывки разума и ясного сознания. – Надо же. Тогда мне хочется знать. Мы с тобой встретились тогда... потому что я была идеальной кандидаткой для учебы в академии? Или... у тебя были какие-то другие планы?

– Даже если и были, – тихо отозвался Сид, – ты решила по-другому.

– Элина сказала, если я снова стану обычным человеком, то мы с тобой больше не увидимся!

– Возможно, Элина обманула.

– Почему тогда ты не остановил меня?

– Потому что я не нарушаю правила игры.

– Какой игры?

– Такой, – Сид обнял меня, и я почувствовала, как бьется его сердце. Медленно-медленно. Совсем не как мое, которое, по-моему, уже собиралось проломить ребра и отправиться на свободу, в зимнюю ночь, далеко-далеко за горизонт. – Фейри не имеют права вмешиваться в жизни людей. Только когда те на грани. Когда в одной точке сходятся грани измерений и судеб. А я... – он закусил губу. – С тобой... Один раз я уже нарушил правила. Если бы я еще раз вмешался... Ничем хорошим это не закончилось бы.

– А теперь закончится?

– Смотря что ты имеешь в виду под «хорошим».

– Мы... – я закрыла глаза. И мысленно накрылась одеялом с головой. Как будто я в домике. И сплю. И все это не по-настоящему. – Мы с тобой... может быть...

– Ты хочешь знать, сможем ли мы встречаться? Как Тина и Дэн? – Сид отстранился и взял меня за подбородок. Когда я открыла глаза, то утонула в фиолетовом взгляде. Эльф смотрел не мигая одновременно на меня и сквозь меня, далеко-далеко, и, кажется, все никак не мог разглядеть то единственное, что ему было нужно. – В этой версии реальности – вряд ли.

– Почему?

– Кодекс запрещает мне встречаться с ученицами академии.

– А когда я закончу учиться?

Сид горько усмехнулся:

– Если.

– Ты пригласил меня сюда... – я медленно вытянула ладонь из его пальцев, чувствуя, что сейчас снова расплачусь, – чтобы дать надежду, а потом...

– Яна. Я не знал, что ты ко мне чувствуешь. Вдруг мы бы просто потанцевали, сказали друг другу пару комплиментов и разошлись. Ко взаимному удовольствию.

– А теперь просто потанцевали и разойдемся ко взаимному горю?

– Не просто, – сказал он, а потом наклонился и поцеловал меня. Стал ветром, что обнимал меня за плечи и не давал упасть, стал воздухом, живительным и сладким, стал закатным небом, в которое я упала, раскинув руки. Стал росчерком древнего заклинания, тайным словом, ключом ко всем загадкам и тайнам. Земля перестала вращаться, время прекратило отсчет, и меня будто стерли из этой картинки. А потом нарисовали заново.

– Что бы я ни сказал, – прошептал Сид, отстранившись, – это не принесет тебе утешения. Сейчас. Но потом ты поймешь, что горя не будет. Правда.

– Почему?

– Потому что все будет так, как ты решишь. Не обстоятельства. Не я. Только ты сама.

Глава 9. Признания и проклятия

– Ты не слушаешь, да? – спросила Лия и дернула меня за рукав. Наверно, если бы она этого не сделала, я бы так и не пришла в себя.

– Прости. Не слушаю. Наверно... просто засыпаю.

– Ян, как ты можешь спать, когда вокруг такая красота?

Мы стояли на краю танцевального круга, лицом к светлеющему горизонту. А над головой у нас трепетали и плескались ленты северного сияния, тянулись над морем, отражались в волнах и делали мир игрушечно-сказочным.

– Красота, – послушно кивнула я.

– Ты какая-то... как кукла. Или даже замерзшая кукла.

– А ты – наоборот. Отвратительно бодрая для восьми с лишним утра, учитывая, что ночью мы не спали.

В ответ Лия победно улыбнулась и вытащила откуда-то из рукава маленькую бутылочку. Как заправский фокусник. Протянула мне. Я прищурилась, разглядывая бриллиантовую искру, плавающую в жидкой черноте.

– Что это?

– Ингредиент. Мой. Собственный! Я загадала желание и поймала отблеск падающей звезды.

– Ого. Но Лира говорила...

– Не экспериментировать самим! Без присмотра. А тут она показала нам, как это делается! От и до. Представляешь? Было ужасно интересно. Только извини, что я тебя бросила и вообще...

– Не извиняйся, – я фыркнула. – Я же не лучший алхимик курса. В отличие от вас. Так что все было правильно.

– Тебе не было скучно?

– Нет, – вот тут я была искренна на все сто процентов. Скучно мне на Зимнем балу точно не было. – Мы поболтали... с Тиной. Потом я танцевала... А ты?

– Что – я?

– Удалось потанцевать?

– Нет, – Лия усмехнулась. – Меня, кстати, приглашали. Студенты старших курсов, незнакомые. И даже Витек сподобился. В своей

неповторимой манере гопника. Ты его представляешь в ритме вальса?

– Вот и посмотрела бы.

– Мне не настолько интересно, – она резко тряхнула головой. Потом медленно провела пальцем от виска к краю рта, по бугорку шрама. – Не для того я выжила, чтобы наступать на эти грабли второй раз. Никаких мужчин. Никакого флирта. Соплей. Чувств. Как-нибудь без меня.

– Прости, что напомнила...

– Да брось, – Лия попыталась улыбнуться, но в глазах ее все еще плескалась злость. – Ты же не нарочно. Оно и не болит... Пока не вспоминаешь.

Первый лучи солнца показались из-за горизонта, и пол у нас под ногами задрожал. Послышалось громкое «зонн», и факелы начали гаснуть и падать вниз.

– Спасибо вам! До следующей долгой ночи! – закричали тоненькими голосами, и тут я увидела, как из ниоткуда появляются маленькие музыканты с флейтами и лютнями, раскланиваются и тают в воздухе, словно мираж.

– Пойдемте, – к нам подошла Лира. – Через несколько минут тут все начнет разрушаться... Надо успеть уйти раньше. Чтобы не простудиться на ветру.

Толком не помню, как мы добрались до ротонды, а потом шли по подземному коридору. Когда же мы расселись по машинам, я на секундочку прислонилась виском к стеклу и заснула. Кажется, Лия смеялась, когда мы приехали. Выпихивала меня наружу и утверждала, что я точно попаданка, а не настоящая принцесса. Ибо настоящие принцессы спят в хрустальных гробах, а не в лимузинах, которые вот-вот превратятся в тыкву, потому что самая длинная ночь закончилась.

В итоге Лия и, по-моему, Федя вели меня по дорожке к гостинице, а потом по лестнице, вверх, в спальню, а я пыталась врезаться во все углы и слезно просила оставить меня в покое. А потом уткнулась лицом в подушку и спала-спала-спала. Не снимая платья. Если бы кто-то задумал рисовать картину «Утро после бала», из меня бы получилась отличная модель.

«А могла бы оплакивать несостоявшийся роман с фейри», – желчно сообщил внутренний голос, когда я на мгновение проснулась, чтобы перевернуться на другой бок.

«Вот такая я неромантичная, что ж поделаться», – зло ответила я, и, как назло, до полудня смотрела сны про фиалки и круги на траве.

Проснулась я оттого, что Даша тянула меня из-под одеяла за пятку и распевала утреннюю песню: «Вставай, вставай, постели заправляй!» На дворе был самый что ни на есть день, в голове тоненько звенело, желудок негодовал, что его уже тысячу лет не кормили, а еще я отлежала руку. Представляла собой, короче, воплощение бодрости и веселья.

– Ничего себе! – завопила Даша, когда я наконец откинула одеяло и предстала во всей красе. В платье, которое оставалось прекрасным даже в слегка помятом виде, и с отпечатавшимся на щеке жемчужным колье. Сиреневое кружево на юбке тут же напомнило про Сиду и его глаза, и мне захотелось срочно заснуть снова. На день. На неделю. На месяц. Интересно, сколько мне понадобится времени, чтобы его забыть? И не забивать голову глупостями.

Или... не забывать. А наоборот, постараться понять, что он имел в виду, когда говорил, что решение в итоге будет за мной. Разгадать все намеки и недомолвки прошедшей ночи.

– Хорошо повеселилась? Эй, ну что ты такая сонная? Хватит сидеть, как фиалковый сыч!

Да уж. Так меня еще никто не называл.

– Почему сыч?

– А ты вертишь головой, хлопаешь глазами, и выражение лица, то есть клюва, такое, как будто мышки разбежались и охота не удалась.

– Ну... – я извернулась и начала расстегивать мелкие пуговички на боку. – Не то чтобы совсем не удалась.

– Рассказывай!

– Нет уж, ты первая.

– Почему я?

– Потому что ты сияешь и пузыришься от восторга. Если срочно не расскажешь, то взорвешься!

– То есть это ты обо мне заботишься? – Даша так хитро прищурилась, что я не выдержала и рассмеялась.

– Ага-а-а-а.

– Ну ладно. – Она принялась деловито загибать пальцы. – Мы потерялись в лесу, на десерт после ужина давали лимонные

таргалетки, закат был крутым, чайка накакала на голову экскурсовода.

– Боюсь спросить, какое именно из этих трогательных событий так проняло прежнюю хмурую Дарью, что она согласилась поменяться с тобой внешностью. Неужели чаячье непотребство?

– Не угадала.

– Ммм... Даже не знаю. Возможно, ты потерялась в лесу не одна?

– О, уже теплее.

– Небось с Кириллом.

– Угу-у-у-у.

– Надеюсь, он позволил себе больше, чем просто подержать тебя за ручку?

В ответ Даша покраснела и засияла еще ярче.

– Даже та-а-а-ак, – пробормотала я, выкручиваясь из платья. – Рада за вас. Правда. Очень.

– Еще ж неизвестно, что из этого получится...

– Получится – не получится, это все гипотетически. А здесь и сейчас вы вместе. И с чувствами... у вас взаимно. Да?

– Да.

– Ну и наслаждайся моментом. Ты крутая. И смелая. Разрешила себе влюбиться после всего...

– Это же не я. Это сердце, – Даша скорчила обвиняющую рожицу и ткнула себя пальцем в грудь.

– Ловко переводишь стрелки, – кивнула я и ушла в ванную. А там долго пыталась успокоиться. Мое собственное сердце билось часто-часто, как будто гнало меня бросить все и бежать. За глупой влюбленностью. За фейри, который исчез на исходе ночи. За несбыточной мечтой, которая того не стоила. Или все же стоила?..

– Сегодня буду читать вам теорию, – сказала Лира, когда все собрались в аудитории. – В таком не выпавшемся и разобранном состоянии не стоит трогать ингредиенты.

– Скажите, а бывало так, – подал голос Санечка, – чтобы по недосмотру или там случайно получались крутые зелья?

– Возможно, – Лира повернулась к стеллажу и медленно провела пальцами по его деревянному полированному боку. – Но на вашем месте я бы спросила, каков процент удач в этих самых случайных экспериментах по недосмотру. А также скольких горе-

экспериментаторов даже в совочек не сумели смести после их подвигов. Еще вопросы?

Больше вопросов ни у кого не нашлось.

Хотя, судя по хищному выражению на лице у русалки, она не прочь была поведать о богатом выборе вариантов для тех, кто решил уйти из жизни напрямиком из алхимической лаборатории.

– В учебниках об этом написано от силы три строчки, – продолжила она и принялась расхаживать туда-обратно, заложив руки за спину. – Во введении. Их все обычно пропускают, не читают, забывают, в итоге забивают. А зря. Я вам сегодня эти принципы продемонстрирую... Вживую. Так точно запомните. И перестанете даже думать о том, чтобы заниматься самодеятельностью у меня на занятиях.

– Такая строгая, – шепнул Санечка. Кто-то явно дышал неровно к русалке. Или просто был легко внушаем и подвержен магии морского народа?

– Не строгая, а милая и добрая, – тут же отозвалась Лира. – В отличие от многих своих коллег, я переживаю, когда приходится вычеркивать студентов из ведомости. Хочется, знаете ли, сохранить вас в нормальном физическом состоянии. А еще в здравом уме и трезвой памяти.

Она подошла к самому большому из шкафов и не глядя взяла оттуда пузырек.

– Кто скажет, что общего у всех ингредиентов, с которыми мы работаем?

– Они... эээ... злые?

– Темного цвета?

– Это отрицательные эмоции?

– Нет, нет и нет, – покачала головой Лира. – Вы пытаетесь смотреть на источник ингредиента. А в алхимии в первую очередь важны характеристики самого вещества. – Русалка взяла со стола кружку, из которой иногда пила чай, пока мы по несколько часов возились со сложными рецептами. Отщелкнула длинным ногтем пробку с пузырька. И резко перевернула его над кружкой. – Они жидкие.

– Так просто?

– Да. На первом курсе вы работаете с ингредиентами, которые можно ограничить. Налить в любую форму. Вытереть, если они пролились. Нагреть, охладить. Потрогать.

– А как же... – подала голос Лия. – Как же толченые камни, отблески звезд, металлы самих сосудов... Они же не жидкость?

– Хороший вопрос, – улыбнулась Лира. И тут я – задним числом, конечно, как это почти всегда бывает – поняла, что некоторым студентам она улыбается по любому поводу. Тем самым, которые вчера были со мной на Зимнем балу. – Отражения, порошки, камни и металлы никогда не становятся основой для зелья. Они всегда идут в дополнение. В отличие от обычной алхимии.

– Обычная алхимия, – чуть слышно прошептала Даша. – Бытовая. Изучается в третьем классе церковно-приходской школы.

Лира насмешливо посмотрела на нее, приподняв одну бровь:

– Да, аналогия со школой тут работает. На уроках еще более обычной простой химии вы работали с веществами, которые могли контролировать. Либо сами ученики, либо учителя. Ваш первый курс в «Инее» – примерно тот же уровень. Базовые вещи. Эмоции, ощущения, чувства, состояния. Все они концентрируются в жидкие ингредиенты, их легко отмерять и смешивать.

Она поставила кружку, нагнулась над столом и выдвинула ящик. Достала оттуда еще одну склянку, побольше.

– А вот с этим вы будете иметь дело на втором и третьем курсе, – она открыла крышку, и из пузырька вырвался клуб серого дыма. Поднялся под потолок и стал медленно растекаться в разные стороны. Лира несколько секунд смотрела на него, закинув голову, а потом вскинула руку, крутанула на пальце кольцо с огромным куском янтаря, и выкрикнула... что-то. Я всегда думала, что заклинания – это слова. А не гортанный консонанс, модуляции и переливы, тоны и звук дыхания. Но дым тут же повиновался, стянулся обратно в маленькое облачко и спустился к руке Лире. – Газообразные сущности. Чтобы с ними работать, надо сначала научиться ими управлять.

– Что это? – хмуро спросила Мия. Сегодня она была явно не в лучшем настроении. Кажется, впервые за время нашего знакомства они с самого обеда не разговаривали с Лией, разругавшись в пух и прах.

– Идеи. Намерения. Пожелания. Осознанные и продуманные. Проклятия. Если неправильно с ними обращаться, результат... непредсказуем. Если с жидкостями можно справиться физически, то с этими – только силой мысли.

Лири щелкнула пальцами, и облачко втянулось обратно в склянку.

– А вот это – продвинутый уровень. Для тех, кто решит посвятить жизнь темной алхимии, – она достала из кармана банку. На первый взгляд обычную банку со светлячками. Встряхнула ее. И там, за стеклом, по кругу поплыли огоньки. Я сморщилась от боли. В висок как будто воткнули раскаленный гвоздь. Какое-то мучительное воспоминание, которое я никак не могла поймать за хвост... – Высшая степень абстракции. Судьба. Предназначение. Смысл жизни.

И тут я вспомнила. И тут же подняла руку:

– Скажите... А на вид можно определить, какой именно это ингредиент? Ну, его источник?

– Если точно знать, что это не отблеск звезды и не концентрированный осколок света, то да.

– А... – я замолчала на секунду, подбирая слова. – Если это серебряные искорки? Мелкие. Много-много. И один большой... похож на светлячка-переростка. Тоже серебристого цвета.

Лири заинтересованно прищурилась:

– Он висит на месте? Или двигается? Если да, то как?

– Резко. Мечется... метался из стороны в сторону. Как будто боялся. Чего-то. Или кого-то.

– В какой емкости он хранился?

– Ни в какой... – я зажмурилась. – Нет. То есть сначала ни в какой. Но там был большой хрустальный флакон. С кучей граней. Похожий на подвеску для старой люстры, но гигантскую.

– Могу ошибаться, – задумчиво протянула Лири, – но похоже на смелость и внутренний стержень. То, что позволяет идти своей дорогой, ни на кого не оглядываясь.

– Угу, – тихо сказала я, пытаюсь сдержаться и не расплакаться от головной боли. Ее так давно не было, что я уже успела отвыкнуть, и...

– Получается, ты раньше бывала в других лабораториях? – Лири подошла ближе и коснулась моего виска. Пальцы у нее были холодные и влажные. Они на мгновение отогнали боль... но потом та вернулась с утроенной силой. Я сжала зубы и откинулась на спинку стула.

- Нет. Не... бывала. Кажется... точно нет.
- Оу. Если ты видела, как с огоньками-абстракциями работали «в поле», значит, это был очень крутой алхимик.
- Наверно.
- Я кивнула. И потеряла сознание.

Очнувшись, я сразу не поняла, где я лежу, а главное – когда. На мгновение показалось, что недавние переживания были сном: и попытка переезда в Москву, и расставание с Валерой, и учеба в «Инее», и встреча с Сидом. Два года словно исчезли. Стерлись, истаяли дымом, просыпались пеплом сквозь пальцы. Та странная, не случившаяся авария рядом с аэропортом была будто вчера... или позавчера? Сейчас я встану, поморщусь от боли в висках, выйду из комнаты и увижу новогоднюю елку, и котов, и друзей. Которые будут задавать неудобные вопросы – почему Валера не позаботился обо мне? «Как это вообще, у твоей девушки сотрясение мозга, а ты ее в поезд запихнул – и пока-пока?» А я буду молчать, отворачиваться и сбегать на крыльцо, подышать ледяным воздухом.

Но потом я почувствовала, что кто-то погладил меня по голове. Осторожно и легко-легко, однако этого ощущения хватило, чтобы проснуться окончательно. И, прислушавшись к сердцу, понять, что встреча с Сидом мне не привиделась. И танец с ним – тоже. А значит, и все остальное не сон.

Попытавшись встать, я вскрикнула от ощущения гвоздя в голове и упала обратно.

– Тихо, – прозвучал голос Лирь. – Полежи еще немного. Воспоминание уйдет, и боль вместе с ним.

Тут картинка окружающего мира окончательно сложилась, и я поняла, что лежу на диванчике в аудитории, за руку меня держит Даша, а голова покоится на коленях у русалки. Свет не горел, но в окно заглядывала луна, и вся комната выглядела как чернильно-серебристый набросок действительности.

– Не волнуйся, – Лира убрала волосы с моего виска, наклонилась и подула на лоб. Дыхание у нее было холодным, с соленым запахом моря и приближающейся грозы. – У всех, кто находится рядом с ингредиентами третьего порядка, болит голова. Есть даже хитрость,

которую алхимики передают из поколения в поколение. Если виски ломит, значит ингредиенты настоящие, не подделка и не иллюзия.

– Но... я видела их очень давно. Два года назад. Почему именно сейчас...

– Рузе-Мотер – земля погребов, край памяти. Здесь прошлое звучит громче и сильнее, чем где бы то ни было. Поэтому переживания такие же яркие, как и реальность, их породившая. Стоит только напрячься и вспомнить как следует... – Тут я почувствовала, как мне на скулу падают холодные капли. Одна, вторая, третья. Голос Леры звучал глухо и надтреснуто. – Здесь можно бесконечно бродить по тропинкам памяти, лишь ненадолго выныривая в настоящее. Хорошее место для тех, у кого когда-то было все. Лучше, чем сейчас.

Помолчав, она добавила:

– Но не для студентов «Инея». У вас ведь не самые приятные скелеты в шкафу... Хотя твое воспоминание очень, очень интересно. С точки зрения науки.

Теперь, судя по тону, Лера вернула себе самообладание. Превратилась в того самого строгого, но увлеченного и готового помочь преподавателя, которого мы успели узнать.

– Интересно?

– Работа с рецептом высшего разряда вне лаборатории, на глазах у человека... Хм, – она усмехнулась. – То ли безрассудство, то ли преступление. И если ты когда-нибудь захочешь со мной поделиться подробностями... Нет, я не прошу тебя делать это сейчас. Или завтра. Или через год. В любое время, если ты сочтешь это нужным. Приезжай сюда, пиши, звони. Я буду рада.

– Какими именно... подробностями?

– Хотя бы именем того, кто работал с рецептом. В идеале, его – или ее – местом проживания и родом занятий. Чтобы мы смогли при случае встретиться и поболтать... по душам.

В гостиницу мы с Дашей вернулись в четвертом часу ночи. Накануне ударил мороз, и, казалось, весь мир покрылся хрустящей глазированной корочкой. Белой, блестящей, холодной, до ломоты в зубах. Воздух кусал за щеки, пар от дыхания замерзал на ресницах крохотными звездочками. Светлогорск превратился в царство черных теней и сверкающих декораций, словно вырезанных из фольги.

Головная боль ушла, как и обещала Лира. Не осталось ни воспоминания, ни отзвука. А еще я осознала, как этой боли было много в моей жизни раньше. Постоянное фоновое напряжение, стук крови в висках, привычка пить обезболивающие при малейших признаках мигрени... Потому что, если не предупредить приступ, потом можно было и день, и два, и три мучиться, не в силах вытащить из черепа этот самый «гвоздь». Что ж, теперь я знала, откуда он взялся. И кто меня избавил от этого «проклятия». Сид. Голова перестала болеть с того самого момента, как мы впервые встретились.

Я размышляла, не стоит ли поговорить об этом с Дашей. Или пока самой обдумать и покрутить в уме новое знание о том самом видении про аварию... Но, когда мы поднялись на этаж и подошли к номеру, стало понятно, что все это придется отложить на потом.

На полу, прислонившись спиной к двери, сидела Мия с опухшими глазами и то и дело шмыгала носом. Ее лицо, которое было всегда идеальным, даже во время самых нелегких испытаний во время осенней практики и после бессонных ночей, сейчас пошло алыми пятнами и было расчерчено белыми дорожками из застывшей соли. Это ж надо было так долго и качественно плакать!

– Угу, – Даша с ходу оценила серьезность ситуации. – Исходя из того, что вас тут не двое, спрошу напрямую: с Лией поссорились?

В ответ Мия хмуро кивнула. Потом спросила хриплым голосом:

– Можно у вас сегодня поспать? Пожалуйста. Не хочу... с ней. Не могу.

– Можно, конечно. – Даша повернулась ко мне. – Кажется, тут только один вопрос. Кто остается с Мией, а кто пойдет ночевать к Лие.

– Если та уже не заснула и не заперла номер...

– Не думаю, – Даша сделала страшные глаза. Да, в принципе, и без страшных глаз было понятно, что ситуация из разряда «природные катастрофы и форс-мажоры». Что такое делает с людьми эта самая земля погребов, что за каких-то три недели пробежавшая между сестрами кошка разъелась до таких вот изрядных размеров? Или это курс алхимии виноват... Ладно, пусть зимой у нас индивидуальные зачеты. Но весной обещали снова командную работу, и пускать ситуацию на самотек было смерти подобно. Да еще и вспомнилось, как перед балом я обещала помочь Мие с рецептами...

– Если ты не против, то я останусь.

– Договорились, – Даша принялась открывать дверь. – Только возьму зубную щетку и пижаму.

– Если вдруг там закрыто, то ты возвращайся же!

– Ок.

Ни через пять, ни через десять минут Даша не вернулась. За это время я успела вскипятить маленький чайник, найти в тумбочке запас мармеладных лягушек и одну несчастную, богом забытую шоколадку, высыпала их на тарелочку и придвинула к Мие, соблюдая правила радушия и гостеприимства. Та умылась и выглядела теперь немного лучше, но все равно слабо напоминала ту идеальную девушку-с-обложки, которая поразила меня при первой встрече. Эстетически. В самое что ни на есть художническое сердце.

Уфф. Ладно. Можно было, конечно, промолчать, посмотреть сочувственно и лечь спать, но это не наш метод.

– Из-за алхимии? – спросила я.

– Что?

– Из-за алхимии поссорились? У тебя ж там сложности, а Лия, наоборот, молодец. Или из-за того, что на длинную ночь пришлось разделиться? Ну, как в фильме ужасов.

– Угу, – Мия взяла коричнево-желтую лягушку со вкусом колы и принялась задумчиво откручивать у нее лапку. Не глядя на меня. – И из-за того. И из-за другого. Глупо, да?

– Не думаю, – я пожала плечами. – Кажется, что если ты из-за чего-то долго плачешь... то это точно не глупо.

– Знаешь... – Мия взяла чашку и повернулась к окну. Прищурилась. – Мы приехали в Калининград. На концерт. А там... Мир такой огромный. Настоящий. Человеческий. Красивый по-своему. Не искаженный, не черный. И я поняла... как дико по нему скучаю. А ты? Ты скучаешь?

– Я... Наверно, нет.

– А почему?

– Хороший вопрос. – Я закинула руки за голову, легла на кровать и уставилась в потолок. – Наверно... потому что мне интересно. Здесь, в академии, какой-то... мой мир. Я даже когда просто записи Лейлы увидела, как будто их узнала.

– Лия похоже говорит, кстати. А мне, понимаешь, не интересно. Меня он пугает. И я скучаю по прошлому. По друзьям. По семье. Все

время думаю, как они там. Потом уговариваю себя: ну не зря же я поступила вместе с Лией? В ноябре... мы бы... вы бы не справились, если бы меня не было.

– Однозначно.

– И я такая: значит, все правильно. Как надо. А потом кричать хочется. А то закапываем себя в этом черном... гробу! Для чего? Ты знаешь, для чего все это? К чему мы придем?

– Пока нет.

– А мне кажется, что я знаю. К мести. И к сумасшествию. Ты же слышала, как Лия говорит, что она сделает после окончания «Инея»?

– Мы ведь не знаем, какими мы тогда будем. Может, это уже не важно будет...

– Важно! – Мия всхлипнула. – Мы шли вечером с занятий. И я говорю: «Вот, Яна видела, как колдовал какой-то идиот... И ее задело. Вдруг он кому-то как раз мстил? Ты хочешь стать такой же, как он?»

– Я так понимаю, это не первый ваш разговор на тему...

– Да. Но раньше она так не орала. У нее натурально крыша едет, Ян. От всей этой алхимии, звезд, загаданных желаний «чтобы все они сдохли». Она мешает эти мерзкие ингредиенты и улыбается. Как ведьма из страшных сказок. С каждым днем все шире и шире улыбается. Мы как будто идем в разные стороны. Первый раз в жизни.

– Может... – я не знала, как ее успокоить. Каково это вообще, когда твой самый близкий человек начинает меняться? И превращается в нечто чуждое и пугающее? – Может, когда-то это должно было случиться. Не сейчас и не с помощью «Инея». Вы же не собирались всю жизнь прожить вместе, в один голос и с одними мыслями? Лия ведь замуж собиралась...

– Ян... – Мия со свистом втянула воздух. – Я все время вспоминаю кое-что про наше общее прошлое... одно и то же. Утром и вечером, днем и ночью. Не могу отделаться. Мне кажется, что я и сама крышей тут поеду, если кому-нибудь не расскажу.

– Что?

– Сначала поклянись, что никому...

– Это звучит, как в советских повестях про пионеров. Что я должна ответить? Буду немой, как могила?

– Нет, – Мия со стуком поставила чашку на тумбочку. – Ответь лучше, что понимаешь: если мы с Лией насмерть поссоримся, у нашей

группы мало шансов пережить эту весну.

– Конечно, понимаю, – я даже обиделась немного. – Я ж не дура.

– Зато я – точно она.

– И почему же ты дура? – спросила я, когда пауза уж слишком театрально затянулась.

– Не было у жениха Лии никакой... любовницы.

– В смысле «не было»?

– Это я его проверяла, – Мия потянулась к тарелке с мармеладками и случайно сбила ее на пол. Я задумчиво проводила взглядом двух лягушек – зеленую и красную, – которые очень натурально проскакали ко мне под кровать, и только после этого осознала услышанное.

– Что-о-о?

– Ну, знаешь, как это бывает, – она развела руками. – Иногда девчонки проверяют своих бойфрендов. Ответит ли он на звонок незнакомки. Согласится ли пойти с ней на свидание. Будет ли флиртовать... или честно скажет, что у него есть девушка. И так далее.

– Но это же детский сад... – я чувствовала себя как по макушке пыльным мешком стукнутая. То, о чем говорила Мия, почему-то не желало укладываться в голове. Никак. Топорщилось и размахивало табличкой «да не может быть такого! нет!».

– Возможно. Но в итоге он был готов ей изменить. То есть я не зря все это затеяла.

– А... – у меня в горле застряла фраза: «А если бы ты не начала его проверять, может, в итоге ничего не случилось бы? Они бы поженились, и твоя сестра не разбилась бы на лыжном склоне?» Но я так и не сумела ее произнести. Сидела и глупо моргала.

– Сначала мы просто общались, как друзья. Болтали о том о сем. Потом я... увлеклась. Стала писать ему... всякое. Иллюзия влюбленности, отношения по сети, такие дела... Он был реально интересным собеседником, а еще красивым и со своим бизнесом... Был хорошей партией, как говорила мама. Мне он тоже нравился. Нам с Лией часто нравилось одно и то же. С детства.

– Да уж... – теперь я не знала, куда девать руки. Комкала покрывало на кровати и пыталась сосредоточиться на разговоре. В то время как в сердце проворачивалось огромное ржавое сверло. Может,

Валера меня тоже... проверял? Интересненько ему было, как я себя поведу, да? Детский сад. Штаны на лямках. Розыгрыши в социальных сетях. Только сегодня на арене глупая девчонка в роли белого клоуна, который рыдает из-за того, что его – ха-ха-ха – обдурили. Можете подарить ему цветы. Принести на могилку.

– Ну, я ж его хорошо знала... По Лииним рассказам. Чем увлекается, по чему фанатеет, представляла, чем его зацепить, а какие темы лучше обходить. Наверно, я казалась ему идеальной, – Мия пожалала идеальными плечами. – Самое смешное, что я не отличалась от Лии. Тогда не отличалась. Почти ни в чем. Но ему на расстоянии привиделось, что я свет в окошке, прекрасный сбывшийся сон, подарок судьбы... «Теперь я свободен и готов встретиться лично», – пропела она сладким голоском. – После этого я сначала его заблокировала. Потом снесла аккаунт. И симку выбросила.

– А дальше?

– А дальше я тысячу раз обвинила себя в том, что случилось дальше! – выкрикнула она. Маска показного спокойствия слетела с Мии, она стукнула кулаком по тумбочке, чашка звякнула, чай плеснул через край. – Я и представить себе не могла, что она все это... придумает.

– Придумает? С ней ведь несчастный случай...

– Несчастный случай неизбежен, если специально пить вино из горлышка, а потом отправляться на черную трассу! Я бы... Я бы никогда так не сделала. А Лия, вот... Оказалось, она как-то слишком сильно любила. И не могла справиться с тем, что он ее бросил. Когда она разбилась и была в коме, я дни и ночи сидела с ней и думала-думала-думала... Как же я виновата. И что я ее никогда не оставлю. В каком бы состоянии она ни была. До конца жизни.

– А потом, когда она очнулась... ее позвали в «Иней».

– Угу. Ее. А не нас двоих. Но мы посоветовались и решили, что поедем, если только нам разрешат учиться вместе. Видишь, почему у меня не складывается с алхимией? – она усмехнулась. – Потому что я не чувствую все эти «одинокость», «боль предательства», «обида». А ингредиентов формата «чувство вины» и «рефлексия бесконечная», которые мне знакомы и понятны, почему-то нет.

– Если бы ты могла вернуть время назад... ты бы поступила так же?

– Не знаю. Иногда мне кажется, что, конечно, нет. А иногда – что да. Может, я уберегла ее от большей беды. Или, наоборот, своими руками столкнула в пропасть.

Мы помолчали несколько минут.

Я считала ромбики на занавеске. О чем думала Мия – не знаю.

Потом она спросила:

– Как ты думаешь, что мне делать?

И ответить оказалось неожиданно просто:

– Уезжай. Тебе же не нравится здесь. Используй это как повод. Перечитай договор, выясни, что для этого нужно. И уезжай. Почисти еще раз все логи разговоров с ним, закодируйся, чтобы больше никогда в жизни не разговаривать во сне, найди того му... мужика и стукни его кирпичом по голове, чтобы потерял память. И живи, где-нибудь подальше от филиалов академии.

– Так радикально? – она подняла бровь. – Я думала об этом, но...

– Ты же представляешь, что будет, если Лия узнает? Ей-то и с одним предательством не сладко, а если она узнает, что их два...

– Серьезно? Считаешь, я ее предала?

– Да, – ответила я. И больше мы не сказали друг другу ни слова. До самого утра. Хотя, кажется, обе так и не сумели заснуть.

– Мия учит Лию жизни, – шепотом сообщила мне Даша за завтраком. – Вот в чем проблема.

– Мия учит Лию жизни, – повторила я. Помолчала несколько секунд, прикидывая, имею ли я право хоть кому-то рассказывать о том, что услышала ночью. Пожалуй, нет. – И одной этот процесс нравится, а второй – нет.

– Угу, – Даша обернулась и в десятый раз за пять минут посмотрела на вход в столовую. Близняшки так и не спустились на завтрак. Ни одна, ни вторая. – Как ты думаешь, придется мирить или сами разберутся?

– Ну... – я низко наклонилась над чашкой и принялась с чувством, толком и расстановкой давить ложкой кусочек лимона. – Я бы не делала ничего. Мы же в итоге крайними окажемся.

– Договорились, – кивнула Даша. – Но, знаешь... Давай ты в следующий раз, если понадобится, пойдешь ночевать с Лией. Кажется,

в ней злости больше, чем в нас остальных троих, вместе взятых. Неуютненько.

– Договорились, – очень быстро согласилась я. – Давай ты в следующий раз будешь выслушивать от Мии нравоучительные пассажи. О том, каким опасным и темным делом мы тут занимаемся. Неприятненько.

Даша тихонько рассмеялась и фыркнула в кружку.

А я поймала себя на мысли, что тоже хотела бы смеяться... но не могла. С тех пор как я узнала подробности о прошлом девчонок, у меня появилось предчувствие неминуемой беды. Легкое. Невесомое. Где-то на самом краю сознания. Как та самая трещина на зеркале. Вроде и пустяк, но мыслями постоянно к ней возвращаешься. Больше всего мне хотелось, чтобы Мия послушалась меня и уехала. Подальше от греха. Я готова была превентивно ужасаться объему практических заданий, разделенных на троих, а не на четверых, готова была не спать ночами, впахивать до кровавого пота и вывернуться наизнанку, лишь бы не знать, что рядом находится настоящая мина замедленного действия. И если та рванет, мало не покажется никому.

– Явились, – пробормотала Даша, я подняла глаза и увидела, что близняшки уже подходят к столу. Бледные и невыспавшиеся, но снова в полной синхронности движений и согласии в выражении лиц. Казалось, что все вернулось на круги своя.

– Помирились? – заботливо проворковала Даша.

Сестры в ответ молча улыбнулись и уселись за стол.

А мне, наоборот, захотелось вскочить и улепетывать из столовой подальше. Ибо, кажется, отъезд Мии откладывался на неопределенное время.

Значит, мне нужно было срочно решить для себя. То ли отращивать дзен, поливать его два раза в день, подсыпать удобрения, чтобы рос большим и сильным, и полностью устранить от происходящего между сестрами. Не лезть. А то вон к чему излишняя забота о ближнем приводит, очень наглядно это видно на лице у Лии.

Либо все-таки пытаться действовать в интересах группы. Помогать Мие с алхимией, сглаживать острые углы в общении, если понадобится, и постоянно держать руку на пульсе. Чтобы, если что, вовремя сорваться, бежать до канадской границы с Дашей под мышкой и просить политического убежища на другой стороне Земли.

Правда, ни в этот день, ни в следующий мне не удалось определиться. Правильное решение не приходило. Ни мозговой штурм, ни интуиция не помогали. Поэтому я просто плыла по течению. Со стороны казалось, что все как раньше. Сестры то ходили в обнимку, то цапались, но до серьезных размолвок дело не доходило. Мия ухитрилась получить зачет еще по двум зельям. И пусть мы с Дашей знали, что без Лии у нее ничего не получилось бы, галочки в учебной ведомости настраивали на оптимистичный лад. Мы, как и раньше, гуляли вчетвером, ходили в кафешки, собирались вечером в одном номере и болтали. Я пыталась делать вид, что все в порядке, но когда мы с Мией случайно касались друг друга плечами, меня передергивало. Где-то внутри. Чужое воспоминание засело в мозгу занозой и не давало верить в лучшее.

Чем дальше, тем чаще я сбегала от всех на набережную и часами смотрела на серое, злое зимнее море. Спускалась на пляж и ходила туда-обратно, похрустывая замерзшими водорослями. Несколько раз я сталкивалась с русалкой, которая босиком шагала по кромке берега, шелестя осколками льда и снежной кашей. Глаза у нее были пустыми и темными: в них не светилось ни узнавания, ни разума. Ничего в них не было, кроме опрокинутого неба.

Так прошел январь и половина февраля.

В День святого Валентина, когда мы возвращались в гостиницу с занятий, я увидела, что на поляне среди сосен что-то светится.

– Глядите! – я свернула с почищенной дорожки и пошла, спотыкаясь и утопая в снегу. И не зря. Тот самый городок из игрушечных домиков, который мы видели в свой первый вечер в Светлогорске, снова появился. Возник ниоткуда на том самом месте, где его точно не было ни вчера, ни позавчера, ни месяц назад. Перемигивался желтыми и оранжевыми квадратиками окон и выглядел самым уютным местом в мире.

Интересно, откуда он взялся? И чем был на самом деле? Пространственной аномалией? Кусочком другого измерения, который обладает разумом и сам решает, когда и где ему появляться? Ужасно хотелось все это обсудить... но потом. А пока мы буквально на цыпочках, словно боясь спугнуть маленькие дома, мосты и башни, окружили город, опустились на корточки и принялись внимательно

разглядывать улицы, крыши и окна. Может, в этот раз получится выяснить, кто живет, двигается, шепчет там внутри... И зачем это все.

Я потянула носом и внезапно уловила запах... фиалок. И лавандовых эклеров. На мгновение стало тепло, послышался треск огня – как в печи – и звуки... похожие на шум кафе. Звон посуды, разговоры, приглушенная музыка. Я завертела головой, пытаюсь понять, откуда все это доносится, и заметила окошечко, свет в котором казался сиреневым – из-за крошечной фиолетовой занавески. Я опустила на колени – перспектива промочить джинсы и замерзнуть вмиг стала абсолютно не важной – и потянулась к кусочку ткани. Отодвинула его в сторону и увидела комнатку, все стены в которой были увешаны зеркалами. В самом же центре лежал конверт. С трудом дотянувшись до него двумя пальцам – целиком руку в окно было не просунуть, – я потянула находку к себе, ухитрилась подцепить ногтем и вытащить наружу, даже не слишком помяв.

Тут в ушах зазвенело, и мир поплыл перед глазами. Как будто, сама того не желая, я инициировала переход между измерениями.

– Эй, – приглушенно крикнула Даша. – Вы это тоже чувствуете?

– Да!

Мы встали почти одновременно и отшатнулись в разные стороны... И вовремя, потому что через мгновение городок как ветром сдуло. Он мигнул и пропал, и поземка тут же зашуршала по гладкому, нетронутому снегу.

– Даже не подождал, пока мы заснем, – покачала головой Даша. – Ай-яй-яй!

И погрозила поземке пальцем.

Когда же мы добрались до крыльца гостиницы, Лия подала голос:

– Ну и кто что достал оттуда?

– Я – дудочку, – заявила Даша и продемонстрировала нам блок-флейту. Абсолютно обычную, пластиковую, с потертыми краями и трещинами, разбегающимися от отверстий.

– Я – кольца, – Лия раскрыла ладонь. Там лежали два одинаковых перстня из старого, потемневшего серебра с огромными черными камнями. Удивительно правильной, явно искусственной формы.

– Я – ничего, – обиженно бросила Мия, резко дернула дверь, шагнула через порог гостиницы и быстро-быстро пошла, скорее даже побежала, в номер. Лия виновато развела руками и рванула следом.

– Обиделась, – хором констатировали мы с Дашей.

Потом она спросила:

– Ну а у тебя что?

– Письмо.

– Тебе?

– Еще не знаю. В комнате открою. Только не подглядывай... ладно?

Почему-то мне казалось очень важным распечатать конверт в одиночестве.

– Не вопрос, – пожала плечами Даша. – Я тогда к Кириллу...

– Спокойной ночи небось пожелать.

– Не иначе, – она улыбнулась. – Хватит тебе получаса, чтобы прочитать тайное послание?

– Думаю, да.

Но читать оказалось нечего. Внутри конверта лежало сердечко. Одна его сторона была из зеркальной фольги, а другая – из матовой, мягкой сиреневой бумаги. Я сжала его между ладонями, упала спиной на кровать и почувствовала, как слезинки щекочут кожу, медленно пробираясь из уголков глаз к вискам.

– Сид... – прошептала я. – Зачем? Скажи зачем?

Но мне, конечно, никто не ответил.

На следующий день Санечка совершил открытие. Особенно своевременное, учитывая, что через пять дней надо было закончить сдачу зелий по списку. Все из себя таинственные и загадочно улыбающиеся, парни пригласили нас позавтракать в кафе.

– Мы угощаем, – сообщили они.

– И кое-что расскажем.

– Только вам.

– От широты душевной!

– И доброты невероятной.

– Вы что, – подозрительно прищурилась Даша, – философский камень раздобыли?

– Очаровали Лиру так, что она пообещала всем зачет автоматом?

– Нет и нет, – Санечка явно с трудом сдерживался, чтобы не выложить все сразу, но остальные усиленно нагнетали интригу. Выждали, пока мы все уселись за стол и сделали заказ, и только потом перешли к делу.

– Во! – гордо заявил Санечка и продемонстрировал нам заклеенный пластырем палец. С таким видом, как будто это была золотая олимпийская медаль.

– Ты встретил дракона и победил его, в неравной борьбе забрав зубы и чешуйки на ингредиенты?

– Тебя укусил Дэн и передал долю магии фейри, чтобы лучше колдовалось?

– Ты сдал кровь и получил привилегии почетного донора академии?

– Почти, – улыбнулся Санечка. – Помните, у меня вчера зелье не удавалось? Я с ним возился-возился, и, главное, казалось, что вот-вот. Но никак. Ну, я его снова. И никак. Даже задержаться решил. Чтобы понять наконец, как.

Действительно, когда мы накануне уходили, Санечка еще оставался в аудитории. Вызвался быть дежурным, все убрать, вымыть и привести в порядок. Он и раньше так делал. Мы-то думали, чтобы Лире улыбнуться лишний раз, но тут оказалось, что нет.

– Я голову решил проветрить. Привести все в порядок, а потом еще раз попробовать. И когда мыл пробирки, одна лопнула, прямо в руках. Пластыря не было, но порез маленький, я подумал, что вернусь в номер и наклею, просто его подсушил, ну...

Он замолчал и еще раз помахал пальцем у нас перед глазами.

– Ну... и догадайтесь, что случилось.

Лия показательно зевнула:

– Очевидно же.

– А мне не очевидно, – тут же эхом откликнулась Мия. – Санечка, рассказывай, не томи уже.

– Зелье получилось. Я, когда переливал ингредиенты, наверно, случайно, пальцем коснулся одного. И сразу так легко стало! Как будто до этого пытался водить машину и никак справиться не мог. Незнакомую, на механике, в гору, в гололед. А тут как в собственную уселся, на автомате, и погнал по идеальному асфальту.

– Кру-у-уто, – протянула Даша. – А Лире рассказал?

– Конечно, нет! Это же чит.

– А собираешься?

– Сначала зачет сдадим.

– Ты что, не помнишь? – Лия прищурилась. – Нам же строго-настрого запретили использовать ингредиенты не из аудитории. А кровь...

– Пока мы сами в аудитории, кровь тоже там! – отбил удар Санечка и улыбнулся еще шире. – Ну, Лия, чего вы с Витьком такие зануды кислые? Сначала он мне мозг полоскал, что это опасно, теперь ты...

– А это потому, – пропела Мия издевательским тоном, – что они у нашей русалки любимчики. У них-то все получается. Читы не нужны. Вот они и заботятся... о чистоте экспериментов. Чтобы на чужом неудачном фоне как можно круче выглядеть.

– Ну, знаешь ли! – вспыхнула Лия, встала, рывком отодвинув стул, и выбежала из кафе.

Мы с Дашей переглянулись. Учítывая, что Лия как раз неоднократно нарушала правила, чтобы помочь сестре с рецептами, возмущение ее было понятно.

– Зря ты так, – сказала я Мие и тоже встала.

– Тоже обиделась? Это что, заразно?

– Нет. Я просто за компанию. Даш, захватишь с собой мои сырники? – на кухне не сильно спешили, и заказанный завтрак нам до сих пор не принесли.

– Угу, – ответила Даша.

А Мия подвинулась ближе к Санечке, ткнула его локтем в бок и попросила:

– Давай же, подробнее! Что и как ты делал, что изменилось...

Но продолжения его рассказа я уже не слышала.

Сначала я спустилась к своему любимому месту на набережной. Села прямо на песок, подобрал под себя ноги, и долго смотрела, как в воздухе кружатся редкие снежинки. Пока не замерзла до ломоты в костях. Море здесь было молчаливое, темное, суровое. Если в начале зимы я пробовала с ним разговаривать, то теперь понимала, что это бесполезно. Я не входила в круг его доверенных лиц. Мое сердце не билось в такт со здешней тишиной. Только если долго оставаться недвижимой, задержать дыхание и замереть на границе между сном и явью, можно было понять, услышать, почувствовать, как море ворочается, скованное льдом.

Просто для меня оно было слишком северным.

Нездешним.

Нелюдимым.

Но все же мне было важно знать, что оно здесь. И слышит. Пусть и не отвечает. Зато поедает кусочки времени, если ты готов их отдать.

Я пришла в себя уже после полудня и долго пыталась встать. Массировала ноги, приподнималась и тут же заваливалась набок. Море глядело на это с вежливым любопытством, делая вид, что это вовсе не оно с удовольствием слизнуло только что кусочек моей жизни.

Но мне было не жалко.

Наконец я сумела подняться и, прошептав «пока!», медленно, разгоняя застоявшуюся кровь, пошла в сторону парка. Под шепчущими соснами и дальше, мимо здания академии. Каждый раз, видя неровную крышу, я вспоминала, как увидела ее впервые. Будто в прошлой жизни.

Немного подумав и пошевелив в карманах замерзшими пальцами, я свернула на дорожку и двинулась к учебному корпусу. Поняла вдруг, что срочно нужно в тепло, «оттаять» и прийти в себя. Щеки и кисти рук совсем онемели, и мысли ворочались в голове слишком медленно, словно замороженные.

Сначала я свернула в туалет, подошла к раковине и долго держала ладони под струей чуть теплой воды, глядя на себя в зеркало. Глаза будто поменяли цвет, и выражение лица неуловимо изменилось. Теперь, когда я пыталась улыбнуться, тут же вспоминала тот самый месяц, который приветствовал нас по прибытии сюда. И русалку.

– Просто день такой, – пробормотала я.

А в аудитории, куда я пришла через несколько минут, услышав хрустальный перезвон и тихое музыкальное мурлыканье, сидела Лия.

Она напевала что-то ужасно грустное и древнее, пробуждающее в воображении образы беззвездной ночи и безглазых воронов, истинно ведьминское. И помешивала в большой колбе искристое черное зелье.

– Привет, – прошептала я.

Она оглянулась и улыбнулась:

– Привет.

– Я... Мне, короче, жаль, что Мия так сказала. Про любимчиков и все это вот.

Лия пожала плечами:

– Про любимчиков, положим, она права. Несколько дней назад Лира предложила мне специализацию по черной алхимии. Углубленную программу на следующих курсах. И переехать сюда после окончания академии. Я ходила и думала над ее предложением, прикидывала так и этак... А сегодня поняла, что соглашусь.

– И что? Всю жизнь будешь создавать... проклятия? Яды и токсины?

– Морализаторство слышу в твоих словах я, юный падаван, – протянула Лия.

– Ну, мне бы не хотелось. Вот так.

– Кому не хочется, тому и не предлагают. – Лия похлопала по соседнему стулу, приглашая меня присесть рядом. – Тебе не интересно, ты не спрашиваешь про перспективы. Все остаются при своем. Сдашь двенадцать положенных зелий и свободна.

– А ты расспросила?

– Конечно. Надо же знать, чем я буду заниматься всю новую оставшуюся жизнь. После того как отомщу и поставлю точку в старой, – она зло улыбнулась и заглянула в колбу. – Кажется, готово.

– Что это?

– Проклятие, что же еще! С ингредиентом, который я достала во время Зимнего бала. Наконец получилось. Отблеск падающей звезды, на которую загадано желание, ненависть, жажда саморазрушения, безысходность, отчаяние. В почти равных пропорциях. Пришлось только помучиться с порядком добавления.

– Смертельное?

– Угу-у-у... – протянула она. – Особенно для двух милых людей в этом мире. Но остальным тоже не понравится, если что.

Она кивнула на дальний край стола, и я увидела, что там лежат два перстня, которые достались Лие в волшебном городке. Она взяла один и протянула мне.

– Смотри! Это не просто камни, а крошечные флакончики, – и ловко отщелкнула ногтем кусочек камня, оказавшийся плотно притертой крышкой. – Наливаешь туда проклятие, а потом, если понадобится, достаточно просто врезать врагу по носу. И он повержен.

– Полезная штука. Особенно если ходить в опасные районы.

– Вот и я так подумала, – она взяла маленькую медную воронку и аккуратно, по капле, принялась переливать зелье в перстень. – Я так

решила: один – мне, второй – Мие. В подарок. А что останется, пусть идет в зачет.

– По-моему, у тебя и так зачет автоматом.

– Слушай, – она подняла голову, мечтательно посмотрела в потолок и прищурилась. – Это же истинное волшебство. На кончиках пальцев. Все путешествия во времени и пространстве, трансформации, заклинания, истории... Их не потрогаешь, не попробуешь на себе, на вкус, на запах. А тут...

Она улыбнулась так ярко и по-доброму, что невозможно было представить, будто минуту назад та же самая Лия рассуждала о мести и смертельных проклятиях.

– Обычному человеку трудно контролировать эмоции и слова. А алхимики забирают их у людей. Приводят в порядок. Концентрируют, гранят, полируют. Ты знаешь, сколько на Земле есть могильников с зельями? Которые запечатаны навсегда, никогда не прольются и не принесут никому вреда? Или специальные хранилища проклятий на случай войны...

– Какой войны?!

– Например, с фейри. Последние несколько столетий они не вмешиваются в дела людей, но чем дальше, тем больше в мире холодного железа. Так что кто знает, что будет дальше. Если они нападут, то обычное оружие не поможет.

– А проклятия, значит, помогут? – я смотрела на Лию и начинала понимать ее сестру. Лия уходила. Все дальше и дальше. От нас. В глазах у нее горел тот самый энтузиазм исследователя, который ради любимого дела готов на все.

– Угу, – она кивнула и принялась наполнять зельем второй перстень. – Помогут. Короче, я не знаю точно, что буду делать через два-три года. Куда алхимия в итоге приведет. Но уже точно уверена, что надо подарить Дэну громадный праздничный торт.

– Торт? – Вот так поворот!

– Именно торт. За то, что нашел меня и позвал в «Иней». Благодаря которому у меня наконец есть смысл жизни. Настоящий. Не связанный с кем-то другим. Мой, только мой. Когда зелье получается, мне хочется танцевать.

Она выбралась из-за стола и начала кружиться по комнате, тихонько смеясь. И, готова поклясться, все колбы, флаконы и мензурки

в аудитории позванивали в такт ее шагам.

– Сегодня хороший день для магии, – пропела русалка, когда урок начался. Мы с Лией так и не успели ни позавтракать, ни пообедать, потому что просидели в аудитории до самого занятия. Хорошо, что Даша принесла с собой сырники, и теперь мы смотрели на Лиру очень внимательно и пытались максимально беззвучно их жевать, давясь от жадности. – Око бури, пауза между штормами. Поэтому мы поработаем с более тонкими материями. Чем ярче чувство, из которого дистиллирован ингредиент, тем легче с ним совладать. Правильно отмерить и вычислить нужную порцию. Но бывают еще не совсем темные ингредиенты, так называемые основы. Обычно первокурсники не справляются с ними... но сегодня звезды и море сошлись идеально. Давайте попробуем.

Она вытащила из шкафа большой мерный стакан с голубовато-серой жидкостью.

– Например, вот это – сожаления о прошлом. А вот это, – следом появился графин с мутно-белесым содержимым, – ностальгия вдали от дома. Решайте, что вам ближе, и подходите с мензурками. И, кстати, сегодня можете поэкспериментировать с блюдами, зеркалами и выпаривателями. Основы довольно безопасны, и не будет ничего страшного, если капли случайно попадут на кожу.

Мы с Дашей тут же синхронно обернулись и посмотрели на Санечку. Тот улыбался еще более победно, чем с утра. Мол, видите, да? Она сама разрешила! Я вздохнула и наклонилась к Даше:

– Слушай, – прошептала. – Он настолько бесстрашный?

– Они, – ответила Даша и фыркнула от возмущения. – Нарушать правила интереснее в компании.

– И кто наши герои?

– Санечка, Миша и Мия.

– Черт, – сказала я, глядя на близняшек за соседним столом. Лия сунула в рот последний кусок сырника, облизала сметану с пальцев, отодвинула в сторону колбу с искристым проклятием и стала увлеченно настраивать маленькую горелку. А Мия, покосившись на нее, отцепила от воротника свитера брошку, опустила руки под стол, скривилась на секунду от боли, вскочила и пошла за основой для зелья. А потом вернулась, улыбаясь, с... сожалениями о прошлом.

Голубая жидкость чуть помутнела, как если бы по дороге в нее успели добавить каплю крови. Или две.

– Сегодня у меня точно получится! – сказала она, поставив мензурку на стол.

– Здорово, – улыбнулась Лия. – Блюдце дать? Кристаллизировать будешь?

И потянулась к Мие.

– Эй, я сама! – прошипела та и рванула мензурку на себя. Так резко, что основа плеснула через край и попала Лие на пальцы.

Несколько долгих, мучительно долгих секунд та просто смотрела на руку. Капли вмиг стали алыми, зашипели, вскипели... а потом впитались в кожу и ногти. Без следа. Тогда Лия медленно подняла глаза на сестру и задрожала. Сначала мелко, будто от холода, а потом все сильнее и сильнее.

– Ничего себе «довольно безопасны», – удивленно сказал Миша, и тогда Лия закричала:

– Ты!!!

Как в замедленном кино, к ней уже бежала русалка, протягивая руку... Один за другим оборачивались другие студенты... Кто-то уронил свою мензурку, и по комнате плыл звон... Одна тоненькая, хрупкая нота, которую заглушал дикий, полный сумасшедшей боли и отчаяния крик:

– Ты!!!

Мия в ужасе отшатнулась, а я вскочила, чтобы схватить ее за руку и утащить прочь отсюда, из класса, из «Инея», из города, пока не закончился этот хрустальный звон, пока не сменилась картинка, пока можно было хоть что-то исправить.

Но я не успела.

Лия схватила со стола искристо-черную колбу и швырнула ее Мие в лицо. Быстрым, коротким, выверенным движением, как будто всю жизнь тренировалась. Звон оборвался, в аудитории разом вылетели все окна и стекла из шкафов, и с улицы ворвался ледяной ветер.

– Что... – тоненьким голосом спросила Мия, поднесла ладонь к щеке – и рассыпалась, разлетелась хлопьями пепла, которые заплясали в воздухе, мешаясь со снежинками и стеклянной крошкой.

– Будь ты проклята, вот что, – ответила Лия, рухнула на стул, закрыв лицо ладонями, и разрыдалась.

Перед глазами у меня кружился кусочек пепла, я почему-то никак не могла оторвать от него взгляд и думала о всяких глупостях. Например, интересно, горячий он или нет? Но так и не решилась коснуться.

Глава 10. Буквы и безысходность

В конце февраля мы прилетели в Адлер. Втринадцатером.

– Хорошее число, – с видом академика заявил Витек, когда самолет медленно, как будто на ощупь, катился к зданию аэропорта. Метель была такой сильной, что иллюминаторы тут же залепило снегом, едва мы приземлились. – Чертова дюжина, хорошо нам подходит.

После смерти Мии пара студенток из двух других групп решили, что не готовы учиться дальше, и ушли из «Инея». Как оказалось, это было вполне реально. Договориться об отработке, разобраться с бумажками, подписать несколько документов о неразглашении... Короче, просто. Кажется, я ужасно завидовала этому их «просто» и, когда они уезжали из гостиницы, злилась и провожать никого не пошла.

– О да, – ответила я Витьку. – Жаль только, что у нас по программе не курс нумерологии. А то сдали бы его по умолчанию и наслаждались весной. Морем, солнцем, горами, чудесной погодой.

Даша хмыкнула.

– Как думаешь, где мы будем жить?

– Вариантов немного, – я пожала плечами. – Либо в свежесанитарной застройке. Либо в санаторно-советском дряхлом фонде. То ли на берегу. То ли нет. Одно из двух. То есть четырех.

Однако я ошиблась.

В зале прилета нас уже ждал сухой и узловатый, словно высокогорное дерево, старик. Он чем-то неуловимо напоминал Фаину. Обветренное темное лицо, длинные пальцы на руках, будто веточки, спокойствие, которым от него веяло... Он шагнул нам навстречу, поднимая табличку «Академия «Иней», и улыбнулся:

– Хорошо долетели? Погодка вас встречает... дааа, – в голосе его неожиданно прозвучала звенящая гордость. Как будто сам организовал такую вот «погодку».

– Неплохо, – ответил за всех Кирилл.

– Сейчас по дороге завернем за шашлыком, покушаете. Потом в Поляну заедем за снаряжением и, кхм...

– Каким снаряжением? – подозрительно спросила Даша.

– Вы же не ползете в горы в пальто и джинсах? – усмехнулся старик. И тут же спохватился, прижал ладонь к груди и склонил голову, приветствуя всех. – Простите деда, толком не поздоровался, не познакомился. Виксинтий.

– Имя-то какое, – шепнул Санечка.

Старик в ответ хмыкнул, махнул рукой и повел нас к выходу из аэропорта. Там ждал микроавтобус на огромных колесах с ребристыми протекторами, одновременно выглядящий древне и футуристично. Хотелось надеяться, что он не развалится по дороге. Особенно по такой погоде. А еще хотелось понять, высоко ли нам придется лезть в эти самые горы. При мысли о том, что куда-то надо подниматься в метель, у меня тряслись поджилки. Это что же, проверка с самого порога? Что за снаряжение нас ждет? Ледорубы, альпенштоки и системы для скалолазания?

Мокрый снег метался в воздухе, мешал дышать, забивался за шиворот, залеплял глаза – короче, вел себя ужасно приветливо. На стоянке рядом ругались таксисты, выясняя, чья очередь брать очередных пассажиров по десятикратному ценнику. Через дорогу виднелась пальма в белой «шапочке» и с уныло поникшими листьями.

– Простите, а долго мы будем ехать? – спросила я Виски... Виски... Виксинтия, во.

– Дааа, – задумчиво протянул тот, приставив ладонь козырьком ко лбу и поглядев на небо. – Дороги завалило, часа три только до склада добираться будем.

Я вздохнула.

Ужасно хотелось куда-нибудь уже прилечь, забиться в норку, сказать «я в домике» и ни о чем не думать. Последние дни в Светлогорске слились в один, длинный-предлинный, наполненный муторным, тошнотворным мороком и призраками прошлого. Мне казалось, что нас, учеников, просто сгребли с шахматной доски, свалили в коробку как попало, а теперь перенесли и выставили на другое поле. Только оно уже не для шахмат, а для го. И играй как хочешь. То есть живи. Сдавай экзамены. Ходи по граням реальности. И помни-помни-помни. О чужих ошибках и своих.

Я оглянулась.

Лия стояла чуть в стороне от остальных, сунув руки в карманы, и смотрела себе под ноги. С таким сосредоточенным выражением на лице, как будто там, на асфальте, было что-то невероятно интересное.

– Садитесь! – крикнула Виксинтий, обметя снег с лобового стекла и усевшись за руль. Дверца микроавтобуса со скрипом поползла в сторону, я медленно выдохнула и шагнула к Лие.

– Идешь?

Она подняла на меня глаза. Пожала плечами:

– Куда ж я денусь.

– С подводной лодки, – вздохнула я, и мы отправились покорять стихию. Через три часа люк на потолке начал протекать, и я мысленно погрозила себе пальцем за пророческие слова.

Склад снаряжения в Красной Поляне был один в один как в Овсянке. Те же деревянные полы и скрипучая мебель, тот же запах, та же планировка помещений. Мне даже показалось на секунду, что мы одновременно находимся и здесь, и там, и если я выгляну наружу, то увижу за голыми ветвями деревьев Енисей. Но вместо него в окно были видны укутанные облаками горы.

Именно туда, в сторону мутной белизны, показал Виксинтий, когда мы переоделись в походную одежду и обреченно приготовились продолжать путь. Метель утихла, и на небе среди туч показалось бледно-голубое пятнышко, но все равно идея лезть куда-то по склону казалась бредовой.

– Нам во-о-он туда... В Ачишхо.

– Будьте здоровы, – тут же отозвался Кирилл. Даша не выдержала и прыснула в кулак.

– А вы, однако, шутники, – с подозрительной радостью заметил старик. – Так и запишем.

– Это хорошо или плохо? – хмуро поинтересовалась Лия.

– Очень хорошо. Если в начале курса по трансформации у вас есть силы на шутки, значит, по пути наверх нас не накроет лавиной.

– Это типа народная примета такая? – спросила я. – Ну, типа, если сурок не увидит свою тень, зима будет длиться вечно. А если первокурсник «Инея» смеется перед восхождением, значит, он заранее молодец?

– Хороший вопрос, – Виксинтий задумчиво потер подбородок пальцем. А потом плотнее затянул завязки на капюшоне. – Нет, это работает только до весенних каникул.

– А потом не работает?

– Именно.

– Спасибо, – ответила я. Каковы реалии, таковы и ответы. Почему-то вспомнилась Фаина, то, как она качала головой и констатировала, что у фейри нечеловеческая логика. Надо будет между делом выяснить, кто по сути своей этот самый Виксинтий.

И мы пошли. Примерно через сто метров прогулки Кирилл громко и трагически прошептал:

– Семь метров!

– Какие семь метров?

– Снега!

– Здесь? – Витек оглянулся по сторонам с картинным ужасом на лице.

– Нет же, – Кирилл сунул телефон в карман и принялся натягивать перчатки. – Я погуглил. Ачишхо – это снежный ад. Одно из самых мокрых мест в стране. Там снега выпадает до семи метров... в высоту. Мы что, будем жить в иглу? Протаптывать тоннели, чтобы сходить в гости друг к другу? Получать зачеты по горному туризму в экстремальных условиях? Почему мы прилетели сюда именно сейчас... а не позже, хотя бы через месяц?

– Потому что сейчас переход проще, – Виксинтий, который вроде как шел впереди и показывал дорогу, вдруг материализовался совсем рядом. – Чем хуже погода, тем больше у вас шансов добраться до учебного корпуса.

– Ура, – пробормотала я.

То есть нам не грозила жизнь в иглу. Уже приятно.

Еще через три часа я поняла, что окончательно выбилась из сил. Каждая мышца ныла и хотела одного: отдыха. Месить мокрый снег, держать равновесие на узкой тропе, хвататься за ветки кустов, стволы деревьев и камни, поскользнуться, падать, вставать и снова идти вперед. Вперед и вверх. В какой-то момент я поняла, что просто не смогу сделать больше ни одного шага. Ни единого. Позорно развернусь и покину академию не из-за угрозы собственной жизни, не

из-за того, как невыносимо смотреть на чужие смерти, нет, просто потому, что собственное тело меня предало.

И в этот самый миг грани действительности сошлись и трянули землю, тропа вздыбилась и полетела в лицо. Только Виксинтий устоял на ногах, а остальные кучей повалились в снег... Точнее, на снег.

Здесь поверх него был настолько крепкий наст, что он не проламывался под человеческим весом. Небо стало низким-низким, жемчужного цвета, равномерно переливающимся. Словно северное сияние в нежно-пастельных тонах, от горизонта до горизонта. Горная гряда впереди стала будто ближе: настолько четче я стала видеть мельчайшие выступы и неровности на скалах, как если бы стояла с биноклем. А звуки, наоборот, – глуше и тише.

– Первые пару дней будет неудобно, потом привыкнете, – успокоительно прогудел Виксинтий. – Зато учиться полегче будет.

– Почему? – спросила Даша.

– Тут срез реальности остро заточен. Будет резать вам пальцы и душу. Постоянно напоминать: то, что мы делаем, – ненормально для вашего привычного мира. Который остался в прошлом. – Виксинтий, прищурившись, посмотрел по сторонам и вздохнул. – И главное, не забывайте о том, что изменение – это непрерывный процесс. Невозможно сломать, а потом на обломках построить новую личность или новый мир. Иначе можно потерять гораздо больше, чем выиграть.

В итоге здешний филиал академии оказался бывшим зданием метеостанции. Во дворе до сих пор стояла покосившаяся будочка с покореженными жалюзи.

– Психрометрическая будка, – объяснил Виксинтий, поймав за шиворот Мишу, который уже собрался было исследовать артефакт из метеорологического прошлого. – Раньше она защищала приборы. И если прежде в нее забираться просто не следовало, то теперь и вовсе нельзя.

– Почему? – Миша попытался было вырваться, но понял, что это бесполезно. И замер в виде детсадовца, остановленного воспитателем в шаге от прыжка в лужу.

– Иногда туда приходит кворка.

В эту секунду пятеро студентов резко отшатнулись назад. Даша в том числе. Она как раз говорила... Я потеряла висок, пытаюсь вспомнить. Кажется, именно кворка привела ее в академию.

– Сразу видно, – наставительно продолжил Виксинтий. – Кто уже встречался с этим милым существом. Надеюсь, вы объясните своим товарищам, почему не стоит искать с ней встречи. Еще из правил... – он чуть помедлил, раздумывая. – В обычной реальности сюда лучше не ходить, даже когда сойдет снег и подходы станут проще. Там от станции остался лишь фундамент, ориентиров на местности нет, и если не повезет...

Он потер переносицу:

– Как это говорят современные геймеры, эээ... можно застрять в текстурах, если вдруг вас начнет спонтанно перекидывать между гранями. Еще не советую выходить на лед, – он показал в сторону озера, на берегу которого стояло здание. – Во-первых, он уже не слишком крепкий. Во-вторых, не зря оно называется Зеркальное. В нем отражаются вещи из прошлого и будущего, которые вам знать слишком рано. В остальном – будьте как дома. Сейчас соберу вам поужинать и позову. А завтра... Завтрак в девять утра. Занятия начнутся в десять.

Нам с Дашей и Лией досталась узкая комнатка с роскошным подоконником, переделанным в рабочий стол. Он был шириной больше полуметра и тянулся вдоль двух больших окон с красивейшим видом на горную вершину. Правда, кроме подоконника тут умещалось всего три шатких стула, три кровати, близко-близко придвинутых друг к другу, и что-то вроде сундука... видимо, для всех наших вещей.

Даша осторожно заглянула в него, наклонилась низко-низко и втянула воздух.

– Годится, – кивнула она.

– Плесени и старых гигрометров не обнаружено? – улыбнулась я.

– Хм, – Даша распрямилась и растерянно посмотрела на меня. – Вроде нет. Но я не их... искала.

– А что?

– Кворка сюда не добиралась.

– Расскажешь? – Лия уселась на кровать, сложив ноги по-турецки, и уставилась в окно. В последние дни она смотрела куда угодно, только не на нас.

Даша пожала плечами:

– Это довольно противно. Рассказывать. Так что если меня стошнит, то я предупредила, – она медленно опустилась на стул и вцепилась в его спинку так, что пальцы тут же побелели. – Кворка... это такой, ну, концентрированный «Иней». Ходячая аномалия. Она то кажется материальной, то иллюзорной, то висит в воздухе, то идет, у нее то два глаза, то... Ее невозможно описать. На нее ужасно мерзко смотреть... Наверно, она похожа на непостижимый сознанием ужас из рассказов Лавкрафта. И пахнет... весенним бризом, лимонным пирогом, кондитерской лавкой, бенгальскими огнями. Поэтому не смотреть – невозможно. Она будто притягивает, и чем ближе подходишь, тем страннее себя ощущаешь. Мозг натурально вскипает, пытаюсь представить мир, в котором вот ЭТО может обитать. И одновременно понимает – это ж вот он. Наш мир. И тебя клинит, ты как загипнотизированный. Стоишь и пускаешь слюни. Но все равно... – Даша разжала пальцы и задумчиво посмотрела на свою ладонь. – Потом ни дня не проходит, чтобы ты не подумал: а что, если увидеть ее снова? Такая заноза в мозгу. Не вытащишь ее. Не избавишься. И от этой мысли то невообразимо больно, то тошнит, то трясет, как от удара электричеством... Кворка тогда привела меня в академию, заставив идти за собой. Как на веревочке. В какой-то офис из одной комнаты, в руки к девочке-секретарше, которая помогла заполнить бумаги и примерно объяснила, что к чему. Привела и пропала. Нет, я больше не хочу ее видеть. Но при этом я буду каждый день, в любую погоду, выходить во двор и пить чай на крыльце... глядя на будку. А вдруг. И думать еще, не стоит ли отправиться в прошлое и как-то что-то поменять, чтобы мне встретилась не кворка, а феяри. Может, тогда станет легче?

– Не станет, – глухо ответила Лия.

– Думаешь, это...

– Это бесполезно, – она сглотнула. – Все предопределено. Вы не поняли еще? Во время практики мы ничего не меняли. Мы помогали событиям, которые и так произошли. А если бы попытались пойти наперекор... нас бы размолотило в жерновах времени. Мы бы сдохли на месте. Я очень четко это поняла.

– Когда... поняла? – я села рядом с ней и положила руку на плечо. И Лия вцепилась в мои пальцы так же, как когда-то я держалась за

Дашины. Как будто это было единственным, что удерживало от падения в бездну.

– Недавно. Когда Мия уме... когда я убила Мию. Вечером того дня. Я возвращалась в прошлое семнадцать раз. К началу урока. Пока хватало сил. Мысленно проваливалась в свое же тело. Помните, Лейла писала, что можно и так... Я вызубрила способ от и до. Я возвращалась и пыталась сделать так, чтобы Мия не успела уколоть палец. Или чтобы ее зелье не попало мне на руку. Чтобы этого не было, не было, не было. Хоть что-то поменять. Чуть-чуть. Но у меня, черт побери, ничего не вышло! Ни разу. Я прямо физически чувствовала, как мир сопротивляется. Как я не контролирую свои движения. Как во сне, когда вокруг кисель, ты барахтаешься, но бежать не можешь.

Я прикрыла глаза, вспоминая, что это же ощущение преследовало меня, когда... Когда я шла разбивать зеркало. Но ведь это же было предопределено? Почему реальность тогда сопротивлялась?

– Короче, – Лия резко выдохнула и вытерла глаза. – Там нет никакого смысла. В прошлом. Только безысходность.

Даша подседа к нам, обняла за плечи, и мы долго сидели так, покачиваясь туда-сюда. Без слов. Потому что их не было.

На завтрашнем занятии слов тоже... не особо прибавилось.

Мы собрались в комнате, где не было ничего, кроме стульев и проектора, который транслировал изображение прямо на стену. Белоснежную и удивительно ровную для этого дома, где столы скрипели, двери закрывались неплотно, из щелей в рамах дуло, а ступени на крыльце выглядели настолько старыми, что мне было страшно на них наступать. Провалишься еще... в подкрыльцовье. Будет самое что ни на есть физическое застревание в текстурах.

– Задание на экзамен состоит из двух частей. Сдать нужно будет сразу обе, к концу марта. Месяца с хвостиком вам должно хватить... То есть точно хватит, – Виксинтий внимательно обвел нас взглядом. – Первая часть – текст. Можете написать его от руки, или зафиксировать в файле, или начитать в записи. Не важно. В нем будет важно описать все максимально подробно. Вторая часть – правильная формула. Фиксируете события, записываете цифры и термины, и я отпускаю вас на каникулы.

Он включил проектор, и на стене появились алхимические символы. Но не темные, а самые что ни на есть традиционные, с представления которых Лира начала курс, пробежала по верхам и сказала, что они нам пригодятся... но потом. Вот то самое «потом» и наступило.

– Надо изучить процесс символической трансформации, приложить его к собственной душе, точно определить временные точки, начало и конец изменения, и правильно его записать. В целом – ничего сложного.

Символы на стене перетекали друг в друга. Кажется, это была цепочка элементов при создании философского камня. Или нет? Нигредо, альбедо, цинтринитас, рубедо...^[8]

– Учебники в шкафу в коридоре, там же тетради, карандаши, ручки, даже чернила, кому что больше нравится, – Виксинтий широко раскинул руки и улыбнулся. – Берите все что хотите! Только потом на место возвращайте. Вопросы есть? – Он помолчал, глядя на нас. А потом выключил проектор. – Ну, раз вопросов нет, можно начинать работу. Проверю, как вы продвигаетесь, через неделю. Так же в десять.

– А... – я даже толком сформулировать не могла, что именно хочу сказать. Простите, но ничего не понятно? А можно как-то более четко задание сформулировать? Мне тут показалось, что часть занятия с подробными объяснениями провалилась в небытие, можно ли ее как-то оттуда достать? Но Кирилл успел первым:

– Простите, а не могли бы вы сказать, с чего начинать сочинение? Ну, его план хотя бы. Тема, идея... От чего отталкиваться-то?

Виксинтий пожал плечами:

– Все вопросы – во время занятия. А сегодняшнее уже закончилось, к сожалению.

И вышел из комнаты, оставив нас сидеть с открытыми ртами.

– Знаете что, – задумчиво сказала Даша. – Что-то я вдруг по Дэну соскучилась. По-моему, он темнил не так сильно.

* * *

– Нич-ч-ч-чего не понимаю! – сказала Даша смешным мультяшным голосом, сделала из листа с записями самолетик и

отправила его в полет по комнате.

После приезда на метеостанцию прошло уже две недели, а мы ни на йоту не продвинулись в понимании того, что нам нужно сделать. После общения с Лирой, которая очень подробно объясняла задания и всегда была готова помочь, вытащить хоть что-то полезное из Виксинтия было слишком сложно. Мы выяснили, что он знает тысячу и один способ не ответить на прямо заданный вопрос. Зато, если подловить его в благодушном состоянии духа, когда он сидел во дворе, глядя на горы, или прогуливался по берегу озера, или перебирал старые приборы в крошечном закутке-лаборатории, можно было узнать что-то полезное. Вещи, которые он говорил, казались абсолютно случайными. Но мы их запомнили накрепко, потому что у всех было чувство: это кирпичики, из которых в итоге можно выстроить понимание предмета.

Даше он сказал:

– То, что тебе кажется началом конца, было началом всего.

Лиэ заявил:

– Жаль, что ты не видела красный.

А мне:

– Повезло, что ты пыталась учить итальянский.

И действительно, пыталась на втором курсе обычного универа, но быстро забросила.

Обычно вне занятий Виксинтий был дружелюбным, ворчливым и заботливым и напоминал курочку-квочку, которая возится с неразумными цыплятами. Но когда начинал говорить этими самыми загадками, то смотрел в другую сторону и произносил слова чужим, серо-стальным голосом, не похожим на человеческий. В нем было гораздо больше шума ветра и звона топора по дереву, чем обычных звуков речи.

Пытаясь разгадать подсказки, мы принесли Виксинтию пачку сочинений в следующем духе: «Как я на паре итальянского влюбилась», «Как я начала учиться в академии», «Пятьдесят оттенков любимого красного» и так далее, и в том же стиле. Все они были отвергнуты. Преподаватель улыбался уголком губ, сокрушенно качал головой и возвращал записи обратно.

– Не в ту сторону смотрите, – говорил он.

Вот и сегодня. Не в ту. Неужели мы разучились думать? Ведь во время осенней практики подсказка нашлась с первого раза... Хотя там и времени на размышления было всего-то до вечера.

– Это все иллюзия безопасности, – сказала Лия. – Мы расслабились и потеряли хватку. Виксинтий сказал, что до весенних каникул с нами ничего не случится – вот все и превратились в безвольные оладыки. Не хватает Дэна с метафорическим топором.

– Может, наоборот, хорошо, что над душой никто не стоит, – тут же отозвалась Даша. – Великое делание суеты не терпит. Мы же в себе не какую-то шестеренку должны подкрутить, точечно, а в целом поменяться. Любой духовной практике нужны отрешение и расслабление... Может, и хорошо, что нас тут попустило.

Или плохо.

Потому что тем же вечером Миша провалился под лед и чуть не утонул. Презрев запреты Виксинтия, они с Кириллом отправились на озеро и «слегка потеряли бдительность».

– А я ведь предупреждал, – проворчал Виксинтий, вытаскивая горе-водолаза на берег. Кирилл в одиночку сделать этого не сумел и где-то с полчаса просто держал друга за шиворот и орал, призывая помощь. В итоге сумел докричаться, но сорвал голос, замерз и теперь виновато шмыгал носом в ответ на нотации старика. – Расслабились. Забыли про дело. Дети-дети, когда ж вы взрослыми-то станете?

– Я себя особенно взрослой почувствовала, – пробормотала Лия, – когда нам сказали, что Лейла умерла. До этого казалось, что всегда есть кто-то, кто защитит и прикроет. А тут вдруг...

– Лейла, – выдохнула я. – Точно. Как я могла забыть. Давайте еще раз попробуем после ужина, кажется, я догадалась.

Ужин в итоге получился поздним. Сначала мы дождались специальных спасателей из «Инея», которые добрались до станции и забрали Мишу вниз, в больницу. А потом долго и с наслаждением ели жареную картошку с грибами, а затем пили чай с черничным вареньем. Я поймала себя на мысли, что оттягивала возвращение в комнату как только могла. Боялась, что снова ошиблась. И мы потратим время на очередную пачку сочинений «Как я провел лето», дурацких и бесполезных.

– Сам собирал, – похвастался Виксинтий, показывая на трехлитровую банку с вареньем. – На склонах Аибги.

– У нас из окна как раз она видна, – сообщил шепотом Кирилл. Они с Дашей сидели, привалившись друг к другу, и ели чернику из одной мисочки на двоих. – Красивая.

– Красивей меня? – пошутила Даша.

Кирилл закатил глаза к потолку и ничего не ответил.

Когда все начали расходиться, я подошла к Виксинтию и спросила:

– Скажите... А нет ли у вас, случайно, красного скотча? Или изоленты?

– Поглядим-посмотрим... – пробормотал он, и мы пошли в кладовку, где преподаватель прищурился, шагнул к большому шкафу с выдвижными ящиками и через пару минут жестом фокусника извлек моток красного скотча. Ровно того же оттенка, что был в съемной квартире в Дивногорске.

– Вот, специально тебя дожидался.

– Спасибо! – я прижала скотч к груди и буквально полетела вверх по лестнице на второй этаж.

Даша с Лией сидели на кровати и смотрели на меня тем самым терпеливым, добрым и как-бы-понимающим взглядом, которым взрослые в «Кошмаре на улице Вязов» смотрели на детей, которые вдруг – внезапно и ни с чего! – стали бояться засыпать. «Угу, угу, – как бы говорили их глаза. – Сделаем вид, что все в порядке, а то вдруг еще хуже станет?»

– Куда уж хуже, – почти беззвучно пробормотала я под нос.

И действительно. Какой смысл обклеивать окна скотчем на ночь глядя? Особенно учитывая, что почти всегда по ночам небо скрыто облаками и снаружи темно до черноты, как в самом далеком и тайном сундуке на метеостанции? Почему бы не подождать до утра?

Но я почему-то торопливо, как будто опаздывая, отрывала куски скотча и клеила их на стекло, отрывала и клеила, морщась от противного скрр-р-р-р-звука и от того, что пальцы теперь казались непоправимо липкими. Мотка скотча хватило ровно на оба окна. Тютелька в тютельку. И в тот самый миг, когда я собралась уже обернуться к девчонкам, развести руками и сообщить, что продолжение эксперимента переносится на утро, облака на небе

разошлись. И из-за горной гряды выкатилась огромная полная луна, плеснув мне на ладони ярко-алым.

Я спрыгнула с подоконника и рванулась к сундуку, нырнула в него с головой и принялась разгребать вещи. Не то, не то, опять не то... а вот и то! С победным воплем я выдернула из папки листы с записями Лейлы и крикнула:

– Тушите свет!

Надо отдать Даше должное. Она сначала щелкнула выключателем, превратив тем самым нашу комнату в идеальную декорацию для съемок фильма ужасов, и только потом спросила:

– Зачем?

– «Жаль, ты не видела красный!» – процитировала я Виксинтия, схватила Лию за рукав и потащила к подоконнику, туда, где света было больше всего. – Когда я заехала в квартиру, где жила Лейла, там на кухне окно было залеплено скотчем. Красным. И именно там я сумела прочитать фразу, написанную проявляющимися чернилами, с посланием для Арины. Именно тогда вы позвонили мне. И потом...

– Да! – Даша подошла и тоже устроилась рядом, усевшись на краешек стула. – Слушай, точно. Ты же говорила про это, и мы пытались рассматривать документы именно в красном свете, и нашли некоторые из спрятанных записей, а потом...

– Потом мы вычитали самое нужное и прекратили эксперименты, – пробормотала Лия. – И не возвращались к ним больше. Не до того было. И когда эксперименты с красным ставили, там как раз ты с Мией все изучала, а я что-то другое делала параллельно... – она сглотнула и закончила шепотом: – И мы еще шутили, что так отлично время экономится, раз мы близнецы и на все смотрим одинаково.

– Значит, ты должна была прочитать что-то именно сейчас. А не тогда, – я протянула Лие бумаги. – На некоторых с обратной стороны ее заметки...

Лия потянулась ко мне, но пальцы у нее так дрожали, что получилось удержать только один из листов, остальные веером посыпались на пол. Я опустила на корточки и начала было их собирать, как вдруг услышала:

– Так, по трансформации. Весь философский процесс не нужен. Надо смотреть на «а»: герметическую работу в целом, и «б»:

первоматерию в частности. Элементы такие: соль (отвечает за душу и духовную работу), ворон (знаменует собственно первую ступень). Перемножить соль, умноженную на прошлое, это число дней в сочинении – у каждого свое, – и на настоящее, число дней от договора с «Инеем». Разделить на семерку воронов, и тогда получится выброс. Смотри четыреста пятьдесят восьмую страницу учебника по традиционной алхимии.

– Ничего себе, – сказала Даша где-то через минуту после того, как Лия закончила это читать и замолчала. – Прямо инструкция.

– Хорошо бы, именно наша инструкция, – заметила я. – Кажется, нам срочно нужен учебник. Который, заметим, весьма опосредованно был полезен... то есть был нам ни к чему раньше, учитывая, что такого предмета на первом курсе нет...

– Ага! – ответила Даша. И если бы среди студентов академии проводились соревнования в духе «кто первым найдет нужное место в нужном учебнике», в этот вечер у нее был шанс войти в топ победителей. – Вот она, четыреста пятьдесят восьмая страница. Что тут у нас? О. Выброс. Процесс под воздействием детергента, производящего трансмутацию. Детергент по умолчанию – ворон. Ммм. Нам стало понятнее?

– Пока нет, – покачала головой Лия. – Ну смотрите.

Она взяла чистый лист бумаги и стала на нем писать.

Первоматерия – это соль* (прошлое*?количество дней, это сочинение)*соль (настоящее*количество дней от подписания договора с академией) /семь воронов = выброс.

– Думаете, примет Виксинтий формулу в таком виде? И вообще он говорил, что сначала надо сочинение, а там опять ничего не понятно...

– Может, на латынь перевести? Ну, для пущей важности, – проговорила Даша. – Ян, ты сумеешь? А то я как раз недавно читала шутку про то, что итальянский – это такой язык-некрофил, который все забыть любимую латынь не может...

Я пододвинула к себе листок, прищурилась:

– Соль – это сале, прошлое – пассато...

А потом громко и от души выругалась – на собственную недогадливость и плохую память – и снова ломанулась через всю комнату к сундуку. Как раз в этот момент луна зашла, посчитав свою миссию выполненной, я стукнулась коленкой о край кровати и взвыла от боли.

– Что?

– Куда?

Даша с Лией подскочили, судя по резкому скрипу стульев. Даже силуэтов на фоне окна не было видно, потому что теперь у нас царила полная чернота. Та самая, с которой начинается работа с первоматерией. Найдя выключатель на ощупь, я вытащила наконец из рюкзака старый рабочий блокнот. Он как раз закончился на занятиях по темной алхимии, и я завела новый. А надо было быть внимательнее. В тысячу раз внимательнее. Потому что на обложке старого, начатого во время практики в Столбах, чуть заметно, карандашом, было нацарапано: *Prima materia: sale (passato*781...?*

Даша тогда предлагала мне разобраться, что это такое.

Но в тот день у нас был зачет по практике.

Мы выжили и забыли, совсем забыли про нее. Про эту самую формулу. Которая приснилась мне, и я почувствовала, что... изменилась.

– Вот что это было... – выдохнула я. – Трансформация.

– Что?

– Помнишь, ты говорила, что как-то раз у тебя точка зрения на мир поменялась? – я посмотрела на Лию. – В самом начале, когда вы раздумывали, ехать или нет. Мия сказала еще, что у нее такого не было...

– Да, – Лия кивнула. – Было. Мы тогда уже подписали договоры, но до конца не решили... И...

– *Prima materia* есть *sale passato sale presente* поделить на *corvo 7* равно *emissione*, – отчеканила я. – Вот она, формула. Только цифры у каждого свои. То, что попроще – число дней от договора с «Инеем» – это момент, когда мы чувствовали трансформацию. Даш, у тебя же тоже...

– Да! – она вскинула на меня глаза. – Утром того дня, когда я тебе позвонила... То есть с телефона Арины. На телефон Лейлы. А попала... на тебя. Значит получается, что... – она медленно втянула

воздух, а потом еще медленнее выпустила его сквозь зубы. – Виксинтий был прав. Те, кто добрался до этого этапа обучения, да еще и в хорошем настроении, просто не могли бы сделать это, не сдав в конце марта экзамен по трансформации. Мы изменили себя. Сами.

– Осталось понять только, что такое сочинение. Которое прошлое.

– На вопрос со звездочкой отвечает ваша подруга Даша, – сказала она, чуть подумав. – То, что мне кажется началом конца, было началом всего. Когда я была совсем на грани, в истерике, что мы тут все сохнем, перед тем, как измениться и позвонить тебе, то подумала: день, когда я познакомилась с мужем, стал началом конца. Конца для прошлой меня.

– Но если бы не это, то мы бы сейчас не сидели здесь.

– Угу.

– То есть... Лие нужен день знакомства с ее женихом, а мне... с Валерой. Отсчитать прошлое от него, вспомнить все, как оно было, записать подробно, закончить моментом трансформации...

– И добавить в конце формулу. Потому что Виксинтий несколько раз повторил, что сначала текст, потом цифры.

Тут Даша встала и сосредоточенно направилась к двери.

– За бумагой, – пояснила она. – А то что-то у меня есть ощущение, что не уложусь меньше чем в сто листов. Вам взять?

– Нет, – Лия качнула головой. – Я уж лучше аудио. А то, боюсь, рука отвалится.

– А меня ждет тоннельный синдром, – прошептала я, впервые за последние пару недель включила ноут, создала в гугл-доках новый документ и начала лихорадочно печатать: *«Мы встретились на чемпионате России по MTG. Кастрюлька, то есть Валера, пришел туда поболеть за друга, а я первый раз приехала на такие крупные соревнования. Просто как-то сложилось: выиграла сначала на нашем местечковом турнире, потом на региональном уровне, и вот уже я в Москве...»*

Через двенадцать дней я набрала последний абзац «сочинения»: *«Я снова начала рисовать, много, лихорадочно, как в те дни, когда Валера в очередной раз пропал, держа меня на ниточке неопределенности. Только сейчас неопределенность была... куда более серьезной, чем какая-то «любовь всей моей жизни». Теперь на кону стояла просто жизнь.»*

*Prima materia: sale (passato*781) *sale (presente*17) / corvo*7 =
emissione»*

...

И четыре точки. Именно четыре.

Глава 11. Любовь и ловушки

Тридцать первого марта нас отпустили на длинные весенние каникулы.

– Дышите. Гуляйте на все четыре стороны. Только возвращайтесь до темноты, тут горы все-таки, – отечески напутствовал нас Виксинтий.

– И шапки не забудьте надеть, – тут же прошептал Витек, передразнивая его. Но преподаватель и бровью не повел.

– Думайте. Решайте, что дальше.

– А что дальше? – спросил Кирилл.

– В конце весны вы снова вернетесь в Красноярск. Там, в филармонии, будет проходить итоговая практика. Извлечь из себя все черное, что привело вас сюда, и сдать в качестве ингредиента в хранилище академии.

Это же... Я нахмурилась. Ровно то, что предлагал сделать Сид, а Элина отговорила меня, и теперь... Я поняла, что воздуха не хватает. Снова, как в день успешной трансформации. И как тогда, когда я разбивала зеркало. Все предопределено. Не зря говорит Лия, что весь мир – безысходность, и ничего не поменять. Мы ходим по собственным следам. Нет будущего, только прошлое, в котором уже все сказано. Но Виксинтий, словно подслушав мои мысли, продолжил:

– Это будет сложно. Полгода вас вели за руку случайности, совпадения, чужие подсказки, знамения прошлого. Но летом придется наконец посмотреть в будущее. Заглянуть не в омут событий, а к себе в душу. Примерить на себя то, что ждет впереди. Это сложно. Не будет проверенных рецептов, не будет командной работы... Каждый сам за себя. Поэтому отдохните и соберитесь с духом.

А когда мы уже собрались расходиться, пока не на все четыре стороны, а по комнатам, ошалев от внезапной свободы, он сказал нам вслед:

– У вас будет два искушения. Первое – желание бесконечно себя улучшать. Сразу скажу – не стоит. Многократная трансформация отбирает слишком много сил и иссушает волю... Знаете апорию про Ахиллеса, который никогда не догонит черепаху?^[9] Не советую

проверять ее на практике, потому что вы в этой формуле точно не Ахиллес. Второе – иллюзия собственного бессмертия и всемогущества. Я не зря говорил, что гарантирую вам безопасность только до сдачи экзамена. Здешние земли щедрые, они полны магии, готовы возлюбить и взлелеять любого, кто придет к ним в объятия. Вы не заблудитесь на горных тропинках, увидите самые красивые первоцветы, а дождь будет обходить вас стороной. Но всему есть пределы. Не дергайте судьбу за усы лишний раз.

– Вот и пойми, что он имел в виду, – сказала Даша, когда мы закончили отдраивать окна от разводов клейкой массы и обрывков скотча. Две недели они мозолили нам глаза, и вот наконец нашлись силы и энтузиазм, чтобы устроить большую весеннюю уборку. Как в Муми-Доле. Чтобы только небо, только ветер, только радость впереди, и все такое, без красных пятен из прошлого. – Не бродить по склонам после дождя? Не есть шаурму в самых дешевых забегаловках Большого Сочи? Или не ходить ночью по спальным районам с плохой репутацией?

– Кстати, о плохих районах, – тихо отозвалась Лия. – Давно хотела сказать, но все руки... то есть слова не доходили.

Она пошарила в кармане и вытащила оттуда два перстня. Те самые, которые достались ей от игрушечного городка, и те самые, внутри которых теперь жило убийственное проклятие.

– Я хотела одно Мие отдать, а второе – себе... На всякий случай. Чтобы защитить... и защититься от злых людей, – она повела плечами и посмотрела куда-то далеко, сквозь нас, и сквозь окно, и сквозь горы на горизонте. – Только вот выяснилось, что самая злая тут я сама. И мне... и нам они уже без надобности. Я пойму, если вы их не возьмете, но... Они правда хорошие. Настолько плохие, что хорошие.

– Прости, – сказала Даша, покачав головой. Ту самую фразу, для которой я уже рот открыла. – Прости, Лия. Не могу. Очень... наглядно было. Так что я, наверное, пас.

И тут язык мой – враг мой – решил за меня. Видимо, из соображений мирового баланса и красоты композиции.

– А я возьму.

Весна неумолимо накатывала на горы. Таял снег, сходили лавины, повсюду бежали ручьи, напевая и звеня, из земли лезли первоцветы, жемчужный цвет неба сменился на переливчатый, нежно-опаловый. Мы облазили все окрестности метеостанции, вместе и поодиночке, съездили на море, объелись сушеной хурмой и шашлыком, научились виртуозно переходить между гранями, оседлав ветер, ливень или снегопад. Время утекало между пальцами, надо было, наверно, думать и что-то решать... Но мне не хотелось.

Хотелось впитывать ощущения, восхищаться миром вокруг и баюкать временно обретенное, хрупкое спокойствие. Пусть оно ненадолго, но... Здесь было не так больно думать про свои чувства к Сиду, поэтому день за днем я размышляла: что это? Восхищение фейри, который так не похож на людей, что в него нельзя не влюбиться? Или эффект «клин клином вышибают»? На место Валеры, который вел себя как мерзавец, явился прекрасный принц, и не почувствовать влечения к нему просто не было шансов? Или это мечта из детства? Если любовь, то волшебная. А другой и не надо.

Но ответа не находилось... Точнее, он был. Только лежал не в плоскости разума, поэтому размышления ни к чему и не приводили. Просто сердце заходило в груди, когда я думала о фейри. Просто после снов о том, как мы танцуем, мне хотелось летать. Пусть даже это было ужасно глупо. Глупо в этой реальности, как сказал Сид.

– Это все весна проклятая, – сказала однажды Даша, когда мы вместе сидели на набережной реки Мзымты в Роза-Хуторе, потягивая молочный коктейль через трубочки, у меня – клубничный, а у нее – шоколадный. Как раз за секунду до этого я подумала, что последний раз с Сидом мы виделись ровно три месяца назад. И если я до сих пор о нем думаю – о чем это говорит, а? О том, что кто-то неразумен, мечтателен и сердечко у него... слишком наивное. – Лучше б сразу лето.

– Почему? По Сибири соскучилась?

– Нет, не по Сибири, – Даша поморщилась, резко сжала пустой картонный стаканчик в кулаке, а потом еще и трубочку завязала узлом. – По нормальному, вменяемому Кириллу.

– Ох... А что он? Вы поссорились?

– Нет. Наоборот. – Даша наклонилась и уставилась куда-то вниз, туда, где шумела река. – Он мне предложение сделал.

– А ты?

– А я согласилась.

– И в чем подвох?

– В его вопросах. Он стал мне задавать вопросы... неудобные. Ну, к примеру. Спрашивает: «Умрешь за меня?» А я откуда знаю, умру за него – или нет. Я не хочу об этом думать, понимаешь? Не хочу прикидывать. Прогнозировать. Хочу жить одним днем. Здесь. Сейчас. В «Инее». А он не хочет.

– Он... собрался отчислиться? В этом проблема?

– Да. Предлагает сбежать. Уйти. Как угодно. Он считает, что если вылить из себя тьму, прошлое... то мы перестанем быть сами собой. Теми самими, которых мы полюбили.

– А ты... Ты хочешь избавиться от черноты. И учиться дальше.

– Да, – Даша подняла голову и твердо посмотрела мне в лицо. – Я не хочу уходить. Сказала об этом. И вот после этого он и завел шарманку. Мол, ради сдачи какой-то практики я готова умереть. А ради него – нет.

– Сложно, – я покачала головой. – Не знаю, что сказать. Правда. А если придется выбирать между ним и учебой?

– Не знаю, – прошептала Даша. – Пока он меня перед этим выбором не ставит. Но только пока. Так что у меня есть время до лета. Оно – время это – такое весеннее, яркое, искристое... и его так пронзительно мало.

– Угу. – Я допила свой коктейль и опустила стакан в урну, так аккуратно, словно тот был стеклянным. – Поехали, покажу тебе одну штуку.

– Только за грань не ходи, – шепнула я Даше, когда мы подошли к каньону. Стояла полуденная тишина, пронизанная лишь тоненьким жужжанием насекомых, солнце жарило так, будто на дворе был не апрель, а середина июля. Ветви кустов и деревьев покрывала нежно-зеленая пена, молодые листочки. – Страшно.

– Что там?

– Выжженная земля. И пепел в воздухе, кружит и кружит. Как в Сайлент Хилле или фильмах про постапокалипсис.

– Надо же... – Даша чуть заметно качнула головой. Потом оглянулась на меня. – Куда дальше?

– Вперед. Почти до конца каньона.

Когда мы с родителями первый раз приехали на море, дикарями, в Адлер, мне было три. Пожалуй, именно отсюда я привезла свои самые ранние осколки-воспоминания. Самые яркие. Обкатанные волнами кусочки стекла, которые я собирала на пляже, огромные сладкие персики, цветущие лианы в дендрарии, фото с обезьянкой, которая пыталась меня укусить, крики «кукуруза! вареная кукуруза!», потерянная панамка, за которую поругали, и вот это место. Каньон Чертовы ворота.

Тогда я не понимала, зачем так далеко ехать, а потом забираться в лес. Помню только, что мне очень понравились низкие кустики с маленькими, очень красивыми глянцевыми листочками, а мама строго-настрого запретила их обрывать и пробовать на зуб. И в качестве наставления рассказала историю про древних воинов, которые встали лагерем рядом с такой рощей, приготовили ужин и помешали варево в котлах отломанными с кустов палочками. Наутро никто из воинов не проснулся. «Потому что самшит ядовитый!» – подытожила она. «А еще тонет в воде, – добавил папа. – Потому что это железное дерево».

С тех пор прошло больше двадцати лет, я побывала в разных городах и странах, в дендрариях и оранжереях, в лесах и в горах, но больше ни один куст не казался мне таким же волшебным. Загадочным. Древним. Как самшит, железное дерево, которое тонет в воде и может убить целый отряд.

Поэтому во второй день каникул я сорвалась и поехала сюда. И пожалела, круто пожалела, что ничего не читала про это место и не следила за новостями. Потому что лес был... какой-то не такой. Совсем не такой, как я помнила. И по глупости, не найдя то, за чем пришла, я шагнула за грань. И чуть не оглохла, не ослепла, не сошла с ума от мертвенного ужаса, который маревом плавал теперь в каньоне. Я бежала сломя голову по серой земле, не понимая, что я и где я, пока не вырвалась в реальность... рядом с единственным уцелевшим кустиком самшита. Кривобоким, ободраным, но таким же волшебным, как в детстве. Долго сидела на земле рядом с ним, плакала и гладила листочки. А он будто разговаривал со мной, воздух звенел от древней магии, века перемалывались в жерновах времени, и в сердце звучала та самая музыка с Зимнего бала. Музыка самой длинной ночи, музыка фейри.

Потом, вернувшись на станцию, я бросилась к Виксинтию, а он скривился, помассировал сердце и потусторонним голосом, глядя мимо меня, посоветовал сперва погуглить. Вот так вот банально. Так же банально, как люди случайно подписали смертный приговор тисо-самшитовой роще, когда во время строительства олимпийских объектов завезли на побережье маленького вредителя, бабочку, самшитовую огневку. Всего за пять лет она уничтожила все. Остался лишь тис. А реликтовый колхидский самшит, который рос здесь в неизменном виде почти тридцать миллионов лет, погиб. Возможно, тот куст, который нашла я, был последним.

– Как же так? – спросила я потом у Виксинтия. – Ничего нельзя было сделать? Совсем ничего?

Он развел руками. Морщинистыми руками будто из темного дерева. Этот жест был таким усталым и безысходным, что можно было ничего не отвечать, однако Виксинтий ответил:

– Я пытался. Мы пытались. Фаина приезжала из Столбов, и Кайта с острова Врангеля, и Лойнес из Баргузинского заповедника, и ребята из Кивача, и... Мы только оттянули его смерть. Года на три. Но хотя бы... попрощаться успели.

– А этот кустик, который остался... Он один?

– Может, и не один, – покачал головой Виксинтий. – Тебе повезло, что вообще сумела взглянуть на него. Значит, магия пропустила тебя. Когда стало понятно, что наши усилия бесполезны и все кончено, пришли фейри. И спрятали те крохи, что не успели погибнуть. Теперь они на границе миров.

– Это... ужасно горько.

– Да, – кивнул Виксинтий. – Так же горько, как другие уничтоженные здесь заповедные места. Закрытые метеостанции. Раненные строительной техникой горы. Погибшие родники. Невозможно сломать, а потом на обломках построить.

– Я помню, – кивнула. – Вы говорили. В самом начале.

Виксинтий грустно улыбнулся.

– Невозможно. Но мы пытаемся.

Я до последнего не была уверена, что снова получится его найти. Но всего через несколько шагов Даша потянула воздух носом и спросила:

– Чувствуешь?

– Да.

Это был сладкий, обволакивающий, медовый аромат. Теплый и золотистый. Он обнимал, грел, дарил надежду на лучшее и кружил голову.

– Что это?

– Не знаю. Но...

Я обогнала Дашу, миновала большой обломок скалы и замерла, увидев, что скрывалось за ним, в тени.

Тот самый кустик колхидского самшита расцвел. Крохотные желтые цветы с махровыми тычинками, звенящие вокруг них пчелы и солнечные лучи, в которых танцевали золотые искорки. Это было настоящее доброе волшебство. Кусочек волшебства.

– Смотри... Я именно его хотела тебе показать.

Даша медленно выдохнула.

– Спасибо.

Она протянула было руку к цветам, а потом отдернула.

– Он кажется таким хрупким. Как будто не из нашего мира. А музыка... ты слышишь музыку?

Я опустилась на землю, уселась по-турецки и прислушалась, склонив голову.

– Да. Вроде и знакомая... а мелодию не поймает. Ускользает.

– Кажется, я могу попробовать ее поймать, – Даша устроилась рядом со мной и вытащила из рюкзака флейту. Ту самую флейту из игрушечного городка. Поднесла ее к губам и заиграла.

Прирученная музыка тут же прилетела и свилась вокруг нас, послушная, как будто кобра, замороженная дудочником. Солнце подыграло Даше на струнах-лучах, мир будто замер и время остановилось.

А потом на звуки флейты пришла кворка.

Существо с тысячей лиц, воплощение страха и притягательной силы, геометрическая иллюзия, бессловесный оксюморон, обретший форму. У меня не было слов, чтобы описать ее, не было воли, чтобы осознать, что именно я вижу. Можно было только молча сидеть и

смотреть, широко раскрыв глаза, широко до боли. Потому что казалось: если моргнешь, то она может оказаться где угодно. Например, за спиной. Например, у тебя на коленях. Например... внутри тебя вместо твоей собственной души.

Даша перестала играть и медленно опустила руку. Флейта упала и покатилась в траву.

– Дудочка или кувшинчик? – спросила кворка тоненьким голосом и рассмеялась. Как будто тысяча хрустальных колокольчиков рассыпались по каньону. – Что тебе нужнее? Дудочка или кувшинчик?

– Я... не знаю, – прохрипела Даша.

– Идем. Если хочешь, – сказала кворка, отвернувшись и стала удаляться от нас.

И тут меня настигло сильнейшее ощущение дежавю. Потому что Даша осталась сидеть рядом. И она же поднялась, провела ладонью над цветами самшита и быстро пошла следом за кворкой. Не оглядываясь.

Первая Даша захрипела и подняла руку, попыталась что-то сказать себе-второй вслед, но не получилось.

А потом в воздухе будто лопнула струна, звоном ударила по ушам, и мир снова стал обычным. Цвел самшит. Звенели пчелы. В каньоне больше никого не было.

– Ты видела это? – прошептала Даша.

– Да.

– Мне показалось, что меня две.

– Да.

– То есть это не глюки, – она приложила ладонь к виску. – Мне показалось, что я решила уйти. И одновременно – остаться.

– Я... видела, – сказала я. – Где-то с минуту. Тебя было две. Правда.

– Знаешь, что самое интересное? – Даша посмотрела на меня, закусив губу. – Та «я» думала по-другому. Она точно знала, что Кирилл важнее, чем «Иней». И была готова уехать. Именно за этим она и пошла. Вслед за кворкой.

– А эта «ты»?

– А эта теперь точно знает, что выберет академию. Я хочу остаться здесь.

– Вот видишь. – Я поднялась с земли, отряхнула колени и протянула Даше руку. – Не зря съездили.

Всю дорогу до метеостанции: пока мы шли обратно по каньону и до дороги, ждали автобус, ехали до Адлера, а потом добирались до Поляны – я вспоминала свою историю. То самое раздвоение во время аварии, расслоение сознания. Единственное, я понятия не имела, о чем думает другая «я», потому что она была без сознания – из-за удара о стекло. Но... я ведь тоже тогда мучилась вопросом, что делать. Остаться с Валерой. Или уйти от него. И что? Нам тогда встретишься кворка? Или это было нечто другое? Темный алхимический эксперимент? Случайность? Что?

– Даш... – я наконец решилась рассказать, когда мы уже подходили к Зеркальному озеру. Солнце уже опустилось за горы, и вода казалась непроглядно черной.

– Прости, – Даша покачала головой. – Не... не могу говорить. Мне так странно... внутри. Давай позже?

– Угу, – и мы молча дошли вместе до станции. Потом Даша зашла в дом, а я заметила во дворе, возле психрометрической будки, длинную черную тень. Развернулась и пошла к Виксинтию.

– Скажите, – спросила я без предисловий. – Что именно делает кворка? Показывает варианты будущего? Отвечает на незаданный вопрос? Ведет куда-то... куда? Ну, исключая те очевидные случаи, когда она находит студентов для «Инея»...

Вместо ответа Виксинтий взял меня за руку и принялся внимательно разглядывать перстень, подаренный Лией. А потом заговорил:

– О, побрякушка фейри. Полезная.

– Чем?

– Одновременно материальна везде.

– Ч... что?

– Если ты заснешь, не сняв перстень, он будет с тобой в любом сне. Если фейри с ним перескочит в другую, любую реальность, перстень не исчезнет.

– Почему фейри? Я же не...

– Люди не фейри. Люди не могут переходить между реальностями. Никогда.

А потом подмигнул мне и добавил:

– Почти.

На следующее утро Даша вернула Кириллу кольцо, которое он подарил ей, сделав предложение.

Мы с Лией сидели за завтраком и гадали, куда запропастилась подруга – в комнате ее не было, кажется, всю ночь, кровать так и осталась не разобрана, – когда громко хлопнула входная дверь.

А потом еще раз. И еще.

– Тише, – прогудел Виксинтий. – Станцию не к чему ломать.

В столовую влетела встрепанная Даша, втиснулась между мной и Лией, торопливо налила себе кофе и уставилась в чашку, как будто там был сосредоточен весь смысл бытия.

Потом на пороге появился Кирилл. Одна щека у него была бледная до синевы, а вторая – подозрительно красная. Он помялся у двери и двинулся не к парням за стол, а к нам. Подошел, остановился, покачиваясь с пяток на носки, и сверлил Дашу взглядом, пока она не подняла на него глаза. И не спросила злым, потухшим голосом:

– Что? Что еще?

– Ничего, – отчеканил он. – Ты еще передумашь.

– Не передумаю.

Потом, когда мы поднялись в комнату, она разрыдалась.

– Мы ночью были вместе... а потом я сказала, что хочу доучиться. Сказала, давай придумаем что-нибудь. Если он не хочет... Это же не конец. Что мы найдем способ быть вместе. Правда? А он пришел в ярость. Повел меня наружу, к озеру. Стал шантажировать. Что если я сейчас же, сегодня же, не уеду вместе с ним, то он умрет. Что он видел именно это будущее в Зеркальном. Заставлял меня туда... смотреть.

– А ты?

– Я не стала, – шмыгнула носом Даша. – Ну как он не понимает, дурак? Если преподаватели говорят что-то не делать... может, не стоит этого делать? Он бесился. И кричал. Я спросила, что ж он раньше не был таким смелым. Когда его тошнило от страха осенью Дэну под ноги. Что, тот опасный фейри и на него кричать нельзя? А на меня, значит, можно?

– Хм-м-м, – протянула Лия. – А по лицу он от тебя именно тогда получил?

– Нет. Когда схватил за рукав и насильно потащил смотреть в воду. Может, это и глупо звучит, – она вытерла слезы со щек и несколько секунд невидяще смотрела на мокрые пальцы. – Но я не для того не сломалась, выжила, нашла новый смысл в жизни, научилась путешествовать в пространстве и времени, варить зелья и трансформировать себя. Чтобы потом позволять кому-то кричать на себя. Или заставляя меня делать что-то, чего я не хочу. Даже если я этого человека... люблю.

– Да нет, не глупо, – я вспомнила, как Валера срывался на мне. То кричал, то обиженно молчал, неизвестно из-за чего, а я из-за этого чувствовала себя побитой собакой. Побитой виноватой собакой. Черт, какой же тряпкой я была тогда. Как я вообще могла думать, что это нормально.

– Мне кажется, Кирилл просто сорвался, – Лия погладила Дашу по плечу. – Ошалел от свалившейся свободы на каникулах. Просто... в академии что ни вопрос, то вопрос жизни и смерти. А ваша любовь... она такая человеческая. Обычная. Вот он и пытается добавить драмы. Может, ему кажется, что тогда ты будешь воспринимать его серьезнее.

– Куда уж серьезнее, – вздохнула Даша. – Но я бы с радостью обошлась без этих драматических сцен. В кино они хороши, а в жизни – не очень.

А за обедом Кирилл показательно громко спросил у мальчишек:

– Я тут подумал. А не сходить ли нам на Черную пирамиду?^[10]

* * *

– Сегодня полезем? – заинтересованно спросил Санечка.

– Не-е-ет, – протянул Кирилл. – Уже не успеем. Там канатка от Розы Хутора рано заканчивает работать.

И тут у меня немного отлегло от сердца. Потому что подъем на гору сложной категории пешком без серьезной подготовки – это тянет на драму, опасную для главного героя. А прогулка в компании обычных туристов с использованием достижений прогресса – это нормально. Справа от меня с облегчением выдохнула Даша.

Однако рано мы расслабились.

– Пойдем завтра, – продолжил Кирилл. – Хотя завтра с утра будет дождь. Но мы же не боимся непогоды?

И внимательно, чересчур внимательно посмотрел на Виксинтия.

Тот медленно поднял глаза от тарелки с тушеным мясом и прищурился. Однако ничего не сказал.

– Ну так что, кто со мной? Саня, Витек... Кто-то еще хочет?

И вот тут Виксинтий заговорил. Тем самым потусторонним голосом, с которым все из нас в той или иной мере уже сталкивались.

– Будет очень обидно сгореть, ударившись не о свою лампочку.

И смешливая Зарина, которая уже привстала с места и открыла рот, чтобы присоединиться к походу, шлепнулась обратно и прижала ладонь к губам. Как будто для верности. Чтобы ни звука не просочилось наружу.

А Кирилл поднял бровь и криво улыбнулся Виксинтию:

– Так это же ваша лампочка. Если кто-то опалил крылья и сгорел, потому что электрик вовремя не щелкнул выключателем... Может, проблема в электрике?

– Или в нарушениях правил безопасности при работе с электросетями, – припечатал Виксинтий, встал и вышел из столовой. Оставив недоеденное мясо и ополовиненный стакан молока.

– Ты... вообще того? – прошептала Даша. – Решил с преподавателями поспорить?

– А тебе-то теперь какое дело? – огрызнулся Кирилл. – Да вы что, все не понимаете, что преподаватели эти... фейри-шмейри... они нас всех на слабо берут? И если бы мы меньше боялись, все могло бы быть по-другому?

– Или не могло, – тихо ответила Лия. – Потому что у жизни нет сослагательного наклонения.

– Ну и ладно, – фыркнул Кирилл. – Вы как хотите, а я завтра с утра намерен прогуляться. Кто со мной – тот молодец, а кто нет – не очень-то и хотелось.

Когда из столовой почти все ушли, Даша щелкнула пальцем по экрану смартфона.

– Прогноз на завтра! Ни намека на облачко. Не говоря уже о дожде.

– Тогда... откуда Кирилл это взял? – спросила я.

– И почему напрягся Виксинтий? – добавила Лия. – Даш, ну чего ты так смотришь? Мы же видим, что тебе не все равно. Значит, будем разбираться.

– Узнаем все про погоду, – кивнула я. – Полюбим метеорологию. Назначим себе Виксинтия научным руководителем. Обживемся тут... новые кровати в комнату купим, сундук этот проклятый на шкаф заменим...

– Очень вы решительные какие-то. А в психрометрическую будку за тайными знаниями кто полезет, не боясь встречи с кворкой?

– Положим... что я. – После разговора с Виксинтием про перстень я поняла, что кворка нужна мне позарез. Ну то есть не позарез, потому что очень страшно. Но если вдруг получится случайно встретиться, то не откажусь. Или откажусь. Тут ведь как пойдет. – Только скажи, зачем туда лезть?

– Так очевидно же, – ответила Даша. – Если официальные метеосводки говорят про ясную погоду, а Кирилл – про дождь, то откуда он про этот дождь узнал? Вариантов два. То ли заглянул в Зеркальное, то ли наша станция на самом деле до сих пор работает. А где у нас приборы?

– Пошли, – я отодвинула чашку с недопитым компотом. – Пока у меня решимости хватает.

Через четверть часа я выбралась из темной будки обратно во двор. Внутри не нашлось ни кворок, ни прочих сюрпризов, зато количество пыли поражало воображение. Так что следующие несколько минут я отчаянно чихала и вытирала слезящиеся глаза, а Даша и Лия изо всех сил сдерживались, не кидаясь с расспросами на незадачливого посетителя древних архивов.

– Ну да, – прочихавшись, сообщила я. – Там реально метеорологические прогнозы, с текущими датами, на неделю вперед, таблички данных по приборам и еще куча цифр. И завтра будет не просто дождь.

– А что? – упавшим голосом спросила Даша.

– Ливень и ветер с порывами до двадцати метров в секунду. Вот, глядите, я сфоткала расчеты.

Так что в комнату мальчишек мы явились во всеоружии. С вестником урагана в виде фотографии в Дашином телефоне.

– Слушайте, – сказал Санечка, после того как наши переживания были выслушаны и приняты к сведению. – Ну мы же с вами сейчас за гранью. И метеостанция работает только тут, в обычном мире она давно разрушена. А вы не хуже меня знаете, что погода здесь и в реальном мире может быть совсем разной.

– Да, – безмятежно улыбнулся Кирилл. – Мы ведь в реальности полезем на вершину. К тому же вы можете сходить к уважаемому Виксинтию и попросить его подкрутить винтики. Ну раз уж так сильно боитесь за нас.

– В смысле?

– В прямом. – Кирилл протянул нам старую вырезку из газеты. – Вот тут говорится, что в тысяча девятьсот двадцать первом году метеостанция была перенесена на участок, принадлежащий профессору Хмелевскому В. Ф. А как у нас расшифровываются его инициалы? Любой гугл скажет, что звали тутошнего первого метеоролога Викентий Фердинандович, но есть несколько документов, где его имя звучит подозрительно похоже на имя одного милейшего старикана.

– Виксинтий?

– Он самый. И озеро это... называется озером Хмелевского. То есть собственное карманное зеркальце есть у нашего препода, с пророческим функционалом. Удобно, правда? Особенно если запретить всем остальным этим самым зеркалом пользоваться.

– Ты же не думаешь... – Даша приложила ладони к горящим щекам, а Кирилл вдохновенно продолжил вещать.

– Думаю! Как раз думаю, что уж за сто лет можно было научиться управлять погодой. Он же специально снегопад устраивал, чтобы нам переход облегчить! Значит, любой дождь может остановить. Или наоборот. Так что, если он завтра нам решит испортить прогулку... – Кирилл расхохотался, и я вспомнила, где раньше слышала подобные интонации. В палатке, во время осеннего семестра, когда Лия впервые заговорила о собственном сумасшествии. – Значит, учителя в «Инее» специально убивают учеников. Выборочно. Чтобы остальные боялись. Они таким способом нас на коротком поводке держат.

– Тебе так важно это доказать? Но зачем?!

– Да. Я это Виксинтию и сказал. Если сдохну, то слухи об убийствах студентов станут явью. Я их выведу на чистую воду, я

их... – Кирилл сжал кулаки. – Чтобы никто не боялся так, как я. Ведь бояться неизвестности. А если это на самом деле сознательный подлый расчет, то с ним можно бороться. Или хотя бы знать, на что подписываешься. Я написал всем ребятам со старших курсов, чьи контакты у меня остались.

– Ты ненормальный, – пробормотала Лия. – Хочешь сказать, что Мию убила не я сама?

– Конечно. Недаром Лира тебя в любимчики назначила, она вполне могла подмешать нужные компоненты, и...

– Хватит, – Лия развернулась и вышла из комнаты, хлопнув дверью.

Я покосилась на Дашу.

Она смотрела на Кирилла, тяжело дыша. А потом сказала:

– Это же так по-детски. Зачем ты дергаешь судьбу за усы?

– Потому что могу, – ухмыльнулся он. – Теперь-то меня никто не может остановить, правда? Или не хочет?

– Да катись ты... – прошептала Даша и тоже рванула прочь. А я за ней. Последним, что я слышала, были слова Санечки:

– Эй, девчонки, ну вы чего? Пришли такие добрые, ушли такие злые...

На следующее утро Даша не спустилась к завтраку, и мы вдвоем с Лией наблюдали, как Кирилл и Санечка с Витьком встают, собирают бутерброды и уходят. На небе собирались тучи, и где-то там, на горизонте, погромыхивало. Виксинтий молча посмотрел мальчишкам вслед и хрустнул пальцами.

– С ним и вправду... что-то случится? – спросила я у старика.

– На пути у судьбы я стоять не имею права, – ответил Виксинтий. – На пути у Кирилла – я пытался, но он предпочел меня обойти.

– То есть он...

– Не знаю, – покачал головой метеоролог. – Никто не знает.

Через полчаса, когда мы закрывали окна в комнате, спасаясь от приближающегося дождя, Даша сказала:

– Нет, не могу.

И принялась лихорадочно одеваться, роняя то одно, то другое. Мы с Лией переглянулись и хором сказали:

– Мы с тобой.

Никогда раньше я так быстро не бегала от надвигающейся стены ливня, чуть ли не через голову катясь вниз по тропинке. Мы падали, поднимались, неслись вперед, цепляясь за стволы деревьев, снова падали и бежали дальше. Переход между гранями мы пролетели в секунду и вывалились в солнечный день, ни облачка, ни ветерка.

– Видишь, – выдавила я из себя, пытаюсь отдышаться. – Пока все нормально.

– Пока, – ответила Даша, и мы понеслись дальше.

На канатную дорогу была очередь, ужасно медленная. Турникет через раз не срабатывал, техник ковырялся со считывающим устройством, билеты проверяли вручную, и все это было невозможно, просто невозможно. Когда мы наконец забрались в кабинку и поехали вверх, Даша привалилась к стеклу и беззвучно расплакалась. Она продолжала вытирать слезы, пока мы переходили на следующий сегмент канатки и пока мы карабкались на вершину... До того момента, пока впереди, на подвесном мостике, не увидели наших мальчишек. Те уже возвращались обратно.

Кирилл увидел нас и что-то победно крикнул. Картинно, высоко поднял ногу и шагнул вперед... Тут же поскользнулся, взмахнул руками и стал валиться набок, а веревочные перила под его телом одно за другим почему-то лопались, и обрывки взлетали вверх со звонкими хлопками. Хлоп. Хлоп. Хлоп.

Санечка бросился за ним и поймал за шиворот, и повалился следом, а вот Витек не успел. Картинка перед глазами как будто разделилась на два кадра, до и после. До – Кирилл падает, Санечка его ловит, Витек прыгает к ним, протягивая руку. После – Витек висит над пропастью вниз спиной, вцепившись в одну из досок настила. И никого больше.

Кажется, я кричала.

Наверняка кричала.

Но только не помню, что именно.

Когда мы прилетели в Красноярск, первое, что я сделала – зашла в киоск мобильной связи и купила себе телефон – неубиваемый, в прорезиненном корпусе и с суперживучей батареей. Так странно, ухитриться отлично прожить без него больше полугода, а вот теперь пришлось купить из-за такой банальной надобности. Не знаю, зачем я

хранила эту визитку во внутреннем кармашке рюкзака вместе со всеми посадочными купонами за последний год и маленьким сиреневым сердечком... Но теперь она пригодилась.

– Девонька моя! – хозяйка квартиры в Дивногорске обрадовалась мне, как родной. – Как раз арендатор съехал, а я объявление о сдаче разместить не успела. Так что, заедешь? Только теперь, уж прости, залог за три месяца вперед возьму, чтобы не как в прошлый раз.

– Хорошо, – спокойно ответила я. – Давайте, заплачу за четыре. Но только поселюсь не одна, а с подругами. Вам же лучше. Даже если одна съедет, другие останутся.

– Приезжайте-приезжайте, – пропела хозяйка. – Познакомимся.

Я обернулась и поискала взглядом девчонок.

Даша стояла в стороне от людского потока, уставившись в одну точку, и шевелила губами. Наверно, снова спорила сама с собой. О том, могла она что-то изменить или нет. О том, что сильнее, судьба или любовь. А Лия сидела прямо на полу рядом с Витьком. Оба были черные, встрепанные, сгорбившиеся и нахохленные. Как те вороны из страшной сказки Пройслера. После того как Витек назначил себя главным виноватым за смерть друзей – «потому что сначала не отговорил, а потом не спас», – они с Лией сблизились и часто молчали вместе. Ибо что тут еще скажешь?

– Вы точно решили на квартиру? – спросил он, когда я подошла. – Непривычно вот так... разъезжаться.

– А ты напиши, когда сам поселишься. Мы к тебе на чай тут же приедем. Просто... – я замаялась. – Хочется побыть подальше от всех. И от преподав. Чтобы никто не трогал.

– Резонно, – Витек встал, шутивно поклонился, подхватил рюкзак и быстро ушел куда-то вперед, затерявшись в толпе.

Летняя практика в филармонии начиналась через два дня, которые нам отвели на «осмотреться, поселиться, прийти в рабочее настроение после каникул». С самолета нас встретила молоденькая девушка, чем-то неуловимо похожая на Элину. Оттарабанила заранее выученный текст приветствия, вручила распечатки с планом летней практики, тысячу раз переспросила, не нужно ли нам чего-нибудь, и только после этого оставила в покое. А мы вдесятером переглянулись, кивнули друг другу и разошлись в разные стороны.

– Такси возьмем или на электричке поедем? – спросила Лия.

– Давай на электричке. – Даша поправила ляжки рюкзака. – Не люблю таксистов. Слишком много болтают.

Наше трио за последние два дня обменялось от силы десятью фразами. Говорить не хотелось. Горе было слишком большим, и казалось, скажи неосторожное острое слово, и пронзишь его шкуру. Тогда затопит слезами. Непониманием. Страхом за себя. За друзей. Обидой.

Тратить душевные силы на то, чтобы держать лицо перед таксистом, не хотел никто.

В итоге мы ехали вдоль Енисея, я неотрывно смотрела на него в окно и думала-думала-думала. По словам Витька, перед тем, как ступить на мост, Кирилл специально шагнул за грань, удостовериться, что не ошибся с дождем. И смачно попрыгал там в луже. Конечно, с мокрыми подошвами идти на мостик было не самой лучшей идеей. Так что вопрос: то, что Кирилл погиб... можно ли это считать виной академии?

Последний разговор с мальчишками навел меня на мысль, которая возвращалась и возвращалась, мучила меня днем и ночью. Те самые смерти студентов, о которых говорили с самого начала учебы. Это несчастные случаи? Провалы из-за недостатка знания? Или... собственные решения тех, кто умер? Тех, кто решил дернуть судьбу за усы?

«Арина. Если ты это читаешь, значит, я не послушала твоего совета. Прости, пожалуйста, но я не могла не попытаться».

Та самая фраза, которая свела меня с девчонками и которую я помнила наизусть... Я поняла, что мне нужно точно знать, что именно тогда случилось с Лейлой. В подробностях.

Поэтому, как только мы приехали и устроились, разобрав вещи, я сообщила:

– Пойду погуляю.

И вместо прогулки поехала в филармонию, чтобы поговорить с Элиной.

– Ты изменилась, – сказала она.

– Это логично. Я же сдала трансформацию.

– И что? Теперь не жалеешь, что поступила сюда?

– Почему вы думаете, что я когда-то жалела об этом?

Элина усмехнулась:

– По глазам видно.

Но я не была готова говорить с ней о природе этих сожалений.

– Скажите, – я помолчала минуту, формулируя мысль. Посмотрела на ряд склянок с чернотой за стеклянными дверцами шкафа. – Если мне нужно знать, как именно умер студент, то лучше собрать слухи, расспросив его друзей и знакомых, или можно получить доступ к официальной информации?

Элина подняла брови:

– Интересно. Зачем бы тебе это понадобилось?

– Для полноты картины. Уважаемые преподаватели весь курс твердили о том, что, если хочешь правильно колдовать, нужно учитывать все мелочи и нюансы. Моя история здесь началась с чужой смерти... Не думаю, что я готова принять ее как данность в виде констатации факта.

Тогда директриса наклонилась и вытащила из ящика стола какой-то документ. Внимательно изучила его, потом подняла на меня глаза:

– Если пользоваться сложившимся студенческим сленгом, она «провалилась». Душа покинула тело, чтобы отправиться в собственные воспоминания.

– Это я знаю. Только говорили, что она не провалилась, а улетела.

– Если так, то она ошиблась и умерла зря, – Элина улыбнулась краешком губ. – В мечты отправляться бесполезно.

– Почему?

– В мечте нет точки изменений. Того самого перекрестка, на котором можно выбрать другую судьбу.

– Ее вообще можно выбирать? – я сначала услышала, что кто-то смеется. А потом поняла, что это мой собственный нервный смех. – Знаете, сколько раз Лия пыталась не убить свою сестру? Или сколько раз Даша пыталась спасти Кирилла? Я уже думала, что ее намертво закольцевало во времени там, у мостика! И все зря.

Элина хмыкнула:

– Это потому что они пытались играть в игру, правила которой не знали.

– А Лейла их знала?

Директриса поднялась, обошла стол и остановилась близко-близко. Смерила меня оценивающим взглядом.

– Да, я не ошиблась в тебе, когда увидела в первый раз. Ты не просто достаточно способная, чтобы учиться в «Инее»... иногда слишком способная.

– Так что? Она знала?

Элина вздохнула, отвернулась и посмотрела на ряды черных колб, графинов и склянок. Вздохнула. Как мне показалось, с сожалением. И проговорила:

– Не думаю, что тебе так уж нужно от меня подтверждение этому факту. Раз уж ты в принципе решила разбираться в ее истории.

И тут я наконец поняла, о чем все время забывала, что от меня ускользало, а на самом деле это было ужасно важным.

– Два вопроса! Всего два вопроса, и я уйду!

– Ты думаешь, я мечтаю о том, чтобы ты ушла?

– Ну, перестану отнимать у вас время.

– У меня никто не может отнять то, что я добровольно не готова отдать.

– Займусь подготовкой к практике!

– Ой ли, – Элина прищурилась и посмотрела на меня с явным сожалением. Как будто я была редкой антикварной вазой, за которую она боролась на аукционе и проиграла в последний момент. – Задавай, что уж.

– Арина, подруга Лейлы, она ведь тоже то ли пропала, то ли умерла, почти сразу после Лейлы?

– Верно.

– А вы не знаете, приезжала она в квартиру Лейлы после ее смерти?

– Знаю, – прошипела Элина, скользнула вокруг стола, опустилась на стул и сцепила пальцы в замок. Качнулась из стороны в сторону, словно королевская кобра, которая думает, то ли подыграть дудочнику, то ли самой загипногизировать его. А потом рассмеялась. – Разве ж вас остановишь! Да.

На следующее утро я встала за два часа до будильника. За окном сквозь полосы тумана виднелось светлеющее небо. Прислушалась, как сопят во сне Даша и Лия, спустила ноги на холодный пол и босиком, на цыпочках, пошла на кухню. Не глядя, выдвинула ящик рядом с окном и вытянула оттуда рулон красного скотча. Быстро заклеила

уголок стекла – даже в таком мини-варианте алого света было достаточно, чтобы скрытые буквы проявились – и стала перебирать все записи Лейлы, придирчиво рассматривая обратную сторону листов.

«Арина. Если ты это читаешь, значит я не послушала твоего совета. Прости, пожалуйста, но я не могла не попытаться. Но мне не хотелось бы, чтобы наши зелья и формулы пропали зря, поэтому вот как их найти: отсчитай десять шагов от входа в лагерную столовую, влево – если стоять к нему лицом. Увидишь распорный колышек, по цвету чуть темнее, чем остальные. Вот от него...» – и дальше подробная инструкция, как найти тайник. А после нее фраза: «На следующей странице про мое путешествие». И вот этой самой следующей страницы не было. Ни намек на какое-то путешествие, кроме тех формул и намеков, которые мы уже успели расшифровать.

Я зевнула и задумчиво пробежала взглядом по кухне. Интересно, Арина могла забрать один из листов? Конечно, могла. Или какой-то из них завалился куда-нибудь... Нет, стоп. Не завалился. Арина пропала именно потому, что его прочитала. После разговора с директрисой я была уверена в этом на сто процентов.

Ну и где бы я лежала, если бы была инструкцией к побегу из «Черного инея» к лучшей жизни? Поразмыслив пару минут, я встала и подошла к угловому кухонному шкафчику, в темной глубине которого громоздились жестяные коробки для специй или чая. Судя по виду, они самозародились там в момент, когда первый жилец квартиры переступил ее порог. А если учесть, что в последние годы эту квартиру снимали преподаватели и работники академии, они точно не стали бы наводить тут свои порядки. Что-то менять, выкидывать, убирать... В какую из банок я бы спрятала листок, если бы не хотела, чтобы его нашли случайные люди? Но хотела оставить шанс неслучайным?

Я раздвинула первый ряд банок и, привстав на цыпочки, изо всех сил потянула носом. Потом начала вытаскивать их одну за другой и находить там куски рафинада, засахарившееся варенье, вермишель, кофейные зерна... А в банке, которую я открыла следующей, лежали морские камушки, карамельки, куски лимонного пирога и поломанные на мелкие палочки бенгальские огни. Я засмеялась, запустила туда руку и нащупала на дне сложенный в несколько раз листок. «И пахнет... весенним бризом, лимонным пирогом, кондитерской лавкой,

бенгальскими огнями», – именно так говорила про кворку Даша. Именно так.

Перечитав несколько раз то, что было написано на листе, я аккуратно сложила его, засунула в банку и бережно поставила ее на место. Ибо надо уважать волю предшественников. Может, потом ее найдет еще кто-то из учеников. И колесо истории провернется заново.

Затем вернулась в комнату и несколько минут, не моргая, смотрела на спящих девчонок. Я чувствовала себя очень виноватой. Но хотя бы знала, что руководство академии их точно прикроет, если что. По отработанному сценарию.

Пришла обратно на кухню и торопливо написала два письма. Обычным карандашом, чтобы хоть раз избавить подруг от лишних загадок и расшифровок.

Первое – Лие.

«Привет. Прости, что пишу тебе это, а не говорю вслух, но раньше как-то не получалось, а потом, боюсь, возможности говорить у меня уже не будет. Я искренне тобой восхищаюсь. То, как ты видишь цель, выбираешь судьбу и идешь к ней. Я сама так не умею. Из тебя получится офигенный черный алхимик, надеюсь, когда-нибудь ты будешь учить студентов или твои эксперименты будут ставить им в пример. Я люблю тебя и буду скучать.

И еще хочу попросить об одолжении: кажется, никто, кроме тебя, не сделает это лучше. Потому что Лира тебе доверяет. Пожалуйста, передай ей это имя и адрес: Никифоров Валерий, город Серпухов, улица Ворошилова, 16–4. Скажи, что это привет от Яны: помнится, она очень хотела познакомиться с этим, хм, человеком».

И второе – Даше.

«Привет. Прости, что собираюсь тебя – и не только тебя – расстроить. Потому что за этот год ты стала моей лучшей подругой, я очень люблю тебя и буду страшно скучать. Но по-другому поступить не могу.

Хочу, чтобы ты знала: многие несчастные случаи с учениками «Инея», которые мы считали таковыми, на самом деле смертями не были. Иногда это выбор самого студента, шанс на лучшую жизнь, а не удар судьбы. Я точно знаю, что Лейла не умерла. И Арина – тоже. Они попытались вернуться в прошлое, чтобы изменить свой путь. Я пишу тебе подробно, как это делается, чтобы у тебя самой был выбор:

продолжать учиться в «Инее» или все-таки спасти Кирилла и уйти из академии.

Правила игры такие: в жизни у некоторых людей есть развилка. Тот самый момент, когда приходит кворка и ты словно раздваиваешься. Если провалиться в воспоминаниях именно в эту точку, то получится выбрать другую дорогу. Обмануть безысходность и предопределенность. Тогда для этой, текущей реальности, ты как бы умрешь, потому что твоя душа вместе с телом отправится в другую версию реальности. Туда, где все будет по-другому.

Я долго думала и поняла, что в свое время сделала неправильный выбор. Точно знаю, в какой момент все пошло не так. У меня тогда украли душевный свет. Думаю, пришло время его вернуть. Потому что теперь я точно знаю: у меня есть вторая попытка, и я собираюсь ею воспользоваться.

Обнимаю».

Закончив писать, я выпила чай с пончиком, вымыла чашку и блюдце, а потом сползла на пол, прислонившись спиной к стене, и поняла, что ужасно боюсь. Никогда мне не было так страшно. Ни разу в жизни. Точнее, в этой версии реальности. Но я все равно медленно выдохнула, закрыла глаза, сосредоточилась на воспоминаниях прошлого... и провалилась.

Эпилог. Часть 1. Валера

Я долго-долго падала сквозь черноту. Казалось, меня затягивает в гигантский водоворот из теней и сумерек, из страхов и ночной тьмы, и воздух уже кончается, а дна все нет и нет. Все чувства и мысли, казалось, выплеснулись наружу и плавали где-то рядом, а внутри меня не осталось ничего, кроме отстраненного удивления. Какая-то часть разума все еще не могла примириться с тем, что я решилась.

Потом начали проступать ощущения. И ни одно из них не было приятным. Заболел нос, и стало трудно дышать. Костяшки пальцев саднили. Подбородок ныл, и что-то щекотное ползло по шее, а у меня не было сил, чтобы дотянуться и смахнуть это «что-то». Еще было ужасно холодно и не открывались глаза. Я лежала на спине, замерзая и внутренне коченея. Воля двигаться, жить, чувствовать покидала меня капля за каплей, и я не понимала уже, на том я или этом свете.

И тут вдруг веки резануло серебристым отблеском.

А еще запахло лимонным пирогом. И бенгальскими огнями.

Я с трудом разлепила глаза и увидела совсем близко лицо Валеры, такое знакомое, когда-то любимое, с рыжей щетиной и пухлыми губами, с сосредоточенной улыбкой... Лицо Валеры, который наклонился с хрустальным флаконом и вытягивал из меня... как там сказала Лира? Смелость? Внутренний стержень?

Серебристый огонек метался и паниковал, не желая становиться ингредиентом. Он был ярче света фар, ярче звезд, ярче ненависти, которая волной поднималась внутри меня. Как я вообще могла допустить, чтобы меня ТАК обокрали? Еще краем глаза я успела заметить кворку, которая пряталась за сугробом, а через мгновение она хихикнула и пропала.

– Эй... – прохрипела я. – Не трогай. Это мое.

И, приподнявшись, с трудом вытащила из-под себя левую руку и хлопнула Валеру по щеке, оставив кровавый отпечаток.

Тот посмотрел на меня с искренним удивлением и издевательски рассмеялся.

– Ты как, в себя пришла? Ничего, сейчас добью и память по...

– Вот про добыю – это правильно, – пробормотала я, скривившись от соленого вкуса крови во рту. Сжала правую руку в кулак, почувствовала, как края черного перстня режут палец, и буднично добавила: – Будь ты проклят.

И врезала Валере по лицу уже изо всех сил, особо не целясь.

Эффект получился сногшибательным в прямом смысле этого слова.

Валеру приподняло в воздух, крутануло через голову и отбросило на несколько шагов. Он грохнулся на обочину в свете фар, задрожал и заскреб снег пятками.

Я тряхнула головой, села, подобрала под себя ноги и попыталась встать. Получилось только со второго раза. Все это время я не выпускала Валеру из вида, на всякий случай, но у него подняться пока не выходило. Словно у жука, которого уронили на спинку.

– Жук упал и встать не может, – пропела я, поглядев на перстень. Сосуд с проклятьем разбился, и обломки его хищно торчали. Словно зубы. Не ожидал, Валера, что я умею кусаться, да? – Ждет он, кто ему поможет.

– Ты... – Валера наконец сел и осоловело смотрел на меня. Как на оживший кошмар, который по всем законам жанра никак не мог ожить. Что ж. Пришла пора эти самые законы нарушить. – Ты...

– Я, – сказала я и шагнула к нему, сморщившись от пронзившей виски боли. – Я тебе сейчас на пальцах объясню, что брать чужое – нехорошо. Алхимик недоделанный.

И тут Валера сглотнул, прохрипел что-то невразумительное... А потом развернулся, вскочил и побежал. Трусливо побежал от меня к машине, дрожащими руками, только с третьего раза рывком открыл водительскую дверь, буквально рухнул внутрь...

– Беги! – крикнула я, чувствуя, как в крови бурлит и клокочет ярость. – Вали на все четыре стороны! Только знай, я найду тебя! Через год, через два, через десять! Найду и закончу сегодняшний разговор! И так просто ты, гад, не отделаешься!

Ну а что. Пусть боится, мерзавец.

Машина взвизгнула шинами, вильнула, объезжая меня по широкой дуге, и унеслась по Киевскому шоссе в сторону Москвы. А я подобрала свой кошелек, пачку с бумажными платками – со смешными совами – и промокнула кровь на подбородке. Подобрала сумку,

проверила, есть ли в кармане телефон, и медленно побрела обратно, в сторону аэропорта. Там меня ждали умывание в туалете и самый дорогой в жизни шоппинг. Всегда думала: кто эти дураки, которые втридорога покупают все эти сумки и свитера в тамошних бутиках? Пришло время пополнить их число.

– Что с тобой случилось?!

Когда на следующий день я доехала до друзей, они натурально офигели.

– Сотряс. Сломанный нос. И вывихнутый палец, – отчиталась я. – Мы с Валерой ехали из аэропорта и попали в небольшую аварию.

– Он что, с дуба рухнул? Позволять своей девушке ехать в таком состоянии куда-то...

– Но-но-но, – перебила я. – Какой такой девушке. Мы расстались. А теперь хочу тискать котов и есть оливье, чтобы залечить душевные раны.

Эпилог. Часть 2. Яна

Следующие два года прошли хорошо. Нет, даже отлично. Эта версия реальности не слишком отличалась от предыдущей, и я быстро оценила опцию «знаю, где соломки подстелить».

Единственное, чего не хватало – это моих черных городов. Десятки раз я пыталась их рисовать, но получалась какая-то подделка, эрзац, каракули. Десятки раз, засыпая, я мечтала о том, что мне привидятся химеры, набережные и мосты, но даже в сон они не желали приходить. Думаю, эти города были детьми тьмы, порождениями боли, что жила в груди у прежней Яны. Теперь же, когда сердце и душа были целыми, сублимировать было просто нечего.

Зато теперь во мне были смелость, внутренняя сила и готовность рисковать. Я верила в хорошее, и оно приходило. Экспериментировала, и риск оправдывался. Дерзала, и получала то, что хотела. Я меньше колебалась и жалела о принятых решениях. Жить стало намного проще... и как-то осмысленнее, что ли.

Досрочно сдав экзамены и отлично закончив универ, я плюнула на слова всех, кто говорил, что «какой-то историей не прокормишься», и поступила в аспирантуру. И неожиданно оказалось, что у меня талант в работе с бесконечными массивами архивов и в расшифровке записей на неизвестных языках. После изучения заметок Лейлы или заданий Виксинтия в стиле «пойди туда, не знаю куда» настоящая наука, эпиграфика, выглядела простой и задорной. И принесла мне статьи в журналах, поездки на конференции, интересные знакомства и гранты. Все это было изрядно приятнее, чем условное «сдали? значит, выжили, возьмите с полки пирожок».

Но чем ближе приближался тот самый октябрь, тем больше я нервничала.

Все чаще приходила к морю и молча с ним разговаривала.

Отменяла планы и проводила вечер за вечером, лежа на кровати и глядя в потолок.

– Что-то ты грустная в последнее время, – сказала Соня, когда мы с ней сидели в кафе двадцать шестого октября. Я вместо ответа пожала плечами и посмотрела на потолок. Оттуда улыбалась хеллоуинская

тыква. Trick or treat? Вот придет День Всех Святых, и что мне с ним делать? Дождь за окном набирал силу. – Э-эй! Может, тебе на свидание сходить? Помнишь Андрея, ну, который с радиотехнического? Он тут меня поймал и спрашивал, есть ли у тебя кто...

– Нет.

– Так, может, дашь ему шанс? Такой классный парень...

– Нет.

– Эй. Ну чего у тебя с личной жизнью, а? – Соня потыкала меня в бок с обеспокоенным видом.

– Ничего.

– Вот именно! Ничего! Но ты хотя бы это... Не заводи десяток кошек и не покупай синие чулки. А то, Ян, совсем ничего за своей наукой не видишь.

– Классный рецепт, – рассмеялась я. – Обязательно им воспользуюсь. Никаких синих чулок в гардеробе.

И никаких парней на горизонте.

Потому что место в моем сердце было давно и прочно занято тем, с кем не могли и близко сравниться все остальные. Потому что у них не было фиалковых глаз, волшебства и такого огромного самомнения.

Не раз и не два за эти два года я прислушивалась к себе, силясь понять, действительно ли до сих пор люблю Сиду. И каждый раз признавалась себе в том, что люблю. И не готова отказываться от этого чувства. По крайней мере, пока есть хоть малейшая надежда на встречу.

Когда вечером я вернулась домой, промокнув с головы до ног, то сразу, не раздеваясь, метнулась к зеркалу. И нет, трещины на нем не было.

Конечно.

Ее и не должно было быть в этой реальности.

Но я все равно почему-то расплакалась.

Эпилог. Часть 3. Дорога к декабрю

На следующий день я позвонила Юрию Ивановичу и сказала, что уезжаю в Москву и освобождаю квартиру. Потом сообщила родителям, что у меня командировка в архив, а потом еще одна... и, в конце концов, в столице конференций больше. Почему бы не пожить там какое-то время? Научный руководитель пришел в восторг от моей готовности самой куда-то ехать, не тратя университетские деньги, и дал пачку визиток почтенных профессоров, с которыми «обязательно надо пообщаться лично!». Я слушала, послушно кивала и отстраненно улыбалась. Диссертация уже была написана, защита назначена на январь... А значит, я могла позволить себе небольшие каникулы.

И заняться наконец личными делами.

Прилетев в Москву с одним рюкзаком, я написала Сашке.

«Привет. Можно к тебе вписаться на пару дней?»

И, предсказуемо не дождавшись ответа, поехала в гостиницу.

Сообщение от него пришло только на следующее утро.

«Привет! Ой, прости, только увидел. Вчера пришел с работы и рухнул спать. Ты уже здесь, да?»

«Ага. Заеду к тебе на чай?»

«Не вопрос! Буду только рад».

Финики были вкусными, зеркало – целым, а соседка – милой и улыбчивой.

– Ты чего с рюкзаком? – спросил Сашка, когда мы успели поболтать, кажется, обо всем на свете. От устройства параллельных миров до мысленного конструирования тессерактов.

– Так я в аэропорт.

– А я думал, ты к нам в командировку.

– Все так думают, – кивнула я. – Но я решила еще заглянуть в Красноярск.

Уже там, стоя напротив филармонии, я попыталась шагнуть за грань. Впервые в этой версии реальности. Или хотя бы увидеть потусторонний облик здания... Но у меня не вышло ровным счетом ничего.

Магии теперь у меня не было, как и химерных городов.

Выходит, она тоже питалась тьмой.

Я знала теорию, точно представляла, что и как надо делать... Но это не срабатывало. Никак.

Я закусила губу и сделала вид, что совсем не волнуюсь.

Хотя кого я обманывала этим? Только саму себя.

Как мне найти Сида? Если нет дороги за грань, то где его искать? Или... или когда?

Ответ пришел мне в голову почти сразу и был хорош всем, кроме одного. Надо было снова ждать. А это занятие с каждым днем давалось все труднее и труднее.

В Светлогорск я прилетела за неделю до зимнего солнцестояния. И пару раз, прогуливаясь по улицам, встречала девчонок: Дашу, Лию и Мию. С трудом удержалась, чтобы не окликнуть, а они прошли мимо, не узнавая. Конечно, не узнавая.

А когда наступил вечер перед Зимним балом, я оделась в праздничное платье – нежно-желтое с медовым отливом, словно цветы самшита, – накинула пуховик и отправилась в ротонду на побережье. Пока ждала Лиру с выводком юных черных алхимиков, кусала все губы от волнения.

Русалка вынырнула из темноты, махнула рукой ученикам, и они начали медленно подниматься по невидимым ступенькам. Ну же. Меня трясло крупной дрожью от волнения и предвкушения. Я точно знала, что все будет хорошо. Я верила в это. Надеялась. Потому что... иначе какой смысл?

Поэтому я скинула пуховик и двинулась следом за Лией, которая шла последней.

Шаг.

Еще шаг.

Никогда раньше у меня не было такого соблазна утратить веру в чудеса. «Яна, ты же ученый, как ты можешь верить в сказки? – завопил внутренний голос. – У тебя под ногами ничего нет. Ты упадешь».

«Нет, – я сжала кулаки и поднялась еще на одну ступеньку. И еще. – Не упаду. Потому что...»

Тут Лия обернулась.

– Привет! А ты кто? И что тут делаешь? – удивленно спросила она.

Но не успела я и рта раскрыть, как за меня ответила Лира:

– Ее пригласил фейри.

Эпилог. Часть 4. Сид

Фейри появился, когда по небу уже разливался рассвет. Всю ночь я простояла на краю танцевального круга, пила шампанское маленькими глотками и смотрела на море. Мы с ним давно... то есть никогда раньше не виделись, и у нас было что сказать друг другу.

Сид соткался рядом из света гаснущих звезд и шепота волн. Осторожно взял мою руку и поцеловал кончики пальцев.

– Прости, никак не мог прийти раньше.

– Знаю. – Я положила ему ладонь на плечо, а он обнял меня за талию, и мы стали кружиться под затихающую музыку, медленно-медленно. – Ты танцевал со мной в другой реальности.

– Да, – он заправил выбившийся локон волос мне за ухо, нежно коснулся щеки... – Я прощался.

– Очень надолго, – кивнула я.

– Возможно, навсегда, – согласился Сид. – Если бы ты решила остаться там.

– Но почему? Неужели было так сложно... хотя бы на чай заглянуть?

– Это было невозможно. – Фейри прижал меня к себе чуть крепче, и я почувствовала, как напряглись его руки и... Задрожали? Но что это? Разве фейри могут переживать, волноваться, не быть идеально спокойными? – Я ведь говорил, что нарушил правила. И пусть я невообразимо хорош и многое могу, даже мне не стоит дергать судьбу за усы слишком часто.

– Что же ты сделал?

– Нам нельзя вмешиваться в судьбы людей. Если только человека ритуально не отдали холмам или не прокляли особо изысканным способом. Но я увидел тебя в аэропорту, когда ты зря ждала... – он горько улыбнулся. – Сердце у тебя было из осколков, душа во тьме, но все равно ты светила ярче, чем все звезды этого мира. Я увидел тебя и понял, что должен хотя бы попытаться тебя похитить. Не для «Инея». Для себя. И потом отпустить... или нет. Как захочешь. Но по правилам игры, я мог показаться тебе только тогда, когда ты дошла до края... и

устояла. Не потеряла разум и не совершила непоправимое. Но Валера только этого и добивался.

– Кто он? Один из выпускников академии, который нашел свое предназначение... вот в этом? Сколько судеб он успел сломать?

– «Черный иней» не средоточие всей магии в этом мире. – Сид осторожно поцеловал меня в макушку. – Скорее, он самоучка. Талантливый и злой. Разбивал чужие сердца и коллекционировал их осколки. Я... я был уверен, что ты не сломаешься в конце... Но Валера...

Сид остановился, взял меня за подбородок и наклонился так близко, что наше дыхание смешалось.

– Помнишь, когда он приезжал в Таганрог? Перед тем, как позвать в Москву?

– Ну...

– Однажды ночью он решил, что надо закрепить... успех. Чтобы ты точно не сорвалась с крючка. И готовился выпить тебя, почти до дна. Я нарушил ход ритуала и прервал его, хотя не имел права этого делать.

Так вот что это было! Я закрыла, глаза вспоминая, как...

...Проснувшись ночью и, приоткрыв глаза, увидела, что Валера не спит. Он опирался на локоть и настороженно смотрел куда-то в темноту. И, главное, дышал медленно-медленно и сосредоточенно, как... Как охотник, лежащий в засаде, вот что подумалось первым. Не хватало только ружья. Я несколько минут наблюдала за ним из-под опущенных ресниц, потом на всякий случай – чтобы не спугнуть охотника! – сделала вид, что только проснулась, потянулась и пробормотала:

– Ты чего не спишь?

– Просто так, – прошептал он и поцеловал меня в висок. – Не спишься.

А потом добавил:

– Слушай... Ты ничего необычного не замечала в последние дни?

– Нет.

Хотя замечала. Конечно, замечала.

А Сид усмехнулся:

– И прости. Должен признаться. Потом я еще сломал колесико твоего чемодана. Чтобы ты точно не поехала в тот хостел.

– Так вот почему мир мне сопротивлялся тогда... – пробормотала я. – Когда я перенеслась в прошлое на осенней практике.

– Да. Ход событий должен был быть другим, но я его чуть-чуть... поменял.

– Спасибо, – выдохнула я. И, глядя через плечо Сиды на магический купол над танцевальным кругом, который трескался и осыпался под первыми лучами солнца, прошептала: – Скажи, а я смогу когда-нибудь... ходить за грань? Я ведь не поступила в «Черный иней» и не смогу там учиться, ну, по формальным признакам. И во мне теперь нет волшебства и на йоту...

Сид рассмеялся:

– Волшебства в тебе более чем достаточно. Просто надо уметь им пользоваться. Но... Я же говорил, что преподаватель? Неужели ты думаешь, что я сам не сумею тебя научить всему?

– Обещаешь не угрожать убийственными карами за несданный зачет?

– Конечно.

– И не заставишь подписывать суровый договор?

– Разве что договор о том, что ты готова подарить мне сердце.

– А ты сомневался? – хитро улыбнулась я.

– Нет, – Сид прикоснулся к моим губам, и время остановилось. Со всеми своими тайнами и волшебством, с тысячами звезд и одним Солнцем, с черной магией и белыми сердцами, с осколками судеб и шансами на лучшее. Остановилось, а потом дрогнуло и снова потекло вперед.

И самая длинная ночь в моей жизни закончилась.

---

notes

Примечания

1

Magic the Gathering – самая популярная в мире коллекционная карточная игра, придуманная математиком Ричардом Гарфилдом в 1993 году. Турниры по MTG регулярно проходят в игровых магазинах и других заведениях. Крупные турниры с сотнями участников со всего мира, спонсируемые издателем игры Wizards of the Coast, проводятся несколько раз в год, с существенными денежными призами для финалистов.

В книге Дугласа Адамса «Путеводитель для путешественников автостопом по галактике» ответ на «Главный вопрос жизни, вселенной и всего такого», полученный после семи с половиной миллионов лет непрерывных вычислений на сверхмощном компьютере, звучал так – «42». Довольно бессмысленно. Ну или непостижимо человеческим разумом.

Страдающее Средневековье – группа интернет-мемов, создаваемых на основе художественных произведений эпохи Средних веков.

4

Сцена убийства в ванной, ставшая классикой хоррора.

League of Legends – многопользовательская компьютерная игра.

6

Приветственный жест рукой, поднятая вперед ладонь с разведенными средним и безымянным пальцем и вытянутым большим. Обычно понимается как «Живи долго и процветай» – эти слова, собственно, и сопровождают этот приветственный жест (вселенная Star Trek).

Старинное название Светлогорска, переводится как «Край погребов».

Нигредо, альбедо, цинтринитас, рубедо – алхимические этапы Великого делания. Великое делание (*лат. magnum opus*) – процесс получения философского камня (иначе именуемого эликсир философов), а также достижение просветленного сознания, слияния духа и материи.

Одна из апорий философа Зенона. Быстроногий Ахиллес никогда не догонит неторопливую черепаха, если в начале движения черепаха находится впереди Ахиллеса. Допустим, Ахиллес бежит в десять раз быстрее, чем черепаха, и находится позади нее на расстоянии в тысячу шагов. За то время, за которое Ахиллес пробежит это расстояние, черепаха в ту же сторону проползет сто шагов. Когда Ахиллес пробежит сто шагов, черепаха проползет еще десять шагов, и так далее. Процесс будет продолжаться до бесконечности, Ахиллес так никогда и не догонит черепаха. // На самом деле, опровергается и в рамках математических решений, и самой реальностью.

Самая высокая вершина горного массива Аибга (*адыг.* Iae – злой, *адыг.* Бга – хребет).